

Жура Буренина

Свет В ТВОЕМ ОКНЕ

«В каждом из нас живет маленький ребенок, который верит в чудо. Когда в центре большого грохочущего города наконец встретились ОН и ОНА, все вокруг поняли, что чудо произошло».

Она имела, казалось бы, все, о чем только можно мечтать: интересную работу и блестящую карьеру, успех и независимость, — все, кроме обычного женского счастья.

У нее не было, казалось бы, вообще никаких проблем... кроме одиночества. Одиночества такого мучительного, что она порой наблюдала за жизнью обитателей квартиры в доме напротив.

И однажды, когда одиночество стало невыносимым, она позвонила в дверь ТОЙ САМОЙ квартиры в доме напротив. Позвонила, еще не зная, что именно там ее ожидает долгожданное счастье. Счастье, которое способна принести женщине только любовь...

-
- [Кира Буренина](#)
 - [СВЕТ В ТВОЕМ ОКНЕ](#)
 - [Новогодние сюрпризы](#)
 - [Окно напротив](#)
 - [Свое дело](#)
 - [Президентский пул](#)
 - [Интервью в Кремле](#)
 - [Владислав](#)
 - [«Семейные традиции»](#)
 - [Ксения Александровна](#)
 - [Никита](#)
 - [Тучи сгущаются](#)
 - [Конфликт](#)
 - [Алиса](#)
 - [Предложение](#)
 - [Жанна](#)
 - [Бал для прессы](#)
 - [Леша](#)
 - [Ровный счет](#)
 - [Весна](#)
 - [РАССКАЗЫ](#)
 - [МАСКА СЧАСТЬЯ](#)
 - [СУВЕНИР](#)
 - [СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ](#)
 - [ЭФИР ИМЕНИ МЕНЯ](#)
 - [СТЕКЛЯННОЕ СЕРДЦЕ](#)
 - [ЕЕ РОБИН ГУД](#)
 - [ОСЕННИЙ ПОЦЕЛУЙ](#)
 - [ЗОЛОТО НАСТИ](#)
 - [ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ](#)
 - [ПИКОВАЯ ДАМА](#)
 - [СОЛЬНАЯ ВАРИАЦИЯ](#)
 - [БАЛЕТ ДЛЯ МАФИОЗИ](#)

- [ЭПИЗОД](#)
- [ДО ТОГО, КАК НАСТУПИЛ ФЕВРАЛЬ...](#)
- [ЧЕМОДАН ФРАУ ШМИДТ](#)

○

○

Русский романс

Кира
Буренина

СВЕТ
В ТВОЕМ ОКНЕ

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

Кира Буренина

Свет в твоём окне

СВЕТ В ТВОЕМ ОКНЕ

Повесть

— Я не могу поверить в это, — сказала Алиса. — Невозможно поверить в невероятное.

— Смеею заметить, что у тебя не было достаточно практики, — ответила Королева. — Когда я была в твоём возрасте, я всегда делала это по полчаса в день. Так вот, иногда я умудрялась поверить в целых шесть невероятных вещей до завтрака.

Льюис Кэрролл. «Алиса в Зазеркалье»

Новогодние сюрпризы

Что ни говори, а в каждом из нас живет маленький ребенок, который верит в чудо. Это становится особенно ясно, когда приближается Новый год и в сыром воздухе московской зимы разливается запах хвои и мандаринов, а бесхитростная американская мелодия «Jingle bells» постепенно вытесняет привычную с детства песню «В лесу родилась елочка».

Алиса Раевская не была исключением из общего правила. Она обожала Новый год и каждый раз надеялась, что с последним ударом кремлевских курантов у нее начнется новая, совсем другая жизнь и что все можно начать с белого листа. В этом году, как, впрочем, и в прошлом и позапрошлом, она собиралась в гости к своим старым друзьям — Драгомировым Свете и Саше. Алиса уже предвкушала торжество накрытого по всем правилам этикета новогоднего стола, неординарные и теплые поздравления друзей и душевную беседу за чашкой крепкого горячего «мокко» с ликером ранним утром первого дня нового года.

Тридцать первого декабря Алиса любила прогуливаться по заполненным людьми улицам, заходила в магазины, наблюдая со стороны предновогодние хлопоты. В этом даже проявлялась своеобразная традиция. Думать о предстоящем празднике было немного грустно — вместе со старым годом улетят заботы, приятные и не очень, и неминуемо прибавится к ее тридцати еще один год. Алиса собрала с капота чьей-то машины белый рыхлый снег и слепила упругий прохладный снежок — все-таки уходящий год был для нее не самым плохим. Именно в этом году судьба преподнесла ей удивительный подарок.

Один преуспевающий предприниматель, по случаю купив умирающую газету с невыигрышным названием «Семейные традиции», решительно не знал, что с ней делать. Газета была куплена просто так, и предприниматель собрал совещание заместителей, где поставил вопрос ребром — развивать газету или продать другим? Тогда кто-то вспомнил корреспондентку газеты «Дело для всех» Алису Раевскую, бравшую у него интервью. Журналистка запоминалась сразу — стройная, подвижная, светлые, распущенные по плечам волосы, задумчивый взгляд серо-голубых глаз, отличное чувство юмора. Что же касается профессионализма, то у журналистки Раевской его предостаточно — хорошее базовое образование, прекрасная память, общительность и бойкое перо.

Алису пригласили на собеседование, вручили документы, установили бюджет, предоставили право набирать состав редакции и определять тематику газеты и, пожелав успеха, вернулись к своим более важным проблемам. Единственным условием хозяев газеты была некая сумма, которую газете предстояло собрать от рекламодателей к лету. И начались для Алисы горячие деньки. Пожалуй, сегодня — первый выходной за все время полугодового газетного марафона. Алиса была горда собственным успехом, но все равно тревожилась: а вдруг дальше она не справится?

Домой она вернулась к четверем — еще оставалось время для того, чтобы привести себя в порядок, немного вздремнуть перед новогодней ночью и собраться к Драгомировым. Едва Алиса переступила порог квартиры, как раздался телефонный звонок — это была Света Драгомирова.

— С наступающим! — звонко крикнула Алиса в трубку.

Однако Света не отозвалась, как полагается, в том же игривом тоне, наоборот, она была раздражена.

— Мой Сашка вернулся сегодня в два ночи пьяный в стельку, без денег, без документов,

в какой-то старой бомжовской куртке. Сволочь! Так напиться под самый праздник!

— Господи, да где же это он так? — поразилась Алиса.

— Сначала приняли на работе, ты же его знаешь, он никогда не откажется. Потом с кем-то они пошли в бар, после этого в «Белый медведь» — решили на девочек поглазеть, уроды несчастные! И зачем я вышла замуж за москвича? — Обычно немного манерная, но в общем-то душевная Света в минуты ярости щедро выплескивала харьковский акцент и ненависть к Москве. — Там его дружки оставили, разъехались по домам, а он с кем-то подрался, с него сняли куртку и вышвырнули на мороз.

— Значит, Новый год отменяется, — упавшим голосом констатировала Алиса.

— Нет, ты приходи обязательно! — поспешила утешить подругу Света. — Пусть ему будет стыдно!

— Нет, дорогая, я не собираюсь в Новый год заниматься воспитанием твоего мужа. Вы будете сидеть за столом с постными лицами, не разговаривать, а я буду пялиться всю ночь в телевизор? Нет! Я лучше дома.

— Как знаешь, — безразлично бросила Света, — тогда я сейчас напьюсь валокордина, завалюсь спать и встречать Новый год не буду. Ему назло не буду!

Алиса положила трубку и задумалась. Вот так сюрприз! До Нового года осталось совсем ничего! Названивать кому-то и напрашиваться в гости — поздно. Приглашать к себе тоже поздно, да и нет у нее ничего для новогоднего угощения — по договоренности со Светой она должна была купить к новому столу консервы — икру, балык и прочие деликатесы, поэтому в холодильнике ничего, кроме жестяных банок, не было. Стало горько и обидно — впервые у нее будет такой одинокий Новый год. Включив в гостиной телевизор, Алиса поправила мишуру на своей кокетливой пушистой елочке, села за компьютер и, уставившись в экран монитора, задумалась. Вот и открылась ей темная сторона одиночества и независимости. Никого нет, к кому можно было бы обратиться, поплакаться в жилетку или просто помолчать, зная, что твое молчание правильно поймут. Она принялась за статью, изредка бросая взгляд в сторону телевизора, где в сопровождении песенки про пять минут разворачивалось действие «Карнавальная ночь». Изредка она отрывалась от работы и наблюдала, как загораются в соседней девятиэтажке окна, как снуют в кухнях хозяйки с повязанными косынками головами, как голубеют экраны телевизоров, а с балконов запускают петарды. «Ну и что, что тридцать первое декабря? — уговаривала себя Алиса, яростно колотя по клавишам. — День как день, ночь как ночь. Придумали люди себе сказку!» Но чем ближе придвигались стрелки часов к полуночи, тем горше становилось на душе, и к горлу подступал комок. Телевизор уже повествовал о счастливом исходе приключений Жени Лукашина, когда Алиса оторвала глаза от экрана монитора и в очередной раз взглянула в окно. Она присвистнула и даже привстала из-за стола — в окне напротив были раздвинуты шторы, и Алисе открылась изумительная картина — посреди комнаты стояла мерцающая елка, от нее сразу тянулся нарядно накрытый стол. Окно было украшено электрическими лампочками новогодней гирлянды, закрепленными так, что они создавали контур ели. Этот теплый домашний свет, два человека, сидящие за праздничным столом, совсем расстроили Алису. Она снова погрузилась в работу, изредка бросая взгляд на соседний дом, особенно в окно напротив. И без десяти минут двенадцать, даже не осознавая смысла своего поступка, Алиса решительно встала, взяла бутылку шампанского, сняла с елки красный большой шар, накинула дубленку и, не погасив свет, вышла из квартиры. Она обогнула несколько рядов гаражей, разделявших дворы двух девятиэтажек непроходимой

стеной, вошла в подъезд соседнего дома и, оказавшись на четвертом этаже, решительно нажала на кнопку звонка заветной квартиры.

Со школьных лет одно окно в соседней девятиэтажке занимало Алису. Там всегда были самые красивые тюль и шторы, которые постоянно менялись, на подоконниках стояли пышно цветущие растения и диковинные безделушки. Весной и осенью высокая стройная женщина (Алиса узнала, что ее зовут Ксения Александровна Богатырева) с высоко поднятыми надо лбом пышными светлыми волосами, смеясь, ловко мыла окна. Часто за прозрачным тюлем можно было увидеть мальчика, прилежно сидевшего за письменным столом или мастерящего что-то. Гораздо реже — загорелого крепкого мужчину. Две одинаковые девятиэтажки разделяли непроходимые ряды гаражей, поэтому два двора не дружили, редко-редко что-то можно было узнать об обитателях соседнего дома. До Алисы доносились слухи о том, что семья, чья жизнь проходила перед глазами Алисы, очень дружная, что загорелый мужчина — офицер, служит где-то вдали от дома, а жена и сын постоянно живут в Москве. Их дом казался сказочным миром, совсем другим, чем тот, в котором жила Алиса, и поэтому притягательным. Алиса видела жизнь обитателей этой квартиры и всегда немного завидовала им. Особенно чудесными казались праздники — дни рождения, Новый год, День Победы...

В середине лета светловолосая женщина праздновала свой день рождения. Широко распахивались окна, в глубине комнаты можно было увидеть длинный стол, покрытый белой скатертью, пузатые фарфоровые вазы с пахучими букетами розовых и белых пионов. За столом обычно сидело много гостей — почему-то Алисе они всегда казались очень красивыми. Люди смеялись, шутили, пели песни и танцевали. Потом снова штора наглухо закрывала чужую жизнь. Однажды она распахнулась, чтобы показать хозяйку в черном платке, пожелтевшую, словно уменьшившуюся в размерах. Алиса краем уха услышала — офицер погиб в Таджикистане, тело его привезли в цинковом гробу. Уж так жена его убивалась! Долго-долго никто не открывал окна, прошли осень и весна и еще осень, нарядные когда-то шторы полиняли и висели пыльными тряпками. А по весне окна распахнулись: похудевшая, но такая же ловкая хозяйка командовала сыном — взрослым красивым парнем, — и, смеясь, он красил рамы, мыл стекла, вешал новые, оригинального рисунка, шторы. Вновь летом красивые люди праздновали день рождения хозяйки, и сын Никита Богатырев вел праздник вместо отца.

Алиса стала наводить справки: Никита — ее ровесник, окончил финансовую академию, благополучно устроился на работу, руководит отделом в крупной фирме, получил от конторы служебный автомобиль в личное пользование. Не гуляка, не пьет, вечера проводит с матерью. Шли годы, изредка в окне напротив Алиса видела мирные домашние картины — сын сидит с матерью и читает вслух, играет в лото, работает на компьютере. Однажды в доме появилась молодая женщина — стройная блондинка, обожавшая целовать мужа, стоя прямо перед распахнутым окном, через два года она исчезла. Все снова пошло своим чередом, и сын продолжал коротать вечера рядом с матерью.

Все это промелькнуло в голове Алисы, когда она нажимала на скользкую пуговку звонка. Дверь распахнулась, на пороге стоял Никита.

— С Новым годом! — пролепетала Алиса, протягивая бутылку шампанского. Его глаза округлились в удивлении, он взял бутылку и сделал шаг назад.

— Кто там, Никита? — раздался мелодичный голос, и, шурша шелковым платьем, в

прихожую вышла хозяйка.

— Здравствуйте, — произнесла Алиса, протягивая ей красный шар, проклиная в душе свой глупый порыв.

— Приглашай же гостью к столу, Никита! — словно ничуть не удивившись появлению Алисы, произнесла женщина. — Уже без трех минут двенадцать!

Никита вздрогнул, помог Алисе снять дубленку, проводил к столу и подал приборы. С экрана телевизора Президент заканчивал приветственную речь.

— Очень симпатичный у нас Президент, — заметила Ксения Александровна, — мне он нравится, а вам?

Алиса взгляделась в узкое лицо аскета и пожала плечами:

— Я еще не решила.

— В нем чувствуется сила и человечность, — задумчиво проговорила Ксения Александровна, — пройдет немного времени, и вы еще вспомните мои слова.

Никита наполнил шампанским бокалы, торжественно грянул бой кремлевских курантов, и Алиса впервые забыла загадать желание. Она молча чокнулась бокалом с хозяевами, эхом отозвалась: «С Новым годом, с новым счастьем!» — и, не чувствуя вкуса, съела румяный пирожок.

— Как вам пирожки? — с застенчивой улыбкой обратилась к ней женщина. — Вкусно? Никита всегда просит приготовить их к новогоднему столу, это уже стало нашей традицией. Кстати, меня зовут Ксения Александровна, а это мой сын Никита.

— Алиса, — слегка осипшим голосом выдавила Алиса и набрала в легкие побольше воздуха, чтобы извиниться за внезапное вторжение, а также попроситься, но Ксения Александровна зорко взглянула на нее:

— Мы вас очень хорошо знаем, еще с тех времен, когда вы были маленькой школьницей с большим бантом. Наши окна расположены напротив, и мы невольно стали свидетелями жизни обитателей соседнего дома. Я помню, как вы девочкой сидели за письменным столом, подперев щечку рукой, и о чем-то мечтали. Девочка выросла, стала работать. Надо заметить, что вы великая труженица. Я плохо сплю, меня мучает бессонница, а как подойду к окну, вижу, что вы не спите, что-то пишете, работаете за компьютером, мне становится так спокойно, словно я не одна на этом свете. Кем вы работаете, если не секрет?

— Журналистом, — ответила Алиса, радуясь в душе, что не только она одна любит светом чужого окна.

— Как правило, мы встречаем Новый год всегда дома, а ваши окна обычно темны. Сегодня — исключение.

— Да, — кивнула Алиса, — я попала в глупую ситуацию. В семье, где я постоянно бывала в новогоднюю ночь, случились неприятности. Что-то перекраивать было уже поздно, и я осталась дома. Мне стало очень одиноко и грустно, а ваше окно мне показалось таким родным и манящим. Вот я не удержалась и пришла сюда.

— И правильно сделали, нам давно пора познакомиться и подружиться. Если бы не эти гаражи, наши двory были бы одним общим двором, и мы давно бы дружили, я уверена. Попробуйте этот салат, это не традиционный оливье, которым потчуют гостей хозяйки, это мое собственное изобретение. Если понравится, могу дать рецепт. Я ведь очень люблю хозяйничать. — Она легко поднялась и вышла из комнаты.

Алиса из-под ресниц следила за движениями хозяйки. Пышная прическа открывала белый лоб, серые большие глаза смотрели на мир спокойно и приветливо, полные розовые

губы, не съеденные помадой, улыбались загадочной улыбкой, походка была легка, а высокая статная фигура в длинном вечернем платье вызывала восхищение.

— Работать журналистом интересно? — внезапно спросил Никита, хранивший молчание все это время.

Алиса почувствовала, что молодой человек задал вопрос не потому, что ему интересно, а просто для поддержания общего разговора. По тонкой морщинке, залегшей на его переносице, она поняла, что хозяин дома недоволен ее внезапным вторжением и что она разрушила так тщательно подготовленный семейный праздник. Чувство неловкости вновь овладело Алисой, и она поспешно встала из-за стола.

— Куда вы? — удивилась Ксения Александровна и подняла в недоумении красивые тонкие брови. — Еще так рано, прошу вас, посидите с нами! — Она поставила на стол блюдо с фруктами, внимательно посмотрела в лицо сыну и добавила: — Прошу вас, не думайте, что вы нарушили наше маленькое семейное торжество. Во-первых, мы всегда рады гостям, а во-вторых, мы еще должны выпить за наше знакомство!

Никита кивнул и подлил в красивые высокие бокалы шампанского.

— За знакомство, а также за то, чтобы наступивший год принес каждому успех и только приятные сюрпризы.

Алиса отпила из своего бокала и внимательно взгляделась в молодого человека. Черные гладкие волосы, чуть смуглая кожа лица, глубокие карие глаза под ровными дугами бровей, широкие скулы, аккуратный нос, четко очерченные, чуть капризные губы... Никита был точной копией своего отца, невысокий, по-мальчишески подвижный.

— Новый год всегда был для нас самым любимым праздником, — продолжила Ксения Александровна. — Отец Никиты, — и она перевела взгляд на портрет, висевший на противоположной стене, — умел устраивать настоящее веселье. Воспоминаний о встрече Нового года хватало до следующего тридцать первого декабря. — Немного смущаясь, Ксения Александровна поинтересовалась: — Алиса, простите мое любопытство, но я хотела спросить, а где ваши родители?

— Папа умер, когда мне было тринадцать лет, — с неохотой ответила Алиса, — он был нефтяником, работал в «Зарубежнефти», ездил в долгие командировки в Иран. Там подхватил неизвестную болезнь, от которой сгорел в Кремлевке за десять дней.

— Простите, — смутилась хозяйка, — это было неделикатно с моей стороны...

— Мама по специальности врач-анестезиолог, всю жизнь была фанатично предана медицине и своей клинике, — не обращая внимания на реплику Богатыревой, продолжила Алиса. — Я практически ее не видела — срочные вызовы, ночная работа, дежурства... Три года назад в Москву приехала делегация медиков из Брно. Чехов повели смотреть на операцию, в тот день дежурила мама. Один профессор настолько был восхищен ею, что непременно захотел познакомиться. Оказалось, что Зденек учился когда-то в Москве, поэтому прекрасно говорит по-русски. Он страстно влюбился в маму и увез ее с собой. — Она вздохнула.

— А вам не тоскливо одной? — участливо осведомилась Ксения Александровна.

— Мама заслужила счастье, — пожала плечами Алиса.

— Да-да, — задумчиво кивнула хозяйка дома и замолчала.

Сын положил ладонь на руку матери и, чтобы заполнить паузу, заговорил:

— Вы работаете в каком-то конкретном издании или по заказу разных редакций?

— Я шеф-редактор газеты «Семейные традиции», тираж не очень высокий, и выпускаем

мы ее недавно...

— Я ее знаю! — с радостным изумлением воскликнула Ксения Александровна. — Ее кладут нам в почтовый ящик. У меня есть все выпуски — от первого до последнего, новогоднего!

— Вот это первый приятный сюрприз нового года, — впервые улыбнулся Никита, и Алиса почувствовала, что настороженный холодок, до сих пор исходивший от него, растаял. — Мама действительно хвалит вашу газету, считает, что у нее очень хорошее, многообещающее название.

— Я очень уважаю семейные традиции, — с легким чувством гордости заметила Ксения Александровна, — в этом, по моему мнению, и можно найти стабильность и уверенность в завтрашнем дне.

Смолистый запах елки, блеск нарядных елочных украшений, не затмевающий неброской скромности картонных послевоенных игрушек, изящно накрытый стол и теплые, какие-то несовременные взаимоотношения матери и сына расслабляли, погружали Алису в мечтательное состояние. Ей казалось, что она снова стала маленькой девочкой, с нетерпением ожидающей прихода Деда Мороза, что ее ждут подарки и длинные веселые каникулы, что сейчас они встанут и большой компанией пойдут на каток, будут скользить по сверкающему льду и смеяться. Алиса даже почувствовала запах льда, изрезанного лезвиями коньков, и ей тотчас вспомнилась секция фигурного катания, в которой она занималась восемь лет, тренер, любимые композиции, травмы, так долго не дававшийся прыжок «двойной ритбергер».

Странно, что детские воспоминания настигли ее здесь, в чужом доме. Да в чужом ли? «В теплом семейном кругу» — сколько раз использовала она это затасканное, банальное выражение в своих статьях. Подлинный смысл этого выражения ей открылся только сейчас. И Алисе до глубины души захотелось оказаться хозяйкой этого дома, хлопотать о закусках, любовно расставлять хрупкий фарфор на столе, подойти к елке и поправить блестящий шар, спрятавшийся за веткой, задернуть кремовые шторы и пригласить всех к столу. Это видение моментально пронеслось в мозгу Алисы, вместе с ним возникло условие-желание: Никита, этот молчаливый хозяин дома, спокойно глядящий на нее своими черными глазами, обязательно должен быть рядом с ней.

Уже занималась заря нового года, а Алиса все ходила по своей комнате, тщательно кутаясь в кружевной оренбургский платок, собираясь с мыслями. Три часа назад, распрощавшись с Ксенией Александровной, потребовавшей навестить ее в Рождество, Алиса вернулась домой. Никита проводил ее до подъезда, вручил маленькую плетеную корзинку:

— Мама передала вам кое-что к чаю.

— Спасибо и еще раз с Новым годом! — Ничего менее банального на ум не приходило, Алиса неловко улыбнулась, принимая корзинку из его рук.

— С новым счастьем! — отозвался Никита и, помолчав, добавил: — До следующего свидания!

«Мое самое большое новогоднее желание — жить в этом чудесном доме», — прошептала Алиса, бродя по своей пустой квартире, туже закутываясь в оренбургский платок. Так она продолжала ходить, изредка бросая взгляды в уже плотно зашторенное окно напротив, пока сон не сморил ее. Засыпая, она видела сверкающую елку, и чья-то теплая ладонь ложилась ей на руку.

Все последующие дни, встречая гостей, работая дома на компьютере, Алиса не могла поверить в реальность прошедшей новогодней ночи. Казалось, что ничего не было, что она просто уснула от огорчения у рабочего стола, проспала всю ночь, видела волшебный сон об обитателях квартиры напротив. О том, что сказка была все-таки реальностью, напоминала изящная корзиночка и вкусные пышные пирожки, которыми Алиса с аппетитом позавтракала первого января. Перебирая хрупкие игрушки на своей елке так, чтобы они серебристо звенели, Алиса вспоминала молодого человека с пронизательными темными глазами, в которых время от времени вспыхивали искры. Она запомнила его слова «до следующего свидания» и верила, что это свидание состоится. В том, что Никита был любящим сыном и надежной опорой матери, не приходилось сомневаться. Но Алиса помнила упрямый блеск глаз, капризный изгиб губ и резкий взмах кисти руки — нервная, подвижная натура прорывалась сквозь внешнее спокойствие и сдержанность. «Лед и пламень» — вот каким был мужчина, о котором думала Алиса и которого ей очень хотелось увидеть вновь.

Утром четвертого января редакция встретила ее привычным запахом свежесваренного кофе, взрывами хохота и огромной, размером с газетный лист, поздравительной открыткой на ее столе. Собственно, три комнатки, выделенные в здании бывшего НИИ с мудреным названием, которое заполняли сейчас различные конторы, сложно было назвать редакцией. В одной комнате, самой большой, но без окон, трудились верстальщики и дизайнеры. В другой работали два штатных журналиста, сюда приходили сдавать свои материалы внештатники, три раза в неделю работал редактор-корректор, корпели над редкими заказами рекламные агенты. Здесь же днем и ночью пыхтела кофеварка, заполняя стеклянную колбу очередной порцией ароматного напитка. Самую маленькую комнату, зато с окном во всю стену, занимали Алиса и ответственный секретарь редакции Мила Короткевич. Сегодня утром Алиса заглянула в обе комнаты редакции, поздравляя всех с наступившим праздником, предупредила о том, что летучка состоится через пятнадцать минут, и вернулась в свой кабинет. Праздник — праздником, а установленные правила Алиса не собиралась менять. Каждую среду она собирала на летучку штатных и внештатных сотрудников, чтобы обсудить планы, проверить, правильно ли выбрана тематика текущего номера, обменяться мнениями.

— Еще раз всех с праздником, — начала летучку Алиса. — Давайте быстро пробежимся по нашему плану.

Она давала советы, слушала возражения, предлагала, договаривалась — и все без надрыва и начальственного тона. Алиса поощряла метод «мозговой атаки», в которую неизменно превращались все летучки. Сегодня, выждав удобный момент, она сделала сообщение:

— Я решила расширить нашу рубрику «Расскажите про покупки» и в каждом номере делать интервью с известными личностями — писателями, музыкантами, телеведущими. Всем интересно будет узнать, что любят знаменитости. Первая из них — Артемьев.

— Кто это? — раздались недоуменные голоса.

Выдержав почти что театральную паузу, Алиса проговорила:

— Он пишет под псевдонимом Марат Куш.

На несколько секунд в комнате воцарилась тишина, которая тотчас же разорвалась торжествующими восклицаниями:

— Ого! Сам Куш!

— Интервью будет бомбой! Рекламодатели сразу потянутся косяками!

— Я слышал, что свои детективы он пишет на пару с братом. Брат описывает разные кровавые дела, а он закручивает интригу.

— Ерунда! На них работают «литературные негры», как на всех раскрученных авторов!

— Нет, — возразила Алиса, — они пишут сами, это я точно знаю. Просто ребята способные и трудолюбивые как пчелы. Как мне стало известно, они уже вернулись из Юрмалы, где ежегодно в новогодние праздники устраивается литературный фестиваль. Так что я могу взять у них интервью уже сегодня. Все, летучка окончена.

Обсуждая детали предстоящего интервью, сотрудники редакции покинули кабинет Алисы. Она посидела немного, а потом пододвинула к себе телефонный аппарат и набрала номер:

— Влад, ты? Я буду у вас через час, идет? Хорошо-хорошо, готовьтесь. Придумайте что-нибудь! Ну, пока!

Алиса не хотела рассказывать сотрудникам редакции, что она знакома с Владом Артемьевым уже пять лет. И не просто знакома. В свое время литературная переводчица Раевская познакомилась в издательстве с подающим надежды уже немолодым писателем. Не скоро он поделился скупой информацией о себе — сын генерал-полковника Генштаба и очень известной в шестидесятые годы оперной певицы, Влад долго не мог найти себя. Благодаря протекции отца Артемьев служил в Генштабе, а потом бросил все — службу, родительский дом — и вопреки воле отца, личности весьма авторитарной, решил стать писателем. Тогда Владислав был худой, нервный и неуверенный в своем мастерстве. В его речи проскальзывали словечки из прошлой жизни — «виноват», «так точно»; он не узнавал что-то, а «проводил рекогносцировку», не рассказывал, а «докладывал». Часто Артемьев просил Алису послушать некоторые пассажи своих опусов, после чего следовал спор до хрипоты. Вскоре Алису заменил Леонид — младший брат Владислава, окончивший филфак МГУ. Работа в паре оказалась очень плодотворной. То, чего не хватало детективам Влада — остроты, неожиданности, оригинальности — и из-за чего его книжки раскупались весьма вяло, восполнили живой ум и фантазия младшего брата. Партнерство братьев принесло книгам Марата Куша популярность. За пять лет изменилось многое, и в первую очередь сам Владислав. Правду люди говорят, нужно пройти огонь, воду и медные трубы. Именно медные трубы стали испытанием для старшего брата. Вместо начинающего писателя возникла «творческая личность». Сначала Алиса боролась с демонами, одолевавшими Артемьева-старшего, но потом махнула рукой, оставляя событиям возможность идти своим чередом. Владислав несколько раз делал Алисе предложение руки и сердца, но под разными предлогами она отклоняла его. Новый Артемьев нравился ей гораздо меньше того, которого она увидела впервые в издательстве. Иногда, очень редко, она оставалась у него ночевать, но скорее из-за того, чтобы вернуться в те старые добрые времена, когда они действительно любили друг друга.

Вопреки распространенным слухам о фантастических гонорарах известных писателей дом, где жили братья, был обычный панельный. У подъезда Алисе встретился розовощекий

парнишка, с усилием вытаскивающий во двор елку в остатках мишуры и серпантина.

— Что? Кончился Новый год? — поинтересовалась Алиса, помогая освободить застрявшие в дверях ветви.

— Ага, — шмыгнул мальчишка.

— И не жалко?

— Она осыпаться стала, мама ругается, — перехватывая удобнее ствол, пояснил парнишка и потащил елку в сторону снежной крепости, выстроенной во дворе.

Алиса проводила его взглядом, с грустью думая о том, что такой долгожданный праздник прошел и ничто, кроме коричневых скелетов елок во дворах, не будет напоминать о волшебной новогодней ночи.

Простую, обитую малиновым дерматином дверь Алисе открыл младший брат Владислава, Леонид.

— Алиса, заходи, рад тебя видеть! — произнес он, снимая очки в золотой оправе и целуя ее в щеку.

— Привет, с наступившим!

— Тебя также. Давай сюда дубленку. Владислав сейчас выйдет, он дописывает главу. Проходи, я принесу кофе.

Проводив взглядом стройного молодого человека в темном уютном трикотажном свитере и черных джинсах, Алиса огляделась. Все на своих местах, ничего не изменилось — простая двухкомнатная квартира с добротным ремонтом, хорошей мебелью и кабинетным роялем в углу. На письменном столе у окна сопел компьютер Леонида. Владислав предпочитал творить на маленьком ноутбуке в своей комнате. Пока Леонид расставлял на журнальном столике чашки и кофейник, в дверях показался Владислав Артемьев. Он был очень похож на своего брата — те же спокойные серые глаза, широкие скулы, изогнутые дуги бровей, волевой упрямый рот. Только у младшего брата шевелюра была черной, а у старшего, как говорят, «перец с солью». На переносице Владислава красовались очки точно в такой же оправе, что и у брата. Одет старший брат был более строго — костюм, рубашка.

— Как ты официально выглядишь, — поразились Алиса парадному виду Артемьева.

— Ты же пришла к нам как официальное лицо, берешь интервью, вот и мы должны соответствовать заданному тону. С тобой мы будем на вы, все как положено, — с иронией в голосе произнес Влад.

Алиса пожала плечами и включила диктофон. Интервью длилось полчаса, после чего Владислав махнул рукой и улыбнулся:

— На сегодня официоза достаточно, выключай свой аппарат.

Он потянул Алису к себе за руку, заставляя присесть на мягкий подлокотник своего кресла.

— Я так по тебе соскучился! Расскажи, как встретила Новый год? У меня тут кое-что для тебя есть. — Артемьев протянул журналистке блестящую, красиво упакованную коробочку. Он крепко обнял Алису за талию, пока она распаковывала подарок. Это был маленький золотой кулон на цепочке, изображавший гусяное перо в чернильнице. Алиса ахнула.

— Настоящее произведение искусства! — воскликнула она и наклонилась к Владиславу. — Какая прелесть! — Она поцеловала его. — Спасибо. Но ты знаешь, мой подарок из той же оперы. — И она извлекла из сумки узкий футляр.

Щеки Артемьева порозовели.

— Зачем ты так тратилась, настоящий «Паркер» с золотым пером... — пробормотал он, разглядывая ручку. — Она же такая дорогая!

— Мне для великого писателя ничего не жалко! — пошутила Алиса. — Помоги примерить твой подарок.

— Так где же ты была в Новый год? — помогая застегнуть застёжку кулона и одновременно стараясь поцеловать Алису, поинтересовался Артемьев.

— Знаешь, я в Новый год познакомилась с такими людьми! Замечательная семья! — мечтательно произнесла Алиса, уклоняясь от поцелуя Влада.

— Где же это? — подозрительно осведомился Владислав, все-таки целуя ее в шею.

— Под Новый год у Драгомировых произошла семейная драма, и я пошла к соседям. Как хорошо смотрится твой подарок! — Она подскочила к зеркалу.

— Ты сама хорошо смотришься. — Владислав подошел к Алисе и обнял ее. — Эх, Алька, я бы на месте Президента указ специальный издал, чтобы всех девчонок с детства приучали к балету или фигурному катанию. Тогда бы у всех были такие ножки и фигура, как у тебя!

— Влад, я же с тобой серьезно! — Алиса не могла удержаться от смеха.

— И я серьезно. — Влад крепче прижал Алису к себе. — Давай рассказывай дальше о своих соседях.

— Понимаешь, я их все время видела из окна. Почти всю жизнь. А в Новый год взяла и пошла туда.

— Ну это ни в какие ворота! — Владислав отпустил Алису и в волнении прошелся по комнате. — Ты просто от рук отбиваешься, Алька, пора тебе под чей-нибудь присмотр!

— Я произвожу впечатление человека, нуждающегося в сиделке? — оскорбилась Алиса.

— Я имею в виду другое, — Владислав поцеловал обе ее руки, — но об этом мы поговорим потом, когда ты к нам придешь. Давай на следующей неделе, идет?

— Идет.

— Тогда пока, меня ждет мое очередное преступление, я и так уже не успеваю вовремя. Леня тебя проводит. — Владислав легко поцеловал Алису в щеку и скрылся в своем кабинете.

— Ну, пойдём. — Леонид подал Алисе дубленку, накинул куртку, и они вышли из квартиры.

На улице вовсю полыхал алый зимний закат.

— Однако холодает, сейчас градусов двадцать. — Леонид поднял воротник куртки и сунул руки в карманы.

— Настоящая зима, вот и все.

— Не люблю я зиму, — поежился Леонид, — куда как лучше весна, черемуха цветет...

— Девушки в легких платьицах... — лукаво подхватила Алиса.

— И девушки тоже, — покладисто согласился Леонид.

— Жениться тебе пора, а то каждый сезон у тебя новая дама сердца.

— Жениться? Нет, это не скоро. А потом, пока старший брат холостой, младшему неприлично жениться первому.

— Владу нужна жена, хозяйка дома. Он ведь не очень-то уважает мою работу, — не то спросила, не то констатировала Алиса.

— Да нет, просто ему сегодня сюжет один не дается, — попытался оправдать брата

Леонид.

— Оставь, Ляня. В следующий раз он обязательно будет издеваться над моей газетой, над тем, как написала интервью, я же его знаю. И потом — в последнее время у него появилась неприятная привычка говорить со мной ироничным тоном, словно я недоумок.

— Алиса, не придумывай! — воскликнул Леонид. — Влад тебя уважает, я же знаю.

Они немного помолчали. Алиса вдохнула морозный воздух и пробормотала:

— Мне даже кажется, что он меня немного ревнует.

— К кому? — оторопел Леонид.

— К газете. А ведь я так люблю свою газету, вкладываю в нее всю душу и все свое время! Вот послушай: три месяца назад я начинала работу совсем одна, практически все с нуля. Типография, бумага, верстка, дизайн, корректура, журналистские материалы, распространение, реклама — обо всем приходилось думать, многому учиться. Влад даже не догадывается, что это значит — выпускать газету!

— Ты все драматизируешь. — Леонид поднес озябшие пальцы к губам, пытаясь согреть их дыханием.

— Скажи, ты когда-нибудь руководил коллективом?

— Нет. — Леонид улыбнулся и кивнул ей: — А ты теперь руководитель?

— В том-то все и дело! Я впервые почувствовала ответственность не только за себя и свои материалы, но и за весь редакционный коллектив. Это требует не только постоянного самоконтроля, но и умения сохранять выдержку и спокойствие, даже когда ситуация кажется безвыходной, а нервы натянуты до предела.

— Алиса, твой автобус идет. И не переживай, дорогая, из-за Влада — он все понимает, просто боится тебя потерять.

Леонид помог ей подняться в автобус, махнул рукой, дверцы со скрежетом захлопнулись, и Алиса вдохнула спертый запах мокрого меха, кожи и вигоневых беретов. Прислонившись к заиндевевшему окну, она думала над тем, что услышала от Леонида. Может быть, Влад все еще любит ее. Но она ни за что не откажется от своего дела, даже за сомнительное право быть женой прославленного автора популярных детективов. Отражать чужой свет — это не для нее! У нее впервые появилось свое дело, и она его не предаст!

Открывая квартиру, она услышала, как надрывается телефон. Сшибая в темноте по пути стулья, Алиса бросилась к аппарату. Что-то внутри подсказало ей: «Это важно, беги!» Она нащупала трубку и выдохнула:

— Слушаю!

— Кхе-кхе, где ты бродишь, Раевская? — Алиса с трудом узнала голос главного редактора газеты «Дело для всех» Ласкова. — Я дозваниваюсь до тебя сутки. Где пропадаешь?

— А что? — растерянно проговорила Алиса.

— Есть уникальная возможность! Между прочим, только для тебя! Нашу газету могут аккредитовать в президентскую поездку. Мы долго совещались, кто от нас сможет поучаствовать. И решили единогласно — поедешь ты!

— Я? Вы шутите? — Ей стало обидно до слез, что Ласков отказывается признавать в ней шеф-редактора газеты, почти коллегу. — У меня, Валерий Яковлевич, сегодня иные заботы. Скоро номер выпускаем, дел море...

— Да знаю я, — вновь простуженно загундосил Ласков, — но некого, кроме тебя, посылать. Понимаешь? — Он закашлялся. — Может, оставишь на пару дней свое детище, а? Выручишь по старой памяти? Мы уже документы на аккредитацию представили.

— Да как же это, Валерий Яковлевич, — возмутилась Алиса, — вы решаете без согласования со мной такие серьезные вещи! Я там никого не знаю! А президентский пул журналистов-чужаков не любит.

— Тебе же не под венец с ними идти. Всего три дня! Силком тебя никто не тянет. В конце концов для тебя же это должно быть интересно, даже почетно! Ты же журналист! Узнаешь многое, увидишь всех. Связи для своей газеты наладишь.

— Вы настоящий шантажист, — чуть не заплакала Алиса. — Как я объясню своим сотрудникам участие в другой газете?

— А ты ничего не объясняй. Уехала, и все тут! Эх, Раевская, вот ты из газеты ушла, а за тобой и вся молодежь потянулась. Никого приличного не осталось. — В голосе Ласкова звенела обида: — Растишь вас, птенцов, а в один прекрасный день вы все — фррр! — и улетели.

Алисе стало жалко Ласкова. Три дня действительно небольшой срок, не стоит из-за этого ломать копыя. Все в газете поставлено на рельсы, катится само по себе, требуется лишь присмотр. Да и отвлечься от повседневной рутины было бы неплохо...

— Ладно, — помолчав, произнесла Алиса. — Называйте все адреса, пароли, явки. Где получать аккредитацию, когда лететь, куда?

— Записывай телефон пресс-службы Президента, там все и узнаешь. Попросишь Галину, она тебе все растолкует. Жду от тебя материал на первую полосу и пару очерков — о городе, жителях и настроениях. — Голос Ласкова окреп.

— Хорошо, — Алиса говорила деловито и спокойно, — я все поняла.

— Спасибо, лапушка, выручила! Не забывай — долг платежом красен!

Она положила трубку, зажгла свет и огляделась вокруг, словно ей предстояло уехать сейчас и она обводила прощальным взглядом комнату.

«Хитер этот Ласков, не мытьем, так катаньем... Это же сумасшествие — лететь за

Президентом. И как я только решилась?»

Она набрала продиктованный редактором телефон пресс-службы. Ей ответили сразу. В результате переговоров с несколькими сотрудниками она выяснила, что вылет состоится завтра вечером, а с утра ей нужно получить все необходимые документы и пройти маленький инструктаж как вылетающей впервые в составе президентского пула. Завтра!

Телефон снова разразился короткой трелью.

— Алло! — услышала она в трубке голос Светы Драгомировой.

— Привет, — без всякого энтузиазма ответила Алиса.

— Ты почему не звонила? — вдруг накинулась на нее Света. — Я весь Новый год просидела у телефона, а ты так и не позвонила и не поздравила! Весь Новый год был испорчен!

— Света, — изумилась Алиса, — но ведь не я испортила вам Новый год. И потом, ты собиралась лечь спать...

— Я думала, что ты позвонишь, — упрямо настаивала на своем Света. — Драгомиров в одиннадцать ночи вскочил с дивана свежий как огурчик, побрился, причесался, нарядился в костюмчик и рысью в гостиную. А там — ни стола, ни елки. «А где Алиса?» — хлопая глазами, спросил он у меня. «Я ей все выложила, и она решила не приходить». Он так грустно-грустно вздохнул: «Зачем ты это сделала?» Наглец! Я сделала!

— Значит, Саша к одиннадцати был в форме, и, если бы не твой жуткий рассказ, я бы в полночь и не заметила следов похмелья на его лице? — вкрадчиво переспросила Алиса.

— Ну да! Зато теперь мы его проучили! — не заметив опасной нотки в голосе подруги, подхватила Света.

— Ясно. Мне все ясно! — задохнулась от злости Алиса. Значит, Света решила расправиться с мужем ценой испорченной для Алисы, да, впрочем, и для себя самой новогодней ночи. А Новый год так много для Алисы значил! И если бы не Богатыревы...

Произнеся еще несколько ничего не значащих фраз, Алиса положила трубку и вздохнула. «Ты лучше будь один, чем вместе с кем попало», — вспомнилось ей четверостишие Омара Хайяма. С сожалением Алиса вспомнила о приглашении Ксении Александровны на Рождество, которое ей не удастся принять. Она снова потянулась к телефонной трубке. Богатырева выслушала сообщение Алисы о внезапной командировке, пожелала счастливого пути и пообещала приготовить к ее приезду замечательные пирожки. Как всегда, после разговора с Ксенией Александровной у Алисы поднялось настроение.

В течение часа она блуждала по всем каналам телевидения, отлавливая новостные и аналитические передачи. Если она едет за Президентом, неплохо бы узнать, что у него за программа, с кем он будет встречаться, иначе как она сможет готовить материал... Лицо лидера страны всегда ей казалось симпатичным. Острым взглядом журналиста она подмечала все особенности его поведения: не актерствует, ровен и прост в общении, немного застенчив, умеет хорошо слушать собеседника. Голос тихий до бесцветности, темные круги под глазами, говорящие о большой усталости. Походка стремительная и немного разболтанная, а осанка до жесткости ровная.

«Как это похоже на сон, — подумалось Алисе. — Завтра я буду стоять рядом с ним, если не рядом, то очень близко. Какой он в жизни?»

Следующий день был суматошным. Получив документы, подтверждающие ее аккредитацию как собкора газеты «Дело для всех», а также билеты и пресс-пакет, Алиса

заехала в свою редакцию, взяла диктофон, запасные батарейки. Она еще успела проверить, как идет распространение тиража, и, дав последние наставления Миле, поехала домой укладываться. «Ничего, три дня — это не срок», — бодро успокоила она себя, когда в компании с другими журналистами, с легким недоумением поглядывавшими в ее сторону, стояла у стойки регистрации полетов в аэропорту Домодедово. Журналисты президентского пула хорошо знали друг друга, они много ездили вместе и были тертыми калачами. Алиса с унынием взирала на этот дружный коллектив, слышала, как они подкалывали друг друга, попивая пиво и травя разные байки.

На следующий день после бессонной ночи, проведенной в местной гостиничке, отчаянно требующей ремонта, Алиса села вместе с другими журналистами в старый «рафик», специально присланный для прессы. Первое мероприятие Президента должно было состояться в городском парке, и журналистов привезли туда за два часа до начала. Вчерашние спутники Алисы были уже там. Камеры мирно ждали своего часа, тихо дремля на штативах, шнуры от микрофонов змеились по снегу, а сама пресса разогревалась содержимым маленьких плоских фляжек — день выдался морозный. «Лучшие места в партере заняты», — бесцеремонно осадил Алису оператор, когда она попыталась пробиться сквозь гушу журналистов к первому ряду. Алиса покорно отступила. Хотя на ней были синяя пуховая куртка с желтой отделкой, желтая шапочка с кистями и мягкий желтый шарф, а на ногах теплые ботинки, Алиса закохенела. Намеченный срок появления Президента прошел, журналисты притопывали ногами по снегу от холода и нетерпения. Наконец показалась президентская свита. Подтянутый и стремительный одновременно, Президент словно скользил среди окружавших его людей, охраны, представителей местных властей. Алиса не видела, что происходит на площади; судя по программе, возложение цветов к памятнику состоялось, а теперь Президент должен пообщаться с местными жителями и прессой. Камеры были вскинута на плечи, фотокамеры защелкали затворами. Алиса затерялась в постоянно движущемся хаосе людей и приборов. По тому, как напряглись спины, она поняла, что Президент находится рядом. Она сжалась в комок и заставила себя протолкнуться сквозь гушу тел и камер. Вынырнула она почти перед Президентом, да так близко, что молодые ребята из службы безопасности сделали шаг в ее сторону. Выставив перед собой диктофон, словно щит, Алиса напряженно вслушивалась в последнюю фразу ответа Президента на предыдущий вопрос и тотчас же истошно выкрикнула свой. Вопрос был приготовлен заранее и был действительно хорош и по теме. Президент повернулся и с интересом посмотрел на нее. В это время расвирепевший от наглости выскочки оператор резко развернул свою камеру. Сильный удар объектива пришелся прямо по надбровной дуге Алисы, на ее глазах моментально выступили слезы, а место удара тотчас же загорелось нестерпимым огнем. Однако она удержала диктофон и даже пододвинулась к Президенту на полшага ближе.

— Я сейчас вам отвечу, — улыбнулся Президент краешком губ, — но прежде скажите мне: все ли с вами в порядке?

— Все нормально, — поспешно отозвалась Алиса.

— Какое издание вы представляете?

— Газету «Дело для всех» — издание для малого и среднего бизнеса.

Президент поднял бровь.

— Понятно. Итак, отвечая на ваш вопрос, скажу следующее...

Ей уже было абсолютно все равно. Она физически ощущала, как около правого глаза

что-то сильно распухало и росло, саднило и кололо. Ответив, Президент улыбнулся, но уже не ей конкретно, а всем, и, сделав легкий поклон, отошел. Вскоре все стихло, с веток старого городского сада с криком поднялись вороны и закружились в сером провинциальном небе черной каруселью. Алиса растерянно озиралась вокруг. Журналисты деловито упаковывали аппараты, сматывали шнуры, шумно переговариваясь, уходили из парка.

— Не расстраивайтесь, — внезапно обратилась к ней журналистка в короткой коричневой дубленке, синих джинсах и белой пуховой шапочке. Она засовывала в сумку микрофон с логотипом известной радиостанции. — Журналисты — народ, помешанный на своем деле, и себя в обиду не дают. Тем более когда речь идет о президентском материале. Эта тематика самая выигрышная, ей обеспечены первые полосы и спецвыпуски. Пойдемте, а то вы посинели от холода, совсем как ваша куртка. Следующая точка — завод сельхозмашин. У нас есть еще пара часов в запасе. Поедем, где-нибудь выпьем кофейку, согреемся.

Алиса молча следовала за разговорчивой журналисткой. «Какое у нее симпатичное лицо», — подумала она и спросила:

— А как вас зовут?

— Жанна.

— А меня Алиса.

— Надо же! Какие у нас экзотические имена. Вас почему так назвали?

— В честь героини сказки «Алиса в Стране чудес», а вас?

— В честь Жанны д'Арк. Ничего у нас родители, да?

— Удружили, нечего сказать.

— Давайте будем на ты, это привычнее.

— Согласна.

— Так, сейчас поймаем частника...

— А где же «рафик»? — удивилась Алиса.

— И не дождетесь. Он или опоздал, или сломался, или заблудился... Удивительно, что его вообще дали. А обычно мы передвигаемся на своих двоих.

— Вон красный «жигуль» тормозит! — вскрикнула Алиса.

— Ага, вижу. Подвезете до какой-нибудь кафешки в районе Заводской? — осведомилась Жанна у водителя. — Ну и отлично. Садись, Алиса.

Алису разморило в тепле салона автомобиля, и всю дорогу женщины молчали. В кафе Жанна стянула с головы шапочку, сбросила дубленку, и Алиса поразились отчаянной рыжине ее волос и гибкой, грациозно двигающейся фигуре. Лицо у Жанны было узкое, глаза красивые, удлиненные, кожа белая, а на носу, несмотря на январь, роились смешные рыжие конопушки. Чем-то Жанна напоминала лисичку — немного хитрую, немного кокетливую, немного смешную, но очень симпатичную.

Горячий кофе в по-домашнему уютном местном кафе окончательно вернул интерес Алисы к жизни, и журналистки продолжили разговор.

— Сколько мы километров намотали! Жить приходилось в таких условиях, что рассказывать даже неудобно. Иногда торчишь на одном месте — час, два, три, а потом говорят: «Извините, Президент уже улетел».

— Да, работенка у вас, — посочувствовала Алиса.

— Поэтому у нас один за всех, а все за одного. — Жанна закурила. — Ничего, привыкнешь, в следующий раз легче будет.

— Следующего раза, может, и не будет, — покачала головой Алиса.

— Как знаешь, лично я своей работой довольна.

— Не обижайся, скажи лучше, откуда мне можно будет позвонить в Москву? Мне надо передать информацию для завтрашнего номера, до четырех она должна быть у главного редактора.

— Можешь позвонить с почты или из гостиницы, пресс-центра здесь нет. — Жанна пожалала плечами, но, взглянув на расстроенное лицо Алисы, улыбнулась: — Не расстраивайся, я тебя туда отведу.

Алиса открыла пудреницу и стала рассматривать свой глаз. Удар пришелся по брови, глаз налился предательской краснотой, обещавшей назавтра превратиться в полновесный синяк.

— Господи! — ужаснулась она. — Я же завтра буду выглядеть, как жертва пьяной драки!

Захлопнув пудреницу, Алиса зажмурилась. словно наяву ей представилось лицо Президента, насмешливая интонация его вопроса, обращенного к ней...

— Знаешь, — медленно проговорила она, — я никогда не видела его так близко. Он какой-то особенный, да? Ты же часто его видишь. Скажи!

Жанна с силой выдохнула дым:

— Харизма.

— Ну да, обаяние власти, — согласилась Алиса и потрогала место удара: — Хорошо бы снег приложить...

Затушив окурок, Жанна поднялась из-за стола:

— Нам пора! Одевайся!

— Завтра мы снова работаем на улице? — с ужасом спросила Алиса, выходя на мороз.

— Завтра в программе парочка заседаний, а к вечеру состоится брифинг для прессы. Послезавтра выезд в район на птицефабрику. Вот где придется побегать, холодно не будет! Пойдем, «Дело для всех»!

И потом, и во время следующей встречи Президента с прессой Алиса честно старалась оказаться как можно ближе к нему, чтобы не упустить ни единого слова. К вечеру она отправила в редакцию специальный репортаж, а на следующее утро уже была на боевом посту, полная твердой решимости удержать свое место в группе журналистов. Как и ожидалось, опухоль на глазу за ночь спала, а краснота приобрела лиловый оттенок. Президент все так же двигался своей стремительной походкой мастера боевых искусств, с удовольствием разговаривал с людьми на улицах. Этот человек умел владеть вниманием людей, не важно, в каком количестве и настроении они здесь собрались, он умел быть таким разным — легкий полупоклон, полуулыбка, движение руки навстречу, а через секунду шаг назад, обозначение дистанции, серьезный взгляд, твердо сжатые губы.

В последний день, во время посещения птицефабрики, где Президент был более раскован, он дольше обычного задержался у группы журналистов, а потом, отыскав взглядом среди них Алису, с сочувствием спросил:

— Как, болит?

Алиса уловила в его глазах легкие смешинки и улыбнулась в ответ:

— Пройдет.

Молодые плечистые ребята из службы безопасности Президента снисходительно слушали этот диалог — цветущий всеми оттенками лилового фингал на лице журналистки

уже примелькался, и два дня они беспрепятственно пропускали ее на все президентские мероприятия.

«Хорошо, что все кончается», — думала с закрытыми глазами Алиса, блаженно откинувшись на спинку сиденья в теплом, невероятно уютном салоне самолета. Жанна работала — что-то слушала в наушниках, перематывала пленку, делала пометки в блокноте. — Кхе-кхе...

Алиса открыла глаза и тотчас же сузила их от злости: над ее головой навис тот самый оператор, бесцеремонно наградивший ее фингалом в первый день! Алиса уже знала, на каком телеканале он работает, что его зовут Леша и что он состоит в президентском пуле уже два года. При каждой встрече с ним журналистка старалась сделать презрительное выражение лица. Сейчас она была не готова к контакту, и лицо у нее выглядело растерянным.

— Алиса, — Леша улыбнулся, — не обижайся. Все бывает в жизни. Хочешь, двинь мне сейчас по физиономии чем-нибудь тяжелым, я не обижусь. Только работа — это святое, а ты мне прямо под объектив полезла, всю картинку испортила! На, чтобы у нас был «Миру — мир!». — И он протянул ей плитку шоколада «Слава». — Это чтобы ты прославилась.

Алиса смущенно приняла подарок.

— Спасибо, Леша. Я не обижаюсь. Можно сказать, ты меня визитной карточкой наградил — СБП пропускала везде не глядя.

— Увидимся еще! — кивнул ей Леша и отошел к своему месту.

Жанна насмешливо смотрела на сидевшую в кресле соседку, все еще сжимавшую плитку шоколада в руке.

— Ну, она толкнула Алису в бок, — угощать собираешься? Я же с тобой как курица с яйцом носилась, а ты...

— Да, конечно, Жанночка, угощайся. — Алиса развернула хрустящую фольгу. — Как ты думаешь, только не смейся, — вот на этой птицефабрике Президент спросил, не болит ли у меня глаз. Это потому, что у него память хорошая, да?

— Нет, это потому, что он в тебя влюбился! — фыркнула Жанна, засовывая полоску шоколада в рот. — Одно хорошо — тебе наша работа понравилась. Так что плюй на свои «Семейные традиции» и давай с нами. Будешь в Кремль ходить и по регионам ездить.

— Ты что! — испугалась Алиса. — Второй такой поездки мне не пережить!

Расставание в Домодедове получилось грустным. Алиса с тоской посмотрела вслед ребятам, загружающим в машины оборудование, помахала Леше, расцеловалась с Жанной.

— Чудная ты, — грустно улыбнулась Жанна, и ее лисья мордочка смешно сморщилась. — Но не теряйся, ладно? Я тебе позвоню. И ты мне звони, слышишь?

Алиса кивала и растерянно оглядывалась в поисках машины от редакции «Дело для всех». Ласков клялся прислать шофера во что бы то ни стало. Когда запасы терпения истощились, чихающий красный «жигуленок» подкатил к ней, и знакомый водитель Гоша принялся с места в карьер рассказывать об аварии, случившейся на Кольцевой дороге и задержавшей его. Гошина болтовня действовала успокаивающе. Подъезжая к Москве, Алиса ощущала, как она возвращается в свое привычное состояние, и восторженность, владевшая ею во время поездки, осталась где-то там, в Домодедове.

Вечером, распрощавшись наконец с главным редактором «Дела для всех», произнесшим в честь Алисы прочувствованную речь с концовкой типа «Мы тебя никогда не забудем», она

попросила водителя отвезти ее не домой, а к Артемьевым.

— Ты откуда? — изумился Влад, открывая Алисе дверь. — И не позвонила, и не предупредила. Проходи, давай сумку. Боже, какая тяжелая!

— Я из командировки.

— Мило. Ты сама себя посылаешь в глубинку для репортажей в свои «Семейные традиции»?

— Почти угадал. Я была в глубинке, но только в составе президентского пула.

— Ну, теперь, Леонид, держись. — Владислав озабоченно кивнул и ироничным тоном, которым говорил только с Алисой, притворно ужаснулся: — У нашей журналистки теперь связи в Кремле! Синяк под глазом того стоит.

Они сидели на кухне, пили чай, Алиса только что закончила рассказывать о своей поездке.

— И зачем я только тебе все разболтала, — злилась она, — теперь ты меня изведешь!

— Правда, Владик, — вступился за Алису Леонид, — что ты к ней пристал?

Владислав взлохматил свою шевелюру:

— В этом доме все против меня, даже родной брат! А я из него звезду сделал! Тут еще одна кремлевская звездочка зажглась поблизости, и мне, убогому, нет среди них места! — дурашливо заголосил Артемьев.

— Влад! — одернула его Алиса. — Всему есть предел!

— Да, — кивнул он и проводил взглядом Леонида, умчавшегося говорить с очередной девушкой по телефону, — я знаю, я бываю невыносим, ты меня извини.

Он взял руки Алисы в свои и, глядя ей в глаза, серьезно и Даже торжественно произнес:

— Алька, я ужасно боюсь, что ты однажды уйдешь от меня и не вернешься. Я так боюсь, что даже не могу иногда писать.

— Ну что ты, Владик. — Она высвободила правую руку и поправила ему прядь, упавшую на лоб. — Я ведь здесь, рядом.

— Я знаю, что я невозможный человек: у меня тяжелый характер, вспышки раздражения и молчаливости, — уже несколько капризным тоном продолжил Артемьев, — но ты пойми, я — писатель, я живу жизнью героев, каждый раз умираю с ними...

«Талантливое капризное дитя», — подумала Алиса, а вслух произнесла:

— Все это как-то очень книжно звучит, мне кажется, что любая творческая личность может жить одновременно в двух реальностях — земной и книжной — и оставаться при этом нормальным человеком.

— Ты намекаешь на то, что я слишком увлечен своей работой?

— Владик, умоляю, не начинай все сначала! Я тоже люблю свое дело!

— Нет, ты скажи, ты упрекаешь меня за то, что я все время посвящаю книгам, а не тебе?

— Я давно не претендую на твое внимание. Кроме того, я устала и пойду домой. Все-таки я только сегодня прилетела. — Алиса поднялась из кресла. — До завтра. Хотя нет, завтра я не смогу.

Кивнув Леониду, продолжавшему ворковать по телефону, Алиса оделась, закинула на плечо дорожную сумку и захлопнула за собой дверь. Она, конечно, могла поймать такси, но упрямо пошла к остановке автобуса. «Пусть мне будет хуже, вот стою я здесь, мне холодно, грустно, одиноко, никто меня не пожалеет, ну и пусть», — с ожесточением думала она. Трясаясь в автобусе, потом в вагоне метро, Алиса старалась думать о газете. Она словно обманывала себя, пытаясь закрыть пестрыми картинками мыслей одну, очень важную,

мысль. Время от времени картинка раздвигались, эта важная мысль выходила на передний план, но Алиса зажмурилась, и мысль снова терялась.

Усталая, недовольная собой, дома Алиса распаковала сумку, приняла душ и, собираясь лечь спать, по привычке взглянула на соседний дом. Знакомые окна были освещены. Алиса почувствовала легкие угрызения совести — она забыла сообщить Ксении Александровне о том, что уже вернулась. Она подошла к телефону, набрала номер и, услышав знакомый голос Богатыревой, улыбнулась. Холодный комок отчаяния и грусти, тяготивший ее весь вечер, стал постепенно таять.

— Никита передает вам большой привет и интересуется, когда вы наконец заглянете к нам на огонек, — шутливо сообщила Богатырева.

Алисе вспомнились новогодняя ночь, беспокойные темные глаза Никиты, прощание у подъезда и его многозначительное «до следующего свидания».

— Передайте ему мой привет, — как можно сердечнее проговорила Алиса. — Я с большой радостью зайду к вам, как только управлюсь с делами.

— Будем ждать, и спокойной ночи. — Ксения Александровна первая положила трубку.

Алиса легла, вздохнула и задумалась: она влюблялась легко и часто — в одноклассников, в тренера, преподавателей в университете, сокурсников и актеров. Состояние влюбленности моментально меняло окружающий мир. Оно бодрило, как крепкий кофе, морской прибой или глоток обжигающего морозного воздуха. В этом состоянии ей все удавалось, все выходило ловко и непринужденно, приходили самые лучшие идеи. Практически ни одно романтическое чувство не переросло в серьезный, разыгрываемый по всем правилам жизни роман. От одной влюбленности к другой Алиса скользила легко — без заламывания рук, мучительной тоски и скорби расставаний. Честно говоря, Алиса не встречалась с настоящей любовью, она даже немного боялась ее. Любовь казалась ей огромной штормовой волной, которая накрывает человека с головой и тащит за собой, не давая возможности опомниться и вернуться назад.

Интервью в Кремле

— Везет же тебе, Раевская! — Такими словами начал телефонный разговор Ласков, разбудивший Алису на следующий день ни свет ни заря.

— В чем? — сонно поинтересовалась Алиса, стараясь взглянуть в расположение стрелок на циферблате будильника.

— Опять к Президенту пойдешь.

Остатки сна окончательно слетели с Алисы:

— Куда и когда?

— Понравилось, значит? — ехидно констатировал Ласков, покашливая в трубку. — Записывай: через три дня, в десять вечера, ты должна быть в первом корпусе. Там тебя и группу журналистов проводят к Президенту. Будь умницей, спроси что-нибудь по нашей главной тематике и что-нибудь отвлеченное. Поняла?

— Поняла. Только с каких пор наша, извините, ваша газета пользуется таким авторитетом?

— А вот это тебе знать не обязательно. Пойдешь, помотришь, какой Кремль внутри красивый, отвлечешься. По телевизору, может, тебя покажут.

— Да-да, спасибо.

— Я говорил — долг платежом красен?

— Да.

— То-то. И еще, Раевская...

— Что?

— Ты же все-таки журналист со стажем и вообще женщина красивая. Будь там побойчее.

Все три дня до интервью Алиса старательно изводила свой синяк, готовилась к интервью и пыталась дозвониться до Жанны. По домашнему телефону ей довольно невежливо ответили, что Жанну стоит поискать на студии, а студийный телефон как назло был все время занят. Теперь Алиса не пропускала ни одних новостей по телевизору, ни одной статьи в газете, где шла речь о Президенте. «Необыкновенно работоспособен, решения принимает быстро, но не сразу их выполняет. На некоторых мероприятиях выглядит как бы замороженным — и в этом состоянии он, как на автопилоте, может работать без ограничения. Способен выждать, отложить активные действия, особенно если они связаны с неприятностями для других. При несомненной смелости осторожен. Долго общаясь, начинает скучать, но легко переключается. Иногда кажется, что грусть и радость идут у него рядом, как два цветных слоя воды, отражаясь друг в друге, но не смешиваясь». Наблюдения накапливались, образуя психологический портрет лидера. Сидя перед экраном телевизора, Алиса призналась, что Жанна была права — работа в президентском пуле затягивала и совсем была непохожа на все, чем Алиса занималась до сих пор.

Наконец ожидаемый день настал. Он был сереньким и каким-то будничным. На улице легкий морозец, под ногами чавкает снег, перетоптанный москвичами в бурю кашу, с неба сыплется колючий острый снежок. Возбуждение от того, что она пойдет на интервью в Кремль, не отпускало ее весь день. Алиса рассеянно отвечала на вопросы Милы Короткевич, пропустила несколько ошибок в авторской статье и все время напряженно обдумывала текст репортажа, который она должна будет сдать Ласкову. К десяти вечера Алиса стояла у

проходной, дрожа от нетерпения и холода в легкой розовой шубке из искусственного меха, с огромным капюшоном, от любимого модельера Ольги Моисеенко. Шубка была необыкновенно изящна, но совершенно не грела. Не грел и черный шифоновый брючный костюм от того же модельера с романтическим названием «Мелодия», который ей очень шел и оттенял нежный цвет ее лица и светлые волосы. К проходной подошли еще несколько человек.

— Алиса! — окликнул ее кто-то, и большая фигура с огромным баулом двинулась навстречу ей.

— Боже мой, Леша! — обрадовалась Алиса. — Ты тоже здесь?

— А где же мне быть? — удивился оператор, перекидывая баул с камерой с одного плеча на другое.

— Я так рада!

— Как твой глаз?

— Прошел, — махнула рукой Алиса, — я уже все давно забыла.

— Значит, ты сегодня опять с нами? Ребята, идите сюда, это Алиса. Знакомься — это Кирилл, корреспондент нашего канала, вот Эдик из «Известий», Витек из «Пульса», ты его уже видела, и Павлик из «Комсомолки».

— Честно говоря, — шепнула Алиса оператору, шагая по длинному кремлевскому коридору, после того как группу пропустили через проходную и два других поста, — я так боюсь!

— Не трись, все будет нормально.

Алиса постаралась взять себя в руки. Она огляделась — в первом корпусе, где располагаются апартаменты Президента и его супруги, царили роскошь и изысканность. Неизменные кадки с фикусами и пальмами, ковровые дорожки, скрадывающие шум шагов, музейная тишина и безлюдность за исключением охранников, располагающихся в нескольких метрах друг от друга в специальных пропускных пунктах. У кабинета Президента сопровождающий попросил журналистов подождать и исчез за дверью самого главного кабинета страны. Минут через двадцать журналистов попросили пройти. Кабинет, в котором предстояло встретиться с Президентом, выглядел монументально — большой стол, глубокий диван и кресла с обивкой из натуральной кожи, на стенах картины известных художников. Легким стремительным шагом в кабинет вошел Президент. Он поздоровался за руку с каждым журналистом, сделал приглашающий жест по направлению к круглому столику в центре кабинета. Часы над дверью показывали начало одиннадцатого вечера. Интервью началось. Журналисты беседовали с Президентом, камера бесстрастно снимала, а Алиса с бешено колотящимся сердцем выжидала момент, когда можно будет задать свои тщательно продуманные вопросы. Президент иногда поглядывал на часы, но не торопил журналистов закругляться. Алиса задала свой первый вопрос, незаметно рассматривая лицо Президента — темные круги под глазами, сеточка морщин, усталые глаза, тихий бесцветный тембр голоса, в котором, однако, чувствовалась скрытая глубина и сила.

— А я вас помню, — вдруг обратился Президент к журналистке. — Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, хорошо, — ответила Алиса и подхватила тему: — А как вы себя чувствуете? Не отражается ли такая высокая интенсивность работы на вашем здоровье?

— Я думал об этом, — улыбнувшись одними глазами, ответил Президент. — Действительно, это серьезные физические нагрузки. Но я буду работать в таком режиме до

тех пор, пока смогу.

— Как же отдыхаете? — перехватил следующий вопрос Алисы Витек из «Пульса», за что заслужил уничижительный взгляд журналистки.

Президент понимающе усмехнулся:

— Отдыхаю я мало. Вот сейчас, например, хотел отдохнуть. Меня ждут друзья, которые приехали из Петербурга. Думаю, шашлыки уже давно остыли... Но я привык к такой интенсивности. Все зависит от внутренней самоорганизации. Можно находиться на работе до двух часов ночи, но эффективность самой работы будет мала. Поэтому я ежедневно стараюсь заниматься спортом. Утром тридцать — сорок минут. Иногда удается сходить в театр, покататься на лыжах, встретиться с друзьями. Люблю смотреть фильмы, с удовольствием читаю историческую литературу.

Встреча закончилась в начале двенадцатого. Президент поблагодарил всех и исчез за неприметной дверью в нише кабинета. Журналисты не спешили уходить. Леша сматывал шнуры, упаковывал камеру, кряхтел и что-то бормотал себе под нос.

— А теперь куда? — растерянно спросила его Алиса.

— Я тебе что сказал? Не трусь! Держись меня, и все будет в ажуре. Картинки получились — загляденье. Я и тебя пару раз крупняком снял, ты хорошо смотришься, — поведал он ей, когда они возвращались к проходной прежним путем.

Оказавшись на улице, Алиса не почувствовала холода. Выражение лица, глаз, каждое слово Президента были зафиксированы в ее мозгу так четко, так ясно, что ей не терпелось сесть за компьютер и начать писать репортаж. Журналистка с благодарностью приняла предложение Леша проводить ее домой на такси и почти ничего не слышала из его болтовни, пока машина летела по пустынной ночной Москве.

— Алиса, — целуя ее в щеку на прощание, пробормотал Леша, — телефончик оставь. Созвонимся.

Алиса продиктовала номер, махнула Леше рукой и, обессиленная массой впечатлений, потянула тяжелую дверь подъезда на себя. Лифт не работал. «Как же несправедлив мир, — посетовала журналистка, поднимаясь по лестнице на свой этаж. — У меня есть «Семейные традиции». Это мое любимое дело. Моя давняя мечта. Но почему же мне так хочется поработать в президентском пуле?»

Ночью ее мучили кошмары — темно-красные кремлевские стены падали на нее, давили многопудовыми кирпичами на грудь, мешали дышать, засыпали красной пылью лицо. Ей хотелось кричать, но голос отказывался повиноваться. Она сдвигала кирпичи с груди, обдирая пальцы в кровь, но стены снова рушились, погребая ее под собой. Сквозь сон она слышала, что звонит телефон, но никак не могла проснуться. Этот звонок был таким реальным, родным среди кошмарных видений, одолевавших ее. С усилием разлепив веки, Алиса протянула руку к трубке. Но кто-то дал отбой, и Алиса услышала лишь короткие гудки.

Разбитая, усталая, словно и не спала, Алиса с трудом заставила себя подготовить материал о вчерашнем интервью и отослала его Ласкову, а потом до вечера лихорадочно металась по редакции, решая массу проблем, которые всегда сопутствуют сдаче очередного номера в печать. Когда изматывающий, трудный день закончился, она решила организовать традиционное совместное чаепитие с сотрудниками редакции. Кто-то принес вина, Мила купила торт и конфеты, Алиса принесла из буфета бутерброды. Эти совместные чаепития в

конец месяца тоже были инициативой Алисы. Она твердо была убеждена, что всем хочется расслабиться, а темп работы в редакции был подчас невыносимым. Еще ей мечталось о том, что редакция станет когда-нибудь единой семьей, группой единомышленников. Намучившись в редакции «Дела для всех», где журналисты нередко сталкивались с завистью, обманом и недоброжелательностью, Алиса всерьез собиралась создать у себя островок любви и дружбы. Но почему-то сегодня в шумной многоголосные вечера она улавливала злобные нотки, спиной чувствовала острый недоброжелательный взгляд. «Кто это?» Она обводила глазами коллег. «Кто ты?» Ее глаза искали среди болтающих, жующих, смеющихся людей того, от кого исходили волны ненависти. Но лица были безмятежны и веселы, и Алиса старалась отогнать от себя неприятное чувство. «Я просто переутомилась, — успокаивающе заметила она сама себе, — все пройдет, надо только отдохнуть». Она азартно смеялась, включалась в чей-то спор, решила рассказать об интервью в Кремле и о впечатлении, которое произвел на нее Президент — умный, прекрасно умеет слушать. И в этот момент сигнал тревоги внутри вновь дал о себе знать. Ей стало зябко, и она инстинктивно обхватила себя руками, словно защищаясь.

— Алиса, напиши книгу! — предложила Мила Короткевич.

— Книгу? — рассеянно переспросила Алиса... Озноб стал проходить.

— Да, напиши книгу о нас, журналистах. О тех, кто ездит с Президентом. О том, как несладко приходится работать. Как мы преданы своему делу.

— Да у меня и времени нет, — вяло отмахнулась Алиса.

— Это отговорки! — настаивала Мила.

Коллеги присоединились к разговору, и вскоре образовалось две группы. Первая считала, что Алисе стоит немедленно засесть за книгу и срочно выпустить ее, поскольку это будет бестселлером века. Другая группа считала, что Алисы не хватит на книгу, поскольку она руководит редакцией, не разорваться же ей... Поздно вечером сотрудники разошлись. Оставив на столе деньги для уборщицы, обычно прибиравшей по утрам посуду, Алиса ушла из редакции последней. Ночью ей не спалось. Она крутилась в постели, вспоминая до мельчайших деталей сегодняшний вечер. Предчувствие беды было острым и нестерпимым. Кому она наступила на мозоль? Кого обидела? Только под утро Алиса забылась коротким тревожным сном. На следующий день после работы Алиса решила навестить братьев Артемьевых, надеясь найти успокоение в компании здравомыслящих, ироничных людей. Пусть Влад упражняется в остроумии, пусть делает что хочет, только бы рядом был родной человек!

— Какие люди! К нам заглянули на огонек «Семейные традиции»! Леня, ставь чай! — такими словами встретил Алису Владислав, с шутовским полупоклоном пропуская ее в прихожую. — Ну, рассказывай все кремлевские секреты: как там дела, как наше государство, богатеет? — следя за тем, как она вешает куртку, проговорил Владислав. Он прислонился к дверному косяку, его глаза насмешливо блестели, и он был очень похож на кота, с удовольствием наблюдающего за тем, как хозяйка кладет ему в мисочку еду.

— Умираю, чаю хочу! — с искусственным оживлением воскликнула Алиса, поцеловала его в щеку и прошлепала в тапочках Леонида на кухню. Она вытащила из сумки пачку чая, коробку печенья.

— Скажи лучше, зачем ты тратишь себя на пустяки, изменяешь настоящему? — Сквозь иронию в тоне Владислава вдруг промелькнула тревожная нотка. — Тебе давно пора засесть за книгу, а ты все порхаешь, как мотылек беззаботный...

«И этот о книге, сговорились они, что ли?» Алиса подмигнула Леониду, заваривая чай. Пусть Владик говорит об искусстве, о своем понимании миссии писателя и так далее. Главное — она может молчать, пить чай и ни о чем не думать. Права русская поговорка: «Долгая дума — лишняя скорбь». Надо идти дальше, быть активной. И совсем она не беззаботный мотылек — она делает умную, нестандартную газету, и можно надеяться, что газета станет известной. Она устала, ей нужно отвлечься: пойти к Богатыревым, позвонить маме, может, даже съездить к ней и Зденеку в гости, вот только жаль, что в Чехию надо теперь оформлять визу. Только бы исчезло это неприятное чувство совершающегося буквально в этот момент предательства и скорой беды. И Алиса подхватила последнюю фразу Владислава, высказала свою мысль, а через две минуты они уже яростно спорили. Вскоре возбуждение, охватившее ее, постепенно стало спадать, и Алиса вновь почувствовала усталость и печаль. Отчего-то трудно было вздохнуть, хотелось молчать и смотреть в окно — в холодную черную ночь, на небо, усыпанное яркими звездами.

— Леня, а нет ли у вас коньячку? — Алиса неучтиво прервала длинную фразу Леонида на самой середине.

— С чего бы это? Новая привычка? — осведомился Влад.

— Сейчас найду. — Леонид легко поднялся и вскоре вернулся с бутылкой «Мартеля».

— Что-то я мерзну в последнее время, — поежившись, пожаловалась Алиса. — Даже чай меня не согрел.

Она искоса взглянула на Влада, ожидая очередной едкой реплики. Но Влад промолчал. Что-то насторожило его в голосе Алисы — он стал глухим и невыразительным, из него исчезла серебристая нота, которую он так любил. Леонид деликатно исчез из кухни, оставив брата с Алисой наедине.

— Устала? — уже с участием спросил он, разливая коньяк по пузатым рюмкам.

— Устала, — на выдохе произнесла Алиса, поднося бокал к носу. — Ах, какой запах! Старого дерева, сухих апельсиновых корок, костра...

— Ну, ты меньше нюхай, а пей! Очень согревает.

Владислав снял очки и пристально взглянул на Алису:

— Аля, что случилось, выкладывай!

— Не знаю, — пожала она плечами. — Я постоянно чувствую тревогу, душа не на

месте.

— Да брось! У тебя же все отлично! Своя газета, встречаешься запросто с Президентом...

— Не шути так! Мне страшно. Вот-вот, чувствую, все рухнет и меня завалит обломками. Мне даже сон такой приснился.

— Это депрессия, Аля, нельзя себя загонять в пятый угол. А лучше всего — ныряй под крылышко любящего мужчины...

— Под твое, что ли? — фыркнула Алиса.

— Под мое, — подтвердил Влад и, глядя, как сморщилось лицо Алисы, добавил: — Ну да ладно, не буду навязывать свое жалкое покровительство. А все-таки подумай об отдыхе. Депрессия всегда подкрадывается незаметно.

— Нашелся советчик! Ты же сам никогда в таких ситуациях не был!

— Именно в таких — нет, но как выбраться из паутины депрессии, допустим, могу рассказать. Желает послушать?

— Да. — Алиса поерзала на стуле.

— Ты в курсе, что мои родители не принимают и не понимают моего занятия, да и вообще последние пять лет мы практически не общаемся. Ленька к ним ездит, а я нет. После моего развода и ухода из армии мы просто перестали испытывать друг к другу родственные чувства. Я тебе никогда не рассказывал о своей первой жене?

Алиса с любопытством взглянула на Артемьева. Он поигрывал пустым бокалом, на губах его мелькала легкая улыбка, а глаза смотрели куда-то в глубь себя, в прошлое.

— Наталья была дочерью очень большого человека, влиятельного, вхожего в самые высокие кабинеты. Взбалмошная, не знающая ни в чем отказа. Но это был не человек — это было настоящее чудовище. Она была красива, образованна, настоящая светская львица, звезда московского бомонда. Она отравила меня собой, я просто не мог жить без нее, как наркоманы не мыслят жизни без дозы. Кстати, Наталья сама покуривала «травку», аргументируя это тем, что так принято в свете.

— Кем же она была? — слегка охрипшим голосом спросила Алиса.

— Никем, дочерью своих родителей. Зато мои папа и мама обожали ее. Думаю, они еще больше обожали то семейство, с которым породнились благодаря моей проклятой женьбе.

— Я не могу себе представить ваш союз, — задумчиво протянула Алиса...

— Говорю же, я был отравлен. Я гонялся за ней повсюду, вымаливал ее любовь, а получилось, что гонялся за химерой. Ты знаешь этот миф о Химере? Подожди, я принесу книгу древних мифов и прочитаю тебе.

Влад вскочил и вскоре вернулся с толстой книгой, заложеной десятком пожелтевших закладок.

— Итак, слушай: «Чуда-чудовища, подобного Химере, исполненного красоты уродства, живая жизнь еще не знала. Все в Химере было загадочно и бесцельно: три головы были у Химеры — льва, козы и змеи. Спереди на медных козлиных ногах рычала голова льва. Близ лвиной головы с открытой пастью свисали две лвиные лапы. Сзади шевелился драконий хвост со змеиной головой на конце. Между головами льва и змеи тянулось чешуйчатое тело в радужно-пестрых лохмах искрящейся козлиной шерсти. И посредине сторбленной спины на вытянутой шее торчала голова козы с нагло-печальными глазами, то кроткими, то огненными. Искрящаяся шерсть и чешуя так дивно переливались при полете Химеры, что казалось, будто она летучее созвездие. Но вскоре все живое узнало, что в чуде таится лютое

чудовище».

Влад захлопнул книгу и со значением посмотрел на Алису. Она задумчиво молчала.

— Это еще не самое страшное, — продолжил Влад. — Я никому не рассказывал о том, что сейчас скажу тебе. Как-то раз мы были на очередной музыкально-артистической тусовке. Как всегда, все кружилось, галдело, передвигалось, исходило алкогольно-табачными парами, сквозь которые пробивался запах марихуаны. Это был настоящий притон, честное слово, настоящее дно, прикрытое дорогими тряпками тусовки. В одной из комнат я увидел женщину — она умирала. Это я сразу понял каким-то шестым чувством. Умирала она от передозировки. Я не знал что делать, я звал на помощь, но никто не обращал на меня внимания. Потом появилась Наталья.

«Вызови «скорую», она умирает!» — крикнул я ей, но она покачала головой: «Нельзя, иначе у хозяев будут неприятности». «Человек умирает!» — заорал я, но она только усмехнулась. «Это уже не человек», — бросила Наталья и исчезла.

Тогда я схватил эту девушку, поднял ее и заставил идти. Она еле-еле передвигала ногами. Я где-то читал, что тем, у кого передозировка, надо много ходить. Я вышел с ней из дома и побрел по ночным улицам, пытаюсь остановить машины, но они проносились мимо. Однажды мимо нас пронеслась милицейская машина. Девушка уже не шла — я просто тащил ее на себе как мешок. И, как избавление, мне попала машина «скорой помощи». Я встал у нее на пути, совершенно точно зная, что не сойду с места, даже если она не затормозит.

Влад замолчал. Пораженная ужасной картиной, Алиса не торопила его с продолжением рассказа.

— По счастью, «скорая» остановилась, девушку забрали, и я поехал домой. Я никому не сообщил об этом случае, а Наталья, появившаяся, как всегда, под утро, даже не вспомнила об этой девушке. Я словно прозрел — то, что я принимал за бабочку с алмазными крыльями, на самом деле оказалось страшным чудовищем. Я подал на развод. К счастью, я его получил. Мне часто снятся та ночь и несчастная девушка, которую я тащил на себе. Жива ли она? Этот груз вины я буду нести до конца моей жизни.

— Но ты сделал все, что мог! — возразила Алиса.

— Я еще долгое время не мог прийти в себя, были развод и скандал, длинные выяснения отношений между семьями, проклятия, сердечные приступы мамочки и прочее. Я знаю, как это бывает, когда кажется, что весь мир ополчился против тебя.

Алиса смотрела на Влада новыми глазами.

— Какой же ты! А я не знала! — воскликнула она. — Ну почему ты мне раньше этого не рассказал?

— А зачем? — грустно усмехнулся Влад и залпом допил остатки коньяка из рюмки.

Алиса встала со стула, подошла к Владу, присела перед ним на корточки и заглянула в глаза:

— Ты все сделал правильно. Не кори себя.

— А ты не гоняйся за химерами, никогда, иначе тоже крепко получишь по затылку. — Он погладил Алису по голове. — Эх, Аля, жизнь так непроста, иногда свои поступки мы можем по-настоящему оценить спустя годы. Я сильно болел после развода, душой болел. От тоски стал писать, меня это увлекло. Потом появилась ты.

— Владик, ты умный, благородный, замечательный! Таких, как ты, сегодня редко можно встретить.

— Милая моя, — Влад поднял ее за руку и посадил к себе на колени, — ко всем ты подходишь со своей жесткой меркой — благороден или нет.

— Неправильно! — запротестовала Алиса.

— Правильно. А еще жестче ты судишь себя. В тебе живет моралист в хорошем смысле этого слова. Ты можешь жить только среди правильных людей, а совершившие, на твой взгляд, неэтичные поступки граждане навсегда изгоняются из памяти, Так? Ты и меня готова была выбросить на свалку истории, я прав?

Алиса почувствовала, что краснеет, и заерзала на коленях Влада.

— В последнее время ты так изводил меня своими шуточками...

— Аля, ведь мы когда-то договаривались пожениться, помнишь? — Влад серьезно заглянул ей в глаза.

— Владик, ты мой самый добрый, самый лучший друг, я тебя очень люблю, — горячо произнесла Алиса, — но замуж я не хочу. Ни за кого.

— Зря. А я хочу жениться.

— Так женись.

— Эх, Аля, глупая ты! — вздохнул Артемьев, отпуская Алису.

— Пойдем, Влад, поймай мне такси, уже поздно.

Перед тем как посадить Алису в такси, Влад притянул ее к себе и, глядя прямо в глаза, с отчаянием произнес:

— Если бы ты меня хоть немного любила!

Эта фраза звучала в ушах Алисы всю дорогу до дома. Она машинально расплатилась с таксистом, набрала код домофона, поднялась на лифте на свой этаж.

Накинув теплый халат, перед тем как лечь, подошла к окну. Дом напротив спал. И не мудрено — второй час ночи. И только окно Ксении Александровны светилось оранжевым светлячком. В зыбкости, неустойчивости происходящего с Алисой в этом мире-сне ровный оранжевый огонь показался реальным маяком. Там, куда он звал, жили нормальные простые люди; они любили друг друга, берегли семью, хранили традиции и самое главное — ждали ее. Это была единственная гавань, где потрепанное штормом событий суденышко Алисы могло найти приют и спокойствие.

Она легла, погасила свет и, закинув руки за голову, принялась размышлять. Разве спокойствия хотелось ей сегодня? Она перевернулась на бок и закрыла глаза. Вспомнился рассказ Влада. Бедный Артемьев! Какая рана у него на сердце! Эта история с женой... Алиса поежилась. Правда, что от любви до ненависти один шаг. Любить женщину, потом прозреть и увидеть в ней нелюдь... Нет, любовь — это страшная вещь. Прошло много лет, а во Владе все еще живет старый страх, Алиса давно это чувствовала. Вся его помпа, разговоры о писательской миссии на самом деле не более чем попытка убежать от самого себя, спрятать от других свою боль. Влад — добрый, правда, немного прямолинейный, но талантливый. Это бесспорно.

Она приподнялась на локте и посмотрела на циферблат будильника — половина четвертого, а ей все не спится. Да, с ней в последнее время что-то происходит. То не спит две ночи подряд, то снятся кошмары, пугающие до сих пор реальностью пророчеств. Интересно, снятся ли сны президентам?

В этот день Алисе предстояло интервью в прямом эфире на радиостанции «Взгляд». Пока добиралась до здания, где располагалась студия, Алиса успела обдумать различные ответы на предполагаемые вопросы, в принципе она была готова к любым неожиданностям. Но все равно очень волновалась. Получив пропуск, поднявшись на лифте на четвертый этаж, где располагалась студия, Алиса все еще не догадывалась о том, кого ей предстоит встретить. В шумной бестолковой суете студии к растеряннo улыбающейся Алисе подошла Жанна, та самая журналистка, с которой она подружилась во время президентской поездки.

— Здравствуй, красавица! — Жанна легко прикоснулась губами к щеке Алисы. — Я хотела сделать тебе сюрприз.

— Тебе он вполне удался. Как дела? У вас здесь так шумно! Что я должна говорить? Мы сможем потом выпить чашку кофе? — Вопросы сыпались из Алисы, как горох из рваного пакета. Она была очень рада видеть Жанну, ведь она напоминала ей удивительные дни...

— Давай пока поговорим о деле, — предложила Жанна. — На всякий случай сообщаю, что в прямом эфире ничего страшного нет. Я тебя спрошу о том, как ты достигла успеха, ты расскажешь о газете, о том, какой у тебя график...

— Убийственный!

— Вот об этом и скажешь. Осталось пять секунд, пойдем в студию.

Они поднялись, прошли в студию, из которой поспешно выходил ведущий программы новостей. Усевшись за стол, покрытый зеленым сукном, посредине которого возвышался микрофон, Жанна помогла закрепить Алисе наушник и за секунду до того, как загорелось табло «Микрофон включен», шепнула:

— Удачи!

Алиса кивнула.

— В свои тридцать лет Алиса Раевская считается деловой женщиной — она выпускает газету «Семейные традиции», о которой уже многие знают и, я уверена, которую с удовольствием читают. При этом Алиса — блестящий журналист, хотя и не имеет специального образования. Как ты пришла в журналистику?

Глубоко вздохнув, Алиса ответила:

— Я начинала свою журналистскую практику еще в стенах альма-матер — писала в студенческую многотиражку филфака МГУ. Потом долгое время работала в бюро переводов, совершенно случайно одно издательство пригласило меня перевести книгу с английского языка. Потом еще одну, и еще. Параллельно я публиковала маленькие статьи в разных газетах. Одну из них заметили, и мне предложили постоянную работу в небольшом развивающемся издании, газете «Дело для всех».

— Было ли приглашение стать шеф-редактором газеты «Семейные традиции» твоим счастливым шансом?

— В какой-то степени да, — пожав плечами, ответила Алиса.

— Есть ли у твоей газеты основная идея, главная тема?

— Безусловно. Мы живем как в огромных муравейниках, состоящих из стандартных квартир, забитых товарами массового потребления. Ничто не напоминает о традициях, о прошлом, не вселяет чувство уверенности в завтрашнем дне. — Неожиданно для себя Алиса процитировала фразу Ксении Александровны, с радостью понимая, что она наконец

нашупала, определила миссию газеты, которая теперь определит и ее дальнейший путь, и уверенно продолжала: — По большому счету мы не испытываем удовлетворения, живя в стандартных квартирах, окруженные стандартными, пусть даже очень фирменными и качественными, вещами. Люди все чаще хотят придать вещам личный оттенок, а жилью индивидуальные черты, сделать его более функциональным и уютным.

Высказав это, Алиса удовлетворенно откинулась на спинку стула. Она наконец нашла! Теперь у нее есть миссия газеты.

Автоматически Алиса ответила на следующие вопросы Жанны, все время прислушиваясь к себе, — осталось ли это праздничное ощущение открытия?

— Молодец, говорила хорошо и спокойно, — похвалила Жанна Алису после эфира. — Знаешь, я ведь читаю твои «Семейные традиции», есть в них что-то такое, что заставляет вспоминать старые, какие-то забытые добрые запахи, истертый корешок книги детства «Бегущая по волнам», вкус бабушкиного жаркого... Хотя, если говорить профессионально, над газетой надо еще работать и работать. Ты сама сегодня себе такую программу выдала, что я даже рот открыла. А сколько семей сохранили еще эти пресловутые традиции?

— По крайней мере я могу назвать тебе одну семью! Уникальную! Хочешь, познакомлю?

— Обязательно, но не сейчас, у меня через десять секунд программа. Позвони мне лучше сама, не пропадай. — И, помедлив, Жанна добавила: — Есть что-то в тебе... Милая ты, очень милая! Давай я тебя поцелую! Не пропадай из виду!

Они расцеловались, Жанна скорым шагом вернулась в студию, а Алиса медленно пошла к выходу. Открытие того, что должна сделать газета, ее взволновало. Она быстрым шагом шла по улице, стараясь удержать в душе приподнятое настроение. Проходя мимо антикварного магазина; она пару минут постояла в задумчивости у витрины, а потом решительно открыла стеклянную дверь. Мелодичный колокольчик звякнул у двери, на Алису пахнул запах старинных вещей. В магазине было пусто, Алиса с любопытством огляделась.

— Да? — Из-под прилавка вынырнул сморщенный старичок в сером халате. — Вы что-то хотели бы приобрести?

— Нет, — честно ответила Алиса, — мне это не по карману. Я пришла полюбоваться. Ведь такие вещи, как здесь, можно увидеть только в музее или на картинке.

— Да, — потирая руки, кивнул головой старичок, — сейчас такие вещи позволить себе может не каждый. Я же помню еще те времена, когда на сталинском аукционе тридцатых годов за две тысячи рублей можно было купить на вес екатерининские табакерки с эмальями и камнями. Теперь такая коллекция есть у жены тогдашнего американского посла, а наши искусствоведы плачут.

— Как вы думаете, зачем люди покупают антиквариат? — низко нагнувшись над стеклянной витриной, спросила Алиса. — Зачем им старые ножи и вилки с костяными ручками, вот эти чернильные приборы — сейчас же такими ручками никто не пишет!

Старичок потер пальцем нос и задумался:

— Люди интуитивно чувствуют, что связь между поколениями утрачена. Покупая старинные вещи, они пытаются компенсировать это. Ведь все имущество наших людей — стенки из ДСП, софа, пара кресел, кухня из пластика. В домах Франции, например, прекрасно уживаются друг с другом комод эпохи Людовика Четырнадцатого, кофейный сервиз эпохи Людовика Шестнадцатого и стул пятнадцатого века. Смешение стилей в интерьере вмещает в себя все: семейные традиции, любовь к старым предметам, смену

поколений.

— Семейные традиции, — подхватила Алиса.

— Да-да... — Старичок внимательно посмотрел на нее.

— Семейные традиции, — повторила Алиса и с волнением огляделась вокруг.

— Может, что-нибудь присмотрите себе? Начинать никогда не поздно, — предложил старичок.

Воодушевление охватило Алису.

— Да я бы с удовольствием, но что? — Взгляд ее скользил по старым гравюрам, шелковым веерам, фарфоровым вазам, иконам, статуэткам и серебряным кувшинам.

— Сейчас! — Старичок вновь исчез под прилавком. — Вот, — вынырнул он через секунду, бережно держа морщинистыми пальцами хрупкую чашечку на ножке и блюдечко. — Не самая редкая антикварная вещь, но для начала вполне сгодится. Конец девятнадцатого века, все, что осталось от сервиза на двадцать восемь персон. Посмотрите, какой тонкий фарфор. Это не бисквитный, а костяной. — Глядя на непонимающее лицо Алисы, продавец пояснил: — Костяной фарфор содержит в глиняной массе пятьдесят процентов размельченной кости голени животного, делая изделие легким, изящным и прочным. Однако даже прочный фарфор не выдержал революций, войн, скупок.

С любопытством Алиса повертела перед глазами хрупкую чашечку, любуясь изящным цветком шиповника на золотистой ветке.

— Владелец отдает недорого, всего шестьсот рублей.

— У меня с собой всего пятьсот рублей, — растерянно пробормотала Алиса, ставя чашечку на прилавок.

Старичок махнул рукой:

— Ладно, я договорюсь с владельцем сам. Берите за пятьсот!

Дома Алиса осторожно распаковала любовно завернутые в несколько слоев бумаги чашку и блюдце и поставила на обеденный стол в гостиной. Полировка отразила изящные формы чашечки. «Кому принадлежал этот сервиз?» — задумалась Алиса. Она представила пышность парадного стола, накрытого на двадцать восемь персон, сияние серебра, влажное дыхание роз, специально срезанных к столу, и нежно-розовые цветы шиповника на золотистых ножках, повторенные многократно во всех предметах обеденной сервировки. Была ли это дворянская семья? Или купеческая? Где они, эти семейные традиции? Кто сохранил эту чашечку с блюдцем? Через сколько рук они прошли? А если найти настоящего владельца и поговорить с ним?

Алиса коснулась гладкой поверхности фарфора. «Такая хрупкая, что даже жалко пользоваться. Пусть красуется на полке как начало моей коллекции. А пить из нее буду только в самые ответственные моменты в жизни, — решила Алиса, бережно пристраивая чашку на полку в серванте. — Завтра надо будет показать Ксении Александровне».

Вечерело. Работать не хотелось — возбуждение от интервью на радио еще бродило в ней и требовало выхода. В квартире было тихо, чисто и пусто. Но Алиса не чувствовала одиночества — она с детства привыкла развлекать себя сама, и ей никогда не было скучно. В отсутствие родителей, без дедушек и бабушек Алиса занимала себя удивительными сказками. Она придумывала фантастические хроники вымышленных королевств, часами обдумывала времяпрепровождение того или иного монарха, законы его государства, цвета королевских штандартов. Тетрадki с хрониками множились, в ней обнаружился дар рассказчицы с легким, остроумным слогом. При этом Алиса совсем не была книжным

червем — кроме занятий спортом, она писала для всех школьных праздников сценарии, режиссировала их и сама же в них выступала. Вокруг нее всегда было много друзей и поклонников, но случилось, что они куда-то пропадали, как сейчас. Однако Алиса умела жить одна, не испытывая дискомфорта. Так же хорошо она умела ладить с разными людьми в больших компаниях.

Она решительно встала, открыла стенной шкаф и вытащила свои коньки. Сколько она не стояла на льду? Лет восемь, а то и все десять. Алиса погладила чуть шершавую поверхность ботинок. С каким трудом пришлось доставать эти швейцарские коньки из натуральной кожи, с дутым языком, специальными стельками! Ведь коньки — это главное для спортсмена. В них она получила первую золотую юниорскую медаль, в них откатала свою последнюю программу. А потом ушла из спорта. Совсем. Надо было выбирать — спорт или МГУ. В первом случае — неизвестность и травмы. Во втором — предсказуемость и реальная профессия. И Алиса поступила на филфак.

Алиса поспешно оделась, взяла коньки под мышку и вышла из дома. На стадионе «Искра» каждый год заливали отличный каток, куда съезжались взрослые и дети из всех близлежащих районов. Собственно, именно на этом катке маленькую девочку заметил тренер по фигурному катанию и пригласил в секцию. Отсюда началась ее спортивная карьера. Алиса с ностальгией вспоминала давние годы, полные честолюбивых надежд на победу и огорчений потому, что ей не удавались прыжки. Школа была сильной, а вот прыжки...

На катке было многолюдно. Огромные прожекторы всюду заливали светом блестящий, исполосованный лезвиями каток, мальчишки с грохотом лупили по шайбам, девочки и их мамы степенно обкатывали дальние концы катка, а в центре совсем пожилой дядечка в послевоенных «гагах» стремительно нарезал круг за кругом. Алиса присела на скамейку. Как далеко она ушла от тех дней, когда лед был ее единственным увлечением! Надев коньки, с неожиданной робостью она ступила на лед. Какое странное ощущение! Алиса прислушивалась к себе, в то время как ноги сами стали вспоминать вымуштрованную годами науку. Подсечка, дорожка шагов, «кораблик», пируэт — вскоре за стремительными движениями фигуристки в синей куртке и желтой шапочке стал наблюдать весь каток. Алиса наслаждалась движениями, морозным воздухом, звуком, с которым лезвия коньков распарывали поверхность серебристого льда. Радуюсь бездумному скольжению, она вспоминала сегодняшнее интервью, оценивала, насколько точными были ее ответы, потом мысленно вновь представила свое новое приобретение, антикварную чашечку, а потом ей в голову пришла неожиданная мысль — скорее всего это был вопрос, четкий и колючий.

Разбрызгивая крошки льда, Алиса резко затормозила. «А кому достанется эта чашечка, когда меня не будет? Кто будет продолжать мои семейные традиции?» И она представила далекое будущее, себя, одинокую сухую старушку, и службу ликвидации старых вещей, или как там ее еще называют, которая бесстрастно погрузит после ее смерти нехитрые пожитки в контейнер и отвезет на свалку. И полетят туда фарфоровая антикварная чашечка, ее рукописи, альбом с фотографиями, выпускное платье, письма дедушки с фронта, любимые зачитанные книги... Алиса передернула плечами, ей стало очень холодно и страшно. Поскрипывание лезвий коньков показалось ей неприятным скрежетом, а песня, далеко разносимая громкоговорителем, гудела и лязгала, так, что она не могла разобрать в ней ни одного слова. Но потом Алиса одернула себя: ей всего тридцать лет! У нее есть любимое дело, появятся единомышленники и, может, даже ученики. Нет, о старости думать рано! И

словно ставя точку в конце своих грустных размышлений, Алиса сделала красивый разворот и комбинацию из прыжков, среди которых был непокорный когда-то «ритбергер».

Ксения Александровна

— Поздравляю с замечательным приобретением, — рассматривая антикварную чашечку, одобрила Ксения Александровна на следующий день. — Настоящий фарфор, действительно девятнадцатый век, не подделка. Молодец, Алиса, у вас хороший вкус.

Алиса почувствовала себя невероятно польщенной, словно это был самый важный комплимент в ее жизни. Почему-то именно в доме Богатыревых на Алису снисходило такое спокойствие, как будто здесь было самое защищенное место на земле, где можно просто сидеть за круглым столом, покрытым скатертью с дубовыми листьями, вышитыми по краю, тихонько улыбаться своим мыслям за чашкой чая и молчать. Кремовые шторы наглухо защищали комнату от любопытных глаз соседей, живущих в доме напротив. Казалось, Ксения Александровна и Никита взяли над ней шефство — они опекали ее, старались удобно усадить, вкусно накормить, были деликатны и ненавязчивы.

Больше всего Алиса ценила вечера, когда Богатырева вспоминала о старине. Случалось это чаще всего в отсутствие Никиты, словно мать стеснялась вспоминать давние события при сыне.

— Знаете, я на днях прочитала в газете, что в Москве существуют районы, где исторически накапливалась черная энергия.

— Интересно, какие?

— Всех я не запомнила, но вот о двух расскажу. Во-первых, это Чертолье — район Пречистенки. Название говорит само за себя, по преданию, в подземелье находились пыточные камеры Ивана Грозного. Второй район — Ходынка. В этом районе я родилась, и наша семья долго жила в так называемом военном городке. Это дома-пятиэтажки, построенные сразу после войны для офицеров и их семей. Пятиэтажки образовывали большие двory, отделенные от других дворов коваными чугунными заборами, украшенными красными звездами. В нашем дворе были дом летчиков, дом офицеров-общевойсковиков и дом моряков. Впрочем, с домом моряков никто не дружил. Наш дом практически вплотную примыкал к Ходынке. Разделяли их только забор и ряд гаражей — примерно как наши дома сейчас. Сколько себя помню, никто не решался вечером зайти на ту сторону дома, даже если с балкона ветер сносил простыню. Та сторона была неосвещенной и поэтому казалась какой-то пугающей. Думаю, злые духи Ходынки не окончательно успокоились, потому что в наших домах творилось всякое — одним словом, чудеса.

— Хм... — Алиса постаралась тактично удержать смешок. — Ксения Александровна, вы верите в мистику?

— Я всегда верила в чудо. Мистика — обратная его сторона.

— Зато я верю в астрологию. Знаете ли вы, что двенадцать станций Кольцевой дороги, по мнению астролога Глобы, вписываются в зодиакальные сектора Москвы?

— А что это значит?

— Каждая станция Кольцевой дороги соответствует одному знаку зодиака, и вся прилегающая к ней территория как бы привязана к этому знаку. Вот, например, Ходынское поле — зона Скорпиона. Символ Скорпиона — зверь в клетке или паук, ткущий сеть. Это мятежный дух, непокорность, управление энергиями больших коллективов. В этом же секторе находятся Пресня, Трехгорка, зоопарк. Скорпион, видимо, не давал покоя своей мятежной энергией всем живущим в военном городке у Ходынки...

— Короче, вы мне не верите. Совсем как Никита!

— Да нет, мне интересно. А что дальше?

— Когда мне было лет десять, я видела привидение. Отец считал, что я все придумала, он был настоящим военным, прошел войну, и чудеса для него не существовали. А мама... Она сделала вид, что ничего особенного не случилось, но я видела, что она поверила. Со мной больше ничего такого не происходило, но вот у соседей...

— А что у соседей? — Алиса почувствовала, как мурашки побежали по телу.

— У моего одноклассника, соседа, ночью вдруг заиграл проигрыватель. Вообразите: ночь, он спит, вдруг проигрыватель включается, иголка падает на пластинку, и громко звучит музыка.

— И что это было?

— Никто не знает.

— А еще?

— Ага, вас уже разбирает любопытство! Разное случалось в нашем доме — люди ни с того ни с сего сходили с ума, болели, умирали, в одной квартире собака, огромная овчарка, бросилась вниз с балкона четвертого этажа.

— Ужас!

— Ладно, не буду пугать, только это правда. Так мы жили у знаменитой Ходынки. наших домов уже нет, их снесли, однако, когда я бываю в том районе, мне всегда грустно. Интересно, как живет там нынешним жильцам? Лучше расскажу забавный случай. В доме напротив занимал квартиру сапожник. Мы с мамой бегали к нему заказывать ботинки и туфли, и шил он их, надо заметить, великолепно. Но на самом деле был он не сапожник, а генерал, бывший кавалерист. Жил он в одиночестве в огромной пятикомнатной, абсолютно пустой квартире. Единственной ценностью в этой квартире был его большой, во всю стену, портрет, где он запечатлен во всей своей кавалерийской красе. Потому что пил он как сапожник и запомнился мне в неизменной синей майке и кожаном фартуке. — Она улыбнулась рассеянной, далекой улыбкой и добавила: — В этом же доме жил отец Никиты, мой будущий муж. Странно, что мы выросли вместе в одном дворе, а заметили друг друга, только когда нам было около двадцати. Мы поженились, уехали под Новгород, но Никита родился в Москве, он еще должен помнить наш двор.

В тот вечер Алисе все-таки удалось уговорить Богатыреву написать две маленькие заметки: поделиться рецептом одного фирменного пирога и вспомнить историю старого московского двора. К удовольствию Алисы и радости Ксении Александровны, читатели по достоинству оценили новый материал, и незаметно для себя Ксения Александровна увлеклась работой в газете. Вскоре она стала ведущей двух рубрик: «Уютный дом» и «Сладкая жизнь». Ее дельные советы и редкая задушевность разговора с читателями были замечены.

— У мамы удивительный дар, — кивал Никита в ответ на восторженные эпитеты Алисы. — На балконе цветы и зелень вырастают пышными и крепкими, скатерти вышиты оригинальными орнаментами, гости всегда получают конверты с шутливыми пожеланиями или маленькие подарки, запеченные в пирожках, вот и статьи стали получаться замечательными.

— Ты знаешь, — призналась Алиса, — когда я впервые пришла к вам, я даже не поверила своим глазам. Ваша квартира была точной копией того чудесного теплого дома,

который я выдумала себе когда-то!

— Да, — согласился Никита, — я ни за что не променял бы свой дом, не стены, не бетонную коробку, а именно дом, на что-то другое — загородный особняк, шикарную новую квартиру.

— И ты прав! — кивнула Алиса. — Это настоящая тема для статьи «Что делает обычную бетонную коробку настоящим домом». Как тебе название статьи?

Название статьи Никита одобрил.

Единственное, что не укладывалось в рамки сложившихся дружеских отношений, — это быстрые взгляды карих глаз Никиты, которые время от времени Алиса ловила на себе. Ксения Александровна, видимо, тоже заметила новое отношение сына к Алисе, но тактично не вмешивалась, предоставив событиям возможность развиваться своим чередом.

— Ксения Александровна, расскажите мне о Никите, — однажды попросила Алиса. — Я ведь фактически ничего о нем не знаю! Какой он?

Ксения Александровна рассеянно улыбнулась:

— Какой? Сначала это был тихий домашний ребенок, отличник. Потом с пятого класса моего тихоню как подменили — что ни день, то драка; появились двойки по поведению; меня стали вызывать к директору. Оказывается, Никита объявил себя вторым Робин Гудом и встал на защиту слабых. На уроках он дерзил учителям, задавал каверзные вопросы, любил ставить их в тупик. Потом он просто ушел на улицу — завел компанию, стал играть на гитаре. Я ужасно переживала, писала длинные письма его отцу, что мне одной не справиться с буйным, непослушным подростком, когда у него переходный период. А потом все как-то незаметно наладилось. Никита снова почувствовал интерес к наукам, начал заниматься, поступил в институт, стал играть в институтской команде в волейбол, был капитаном команды КВН. Он очень остроумный, умеет рассмешить. Увлекался живописью, музыкой, много читал. Он любил шумные компании, праздники. Самым большим счастьем для меня было, когда Никита оставался дома, со мной.

— Из этого можно сделать вывод, что дома он бывал не часто, — вставила Алиса.

— Да, не часто. Однако после гибели отца он совершенно изменился. Я почти год жила как под водой — ничего не видела, не слышала, все делала автоматически. Ему пришлось стать главой семьи. Для Никиты тот год тоже не прошел даром: жизнь в нем словно замедлилась, он стал уравновешенным, спокойным, иногда даже медлительным.

— А его жена?.. — отважно спросила Алиса и смутилась.

Богатырева покачала головой:

— Никита был сильно увлечен, страстно влюблен, если хотите. Инна была красива нереальной, фантастической красотой. От нее всегда исходили волны опасности, как от ядовитого цветка, который привлекает своим запахом и цветом насекомых, а потом убивает их. Высшей ценностью для Инны была только она сама. Она была неглупа, неплохо воспитана, работала референтом в итальянской фирме. После полугодовой стажировки в Италии она объявила, что ей срочно нужен развод. Честно говоря, я ожидала, что брак Никиты закончится катастрофой. Он был глубоко уязвлен, хотя старался не показывать этого. Он спокоен, уравновешен, весел, но пламя, которое всегда угадывалось в нем, по-прежнему бушует где-то глубоко внутри, может, даже с большей силой. Я вижу, что сейчас в его душе идет какая-то скрытая работа, и я немного боюсь этого.

Больше к этому разговору ни Алиса, ни Ксения Александровна не возвращались. Однажды Никита, чуть смущаясь, передал Алисе листочек с набранным на компьютере текстом.

— Вот, — смутился он, — я в детстве любил собирать самолеты, корабли и машины. Если мальчишкам будет интересно, могу писать об этом регулярно.

— Отлично! — сказала Алиса, пробежав глазами первые строчки текста. —

Великолепно! У нас есть рубрика «Детская комната», но пока мы давали материал о куклах и мягкой игрушке. Материал для мальчишек нам так нужен! Спасибо! — И она чмокнула его в щеку.

— Хотел бы я что-нибудь любить так, как ты любишь свою газету, — улыбнулся Никита.

— Никита, ты что? — изумилась Алиса. — Ведь это уже не мое личное дело, я бы даже назвала это в том числе и вашим семейным предприятием, ведь теперь вы работаете вместе со мной. У нас в газете сложился замечательный коллектив. Вот, например, Стасик и Витя, дизайнеры-верстальщики, очень работоспособные ребята. Леночка Иванова — молодая журналистка, Аня Величко — журналистка, которую я пригласила из «Дела для всех». Корректор Дмитрий Иванович — инвалид войны, человек с удивительной судьбой. Мила Короткевич всю жизнь проработала на телевидении, а это как наркотик. Сейчас она сидит в одной комнате со мной, решает административные вопросы, пишет заметки, но я вижу, что она тоскует по телевидению! И администратор из нее никакой, это я давно поняла, и сама она решить ничего не может, ждет, когда ей дадут четкие указания. Она терпит, и я терплю.

— Слушай, да она просто классический трутень! — воскликнул Никита. — Нельзя же быть такой мамочкой для всех!

— Ты не прав! — горячилась Алиса. — Мила старается исполнять все мои указания.

— Да? — Никита насмешливо поднял бровь. — Скажи тогда, чем конкретно она занимается?

— Она пишет заметки, звонит в разные организации, отправляет факсы...

— Ого! — рассмеялся молодой человек.

— Никита, — разозлилась Алиса, — мне кажется, что сейчас ты лезешь не в свое дело.

— Как? — притворно удивился Никита. — Ты же только что предупредила, что это наше совместное семейное предприятие. И не злись. — Он положил ладонь на руку Алисы, и она почувствовала горячий ток, исходящий от него.

Когда-то так уже было, она помнила... Когда? Наяву или во сне? Голова закружилась, и Алиса не слышала Никиту, вглядываясь изо всех сил в черные зрачки.

— Ты меня слышишь? — донеслось до нее издали.

Усилив воли Алиса сбросила оцепенение и кивнула.

— Так вот, как менеджер по работе с клиентами, я могу тебе подсказать кое-что. У тебя должны работать люди с различными талантами и способностями, взаимно дополняющие друг друга. Все должны быть преданы одной идее, одной миссии. Каждый должен быть занят по горло и чувствовать одновременно ответственность за свое дело. А если все работают как Бог на душу положит и знают, что в результате за все ответит Алиса, это уже богадельня, а не предприятие. Вот твоя Мила, она отвечает за свою работу?

— Отвечает, — неуверенно сказала Алиса.

— Понятно, — кивнул Никита. — Ни за что она не отвечает. Уселась верхом и ножки свесила.

— Никита, — вмешалась в разговор Ксения Александровна, — так нельзя. Что ты налетел на Алису как коршун?

— Терпеть не могу, когда другие считают себя умнее других и пользуются чужим капиталом.

— Пойдем погуляем. Последние дни зимы, а мороз как на Рождество.

— Идите проветритесь, а к вашему приходу я бульон с пирожками сделаю, —

подхватила Ксения Александровна.

Алиса надела куртку, учтиво поданную ей Никитой, и послушно вышла из квартиры.

— Куда отправимся? — без энтузиазма осведомилась она, ступая по хрустящему снегу.

— Давай куда-нибудь в кино или в кафе, куда ты хочешь?

— Ах, мне все равно, хоть в Третьяковскую галерею!

— Точно! Вот туда и поедem! Ты когда там была в последний раз?

— Не помню.

— Вот-вот! Поехали, прикоснемся к настоящему искусству!

По дороге Никита говорил один, Алиса время от времени вставляла односложные реплики. Никита оказался неутомимым рассказчиком. Алису поразило, как легко он менял темы — так много он знал. То среди разговора он начинал излагать взгляды на перспективы развития евро, то на проблему создания искусственного мозга, то, скорчив смешную мину, передразнивал кого-то из своих коллег, то шепеляво сыпал заумными словами, и мгновенно возникал образ популярного телеведущего. И все это не отрываясь от руля автомобиля, который он виртуозно вел в густом воскресном потоке машин. Никита был лихачом.

В Третьяковской галерее они почти не разговаривали. Алиса вглядывалась в полотна, словно расшифровывая скрытые в них послания. С каждым залом на душе Алисы становилось все легче. Когда же они остановились напротив «Демона» Врубеля, Никита впервые заговорил:

— «Демон» Врубеля — почти мистическая вещь. Она занимала художника всю жизнь, практически стоила ему жизни. Слышала об этом?

— Нет. — Алиса покачала головой, удивляясь неистовой страсти, звеневшей в голосе Никиты.

— Поводом для создания картины послужила опера Рубинштейна, поставленная в Киеве. Врубель начинает создавать своего демона — страдающего и скорбного духа. Потом он оставляет эту работу, знакомится с женщиной, работает над фресками в соборе. Демон трактуется художником уже как князь тьмы. Четыре года он был одержим своим демоном. Накопились холсты, с которыми художник переезжал из города в город, из квартиры в квартиру. Врубель сроднился с демоном, и он стал его духовным двойником. Когда Савва Мамонтов приютил художника и тот вновь принялся за демона, то появилось то, что ты видишь сейчас: юноша с подернутыми тоской глазами, лирический образ. Но даже после этого Врубель не бросил работу над картиной. — Никита посмотрел на Алису сверкающими глазами. Затаив дыхание, Алиса следила за ним, удивляясь внезапному перевоплощению такого привычно спокойного мужчины. Оказывается, она его плохо знала. Сейчас Никита — это страждущий, тоскующий художник, и от этого у нее по спине побежали мурашки, потому что она чувствует, что у этой истории страшный конец.

— Врубель создает демона летящего, демона сидящего... И на десять лет бросает эту работу. Он женится, у него растет сын, художник по-настоящему счастлив. Смерть ребенка, напряженное душевное состояние вновь вызывают из небытия облик демона. Демон уже видится художнику поверженным — лежащим на скале или в горной пропасти. Художник заболевает психически — страдает от галлюцинаций, словно силы тьмы не могут простить ему, что он изобразил их предводителя поверженным. И слепнет он после явления к нему в видении некоего серафима, острым ножом выколовшего ему глаза.

Алиса удивленно всматривалась в лицо Никиты: как он артистичен, как много знает!

Никита, казалось, все еще витал в облаках своей фантазии, таким отсутствующим был его вид. Спускаясь в гардероб, Алиса удивленно протянула:

— Я даже не предполагала, что у тебя такая увлекающаяся натура!

— Есть немного, — согласился Никита. — Одно время я много занимался волейболом, потом остыл. Затем буквально влюбился в живопись — измарал, наверное, тонну бумаги. Хорошо, что много читал, экономил, но покупал альбомы по искусству, разыскивал мемуары, биографии художников. Мне все-таки ближе наши, передвижники. А тебе?

— Я не могу быть достойным собеседником в разговоре о живописи, но Серов, Шишкин, Крамской, Айвазовский мне близки.

— Ага! Так вот, от них я потянулся к «могучей кучке» и стал завсегдаем консерватории — Мусоргский, Чайковский, Бородин, Рубинштейн... Тебе интересно?

— Да. А что происходит, когда твое увлечение остывает?

— Увлечение остывает, но память остается навсегда. — Он галантно открыл Алисе дверь машины.

Уже в автомобиле, вспоминая «Демона», Алиса произнесла:

— Все-таки страшно быть гением, это бремя, которое могут нести далеко не все.

— Страшно не это. Страшно отдаться одной-единственной идее и заболеть ею буквально на всю жизнь. Страшно не суметь вовремя остановиться. Я увлекающийся человек. Но есть вещи, которым нужно и можно быть преданным, а есть такие, поклонение которым похоже на фанатизм.

— Короче, не сотвори себе кумира. Ты к этому клонишь?

— Ты заболела своей газетой и ничего не замечаешь вокруг.

— Почему же? — обиделась Алиса.

Никита включил зажигание:

— Тебе так кажется. Вернее, все вещи в мире ты теперь воспринимаешь сквозь призму своего дела, и люди, находящиеся рядом, мало волнуют тебя.

— Ты не прав! — воскликнула Алиса, но ощущение близкого предательства вновь вернулось к ней.

— Прав, — криво усмехнулся Никита. — Алиса, дорогая, ты даже не представляешь, насколько я близок к истине!

Он помолчал, дожидаясь от Алисы ответа. Но она ничего не сказала, с отсутствующим видом глядя в окно. Никита досадливо кивнул и вдавил педаль газа в пол:

— Поехали, а то мама с пирожками уже заждалась!

Машина рванула с места, Алиса вцепилась в ремень безопасности:

— Так пирожки могут и не дожждаться.

Блеснув белозубой улыбкой, Никита стал припоминать шоферские байки. Он так уморительно копировал знакомых ему людей, так артистично передавал их речь, что Алиса не могла удержаться от смеха.

— Теперь я понимаю, почему нам стали звонить тинейджеры, — отдышавшись от очередной шутки, призналась Алиса. — Ты превратил рубрику «Детская комната» в колонку приколов для подростков. Я, честное слово, ничего не могла с собой поделаться, когда читала твою заметку: хохотала как безумная. Теперь я верю, что ты был капитаном команды КВН.

— Могла бы сразу догадаться, — притворно вздохнул Никита.

Тучи сгущаются

— Звонил Павел Игнатьевич, просил подготовить отчет за полгода, — безразлично сообщила Мила потрясающую новость. Алиса вцепилась рукой в край стола:

— Почему так рано? Ведь договорились же летом!

— Не знаю, — Мила пожала плечами, — может, планы у них самих поменялись? Там ведь ничего не поймешь...

— Понятно одно: коммерческий директор поддерживающей нас структуры чем-то недоволен, — качая головой, проговорила Алиса. — Хозяин вызывает меня на ковер.

— Вам принести кофе? — заботливо осведомилась Мила.

— Да, дорогая, если можно. Спасибо. — Алиса села за свой стол и сцепила руки. «Итак, они недовольны. Я догадываюсь, в чем дело. Нет рекламы, нет денег, нет окупаемости, хотя бы вполовину».

— Когда вы будете писать отчет? — Мила с осторожностью поставила чашку на стол Алисы.

— Сейчас. Помогите мне собрать данные по рекламе, отклики читателей, спонсорские договоры.

Работа пошла быстро. Отчет получался внушительный, аргументированный, но в душе Алисы вновь появилось чувство тревоги, то самое, которое не давало ей покоя во время последнего чаепития в редакции.

«В чем дело? — в который раз спрашивала себя Алиса, оглядывая кабинет. Мила прилежно щелкала клавишами компьютера, не глядя на шеф-редактора. — Тоже, наверное, переживает», — с симпатией подумала Алиса о помощнице и с оптимизмом сообщила:

— Спасибо тебе за подсказку. Я решила писать книгу о журналистах. Уже накопились кое-какие заметки, на пару глав хватит.

— Правда? — улыбнулась Мила. — Я рада.

До конца дня они безвылазно просидели над документами, пока в глазах не зарябило.

— Давай-ка пока никому ничего не рассказывать, — попросила Алиса помощницу, — не будем зря волновать ребят.

— Хорошо, — кивнула Мила. — Я никому ничего не скажу.

— Ты сейчас куда? В метро?

— Нет, — Мила отвела глаза в сторону, — меня должны встретить на машине.

— Ого! Ну ладно, жди свою машину, а я побежала. Хочу еще дома продумать свое выступление. Не переживай, Мила, выкарабкаемся!

На следующий день Алиса, одетая в деловой синий костюм, со строгой прической, сидела в приемной коммерческого директора, дожидаясь вызова. Секретарша бесстрастно стучала клавишами компьютера, отвечала по телефону и ни разу не обратила свой взор в сторону Алисы. Когда терпение у журналистки окончательно истощилось, дверь распахнулась, и Алису пригласили войти.

За столом сидели коммерческий директор и незнакомый Алисе жизнерадостный коротышка, которого ей никто не представил.

— Мы недовольны, — обрушил на шеф-редактора гнев хозяин газеты, — мы совсем недовольны! Где реклама? Где деньги? Вы что, всерьез решили, что мы будем вас содержать? Бесплатный сыр сами знаете где бывает. Пора зарабатывать деньги, мадам

Раевская!

— Мы делаем все возможное, — попыталась объяснить Алиса.

— Возможное?! — От нее отмахнулись, как от надоедливой мухи. — Вы слишком щепетильны. Кому это надо? Послушайте меня: идет в руки реклама секс-шопов, ремонтных мастерских, сварочных аппаратов, станций очищения кишок — все надо брать!

— Но это противоречит тематике газеты! — Алисе едва удалось вставить слово.

— А это, дорогая, нам решать, — отрезал коротышка. — Вы совсем не занимаетесь газетой. Пишете книгу, работаете на чужое издание, а свое дело завалили... Короче, если через две недели мы не увидим новой концепции, можете распрощаться с газетой.

Алиса вышла из кабинета с красными щеками, словно ей надавали пощечин. Пока она ехала в редакцию, она думала о том, что этот новый год для нее несчастливый, что она сделала в прошлом году что-то не так, допустила ошибку или кого-то обидела. Все, что раньше представлялось ей таким ясным и четким, теперь стало терять свои очертания и стало расплывчатым.

В редакции Алиса прошла по комнатам, с тоской думая о том, что угроза коммерческого директора — не пустые слова. А что она станет делать без своего дела? Как обычно бывает в стрессовых ситуациях, Алиса четко разложила сложившуюся ситуацию по частям, параллельно наводя порядок в рабочем столе и папках. Желание что-то разбирать, очищать и выбрасывать ненужное всегда овладевало ею, когда мысли разбегались, превращались в кашу и их необходимо было выстроить в нужном порядке, осмыслить происходящее и принять решение.

— Как прошло у Павла Игнатьевича? — Мила с участием наблюдала за манипуляциями шеф-редактора.

— Плохо, — отрывисто отозвалась Алиса.

Мила поправила бумаги на своем столе, всегда лежащие в образцовом порядке, и спросила привычно:

— Принести кофе?

— Давай, — согласилась Алиса. — Что это? — Она внезапно оторвалась от бумаг, когда Мила ставила чашку на стол.

— Что?

— Запах... Духи...

— Это мои новые духи.

— Ты купила те же духи, что и у меня? — удивилась Алиса. — Странно.

— Они мне нравятся, вот и купила, — с вызовом ответила Мила, отходя к своему столу.

— Да, но в прошлом месяце была такая же тушь, в позапрошлом — кофе той же марки, что и мой любимый...

— Вы нервничаете, вот вам и кажется, что все как в кривом зеркале, — миролюбиво пояснила Мила и, помолчав, обратилась просительным тоном: — Можно мне уйти пораньше, к зубному надо?

Алиса внимательно посмотрела вслед Миле, словно хотела лучше разглядеть ее — томные глубокие глаза, черные волосы, подстриженные в аккуратное каре, очень бледная кожа, узкие губы, которые она подкрашивает яркой помадой. Всегда непроницаемое выражение лица, словно маска. Фигура пропорциональная, хотя немного тяжелая. Что еще? Руки короткопалые, поэтому Мила постоянно холит длинные острые ногти, чтобы пальцы казались длиннее. Резковата, на замечание может ответить дерзостью... Алиса вздохнула —

на то она и руководитель, чтобы уметь уживаться с разными людьми и заставлять их работать. А потом вспомнила слова Никиты. Быть может, она действительно плохой руководитель и дает из себя вить веревки? Но ведь она старается все сделать по справедливости: если едет на интересную конференцию или семинар, всегда берет Милу с собой, если сотрудникам необходимо куда-то отлучиться, всегда отпускает. Что-то она совсем отвлеклась от главного. Есть еще что-то, что не дает ей покоя. Какая-то фраза, брошенная коротышкой оптимистом, которая больно уколола ее, а потом забылась.

Алиса оделась и поехала домой, решив не мучить себя пустыми мыслями. Занимаясь привычными домашними делами, она вдруг со страхом подумала о том, что с отъездом мамы она оказалась почти что сиротой и ей некуда прийти и поплакаться, если жизнь уж слишком крепко ударяет по голове. Единственное место, где можно отогреться душой, — квартира в доме напротив. Иногда Алиса спрашивала себя — а что, если бы она не решилась прийти в новогоднюю ночь к Богатыревым? Что бы изменилось? Она наверняка бы помирилась с Драгомировыми, они бы вместе справили Рождество, и дальше жизнь пошла своим чередом.

— Алиса, на вас лица нет, что случилось? Вы больны? — озабоченно спросила Ксения Александровна, пропуская Алису в прихожую.

— Небольшие неприятности на работе, только и всего. Никита, привет!

— И что за неприятности? — Никита пристально взглянул на Алису.

— Сегодня меня вызывал к себе наш хозяин. Странно, но пока я работала с авторами и дизайнерами, носилась по торговым точкам, я совершенно упустила из виду, что у нас есть хозяин. То есть я, конечно, помнила, что мы должны выйти на окупаемость, серьезные бизнесмены денег просто так на ветер бросать не станут. Но как добывать деньги, пока газета такая молодая?

Алиса вскочила с дивана и принялась расхаживать по комнате.

— Любую рекламу мы размещать не можем. Газета у нас семейная! А они о рекламе игорных домов толкуют!

— Сейчас будет ужин, — заглянула в комнату Ксения Александровна.

— Сомневаюсь, что в состоянии что-то проглотить, — пробормотала Алиса.

— Да расскажи все по порядку! — крикнул Никита. — И сядь, не мельтеши! Тебя что, вызывали с отчетом?

— Да, но оказалось, что он им совсем не нужен. — Алиса задохнулась от новой догадки. — Они уже все знали! И про книгу, и про «Дело для всех»!

— От кого?

— От кого-то в редакции.

— Кто-то преподнес им твои новости, но с дурной стороны, так?

— Да. — Алиса расстроено взглянула на Никиту.

— И что теперь?

— Хозяин долго бушевал, что его денежки зря разбазариваются, что я непозволительно роскошно живу, плачу высокие гонорары и не думаю о рекламе.

Они замолчали, помогая Ксении Александровне накрыть на стол.

— И что будет дальше? — не вытерпел Никита, отщипнув кусочек хлеба.

— Мне дали время, чтобы я успела поправить дела. Но почему-то мне кажется, что у них все уже решено.

— Как это? — в один голос спросили мать и сын.

— Я думаю, у них кто-то есть на примете. Кто-то свой.

— Алиса, давай не будем об этом думать. Если они, как ты говоришь, что-то уже решили, то нам остается одно — ждать.

— Никита, но ведь мне по-настоящему больно! Больно от того, что меня не оценили, что против меня плетут интриги, в то время как я старалась сделать как лучше. Я работала на газету не ради собственного тщеславия, не ради необъятных и не сдерживаемых никакой цензурой газетных полос, мол, пишу что хочу! Я писала для людей, это раз.

— А два? — Никита искоса взглянул на нее.

— А во-вторых, я очень хотела, чтобы люди, работающие со мной, были довольны.

— Алиса, дорогая, — голос Никиты стал низким и чуть хрипловатым, — ты — редкий человек. Ты — ангел-хранитель для многих людей, просто они этого не замечают. Они пользуются твоей энергией, без стука вваливаются в твою душу, а ты не можешь сказать «нет». Нельзя так открываться людям. Мне даже страшно за тебя.

— Никита, не пугай Алису! — Мать строго посмотрела на сына.

— Да нет, я не то хотел сказать. Ты выглядишь сильной, сдержанной, контролирующей все и вся. А в душе...

— Не надо, — Алиса отложила вилку, — не лезь в мою душу.

— Я не поэтому! — испугался Никита и беспомощно взглянул на мать.

— И потому тоже не надо. Извините, Ксения Александровна, я сыта. — Алиса встала и отошла к окну.

Несколько секунд Никита смотрел на нее, с непонятной жалостью отмечая ее ровную спину, горделивую посадку головы, словно она бросала вызов его только что произнесенным словам. Возникла неловкая пауза.

Ксения Александровна выразительно постучала пальцем по виску и вышла из комнаты.

— Алиса, — произнес покаянно Никита, подходя к ней, — прости меня, я глупость брякнул.

— Нет, — она покачала головой, — самое печальное, что ты прав. И еще — я догадываюсь, кто заварил всю эту кашу.

Она обернулась к нему и подняла потемневшие от горя глаза. Казалось, что сердце разрывается у нее в груди. Никита раскрыл объятия, и Алиса шагнула в них, надеясь найти там облегчение своей боли.

— Не волнуйся, я с тобой, а вместе мы обязательно что-нибудь придумаем, — шепнул Никита, легко гладя ее по голове.

Алиса отстранилась от него и, с силой проведя рукой по глазам, покачала головой:

— Нет, это мое дело. Зачем тебе в него впутываться?

— Потому что я хочу помочь. И потому что я полюбил тебя.

— Никита! — воскликнула Алиса. — Но...

— Не говори сейчас ничего. Если хочешь, забудь эти слова. Только позволь мне помочь тебе. Один в поле не воин. Давай сядем, — он повлек Алису за руку к дивану, — сядем и спокойно все обсудим, что нужно сделать.

В этот момент Алисе не хотелось уже ничего обсуждать и ни о чем думать. Вихрь мыслей закружился у нее в голове: Никита сказал, что любит ее, а она? Любит ли она его? Ей тоже надо что-то сказать, но слова словно примерзли к языку. Как расслабляюще действуют на нее эти кремовые шторы! Отлично отполированная мебель орехового дерева стала расти в размерах. Что это? Елку давно выбросили, а она как будто слышит звон

елочных шаров. Веки Алисы отяжелели, а голова опустилась на плечо Никиты.

— Что с ней? — испугалась Ксения Александровна, входя в комнату.

— Тихо! Она уснула.

— Слишком переживает она за свою газету, бедная девочка. Сейчас я принесу плед, пусть поспит.

— Девочка моя любимая, — прошептал Никита, осторожно устраивая Алису на диване и укрывая пледом, — самая любимая.

— Опять звонил Павел Игнатьевич, — озабоченно хмуря брови, сообщила в понедельник Мила.

— Да? — насторожилась Алиса. — Зачем, не сказал?

— Нет, — помедлив, отозвалась Мила, внимательно рассматривая свежевыкрашенные лаком экзотического цвета ногти.

— Что-то просил приготовить?

— Вроде нет, — Мила оторвалась от созерцания своих ногтей, — он придет к трем.

— Хорошо. — Алиса со смешанным чувством страха и злости принялась за чтение статей, подготовленных авторами к следующему выпуску.

Она машинально отмечала красным ненужные места, правила, переставляла абзацы местами, а сама думала только об одном — еще не прошло недели с памятно неприятного разговора с коммерческим директором и коротышкой (кто же все-таки это был?), как Павел Игнатьевич собрался в редакцию. Явно, что он едет не за тем, чтобы выслушать идеи Алисы относительно привлечения рекламы. Тогда зачем? Алиса испытывала огромное желание позвонить Никите на службу и пожаловаться на очередные неприятности. Но присутствие Милы сдерживало этот порыв — стыдно показывать свою слабость перед подчиненными.

Только в обед, когда Мила отпросилась на полчаса, Алиса набрала нужный номер и попросила Никиту к телефону.

— Алиса? — Его голос звучал радостно и удивленно. — Ты мне звонишь, как это здорово!

— Никита, — облизав пересохшие губы, просипела Алиса и закашлялась, — у меня опять ЧП. Приезжает коммерческий директор с инспекцией. Я очень боюсь... — Она опять закашлялась.

— Что? Не слышно ничего! Алиса, что ты сказала? — закричал в трубку встревоженный Никита.

Невидимая рука сжала спазмом горло Алиса, слезы выступили на ее глазах, и она не могла больше произнести ни слова. Она положила трубку на рычаг и побежала в соседнюю комнату. Только большой глоток остывшего кофе вернул ей способность говорить.

— Так-так, шеф-редактор на месте, у кофеварки, — раздался голос Павла Игнатьевича. В распахнутом дорогом кашемировом пальто он стоял на пороге комнаты и наблюдал за Алисой.

— Я только что вышла. — Алиса услышала как будто со стороны не свой, извиняющийся голос.

— Понятно. Ну, как тут обстоят дела?

— Сюда, пожалуйста. — За спиной Павла Игнатьевича стояла Мила Короткевич и наманикюренным пальчиком манила коммерческого директора в кабинет.

«Вовремя появилась, — с облегчением подумала Алиса, — а то пришлось бы еще за нее истории выдумывать...»

— Показывайте мне вашу богадельню. — Коммерческий директор по-хозяйски пошел по коридору. — Кто чем занимается и с каким результатом?

Алиса провела его по комнатам редакции, знакомя с сотрудниками, их приветствия Павел Игнатьевич оставлял без ответа.

— Я слышал, у вас тут тусовки случаются, — усевшись на место Алисы, весело заметил коммерческий директор, — попойки разные.

— Что?! — Алиса схватилась рукой за горло. — Кто вам такое наплел?

— Она. — Павел Игнатьевич, прищурившись, ткнул пальцем в Милу, до сих пор тихо сидевшую за своим столом. — Но вы все-таки выбирайте выражения!

— Вот как... — Алиса опустила на стул, стоявший посреди кабинета. — Я почему-то так и думала...

— И мы все пришли к выводу, что управлять газетой вы пока не можете. — Павел Игнатьевич пролистал стопку правленных Алисой страниц. — Не дозрели, не доросли. Может, вы неплохой журналист, но хватки руководителя у вас еще нет. Мы предлагаем оставить место шеф-редактора на время вакантным. Всех сотрудников предлагаем уволить. Вы набираете по согласованию с нами новых сотрудников, мы обсуждаем каждого кандидата... Из прежнего состава оставляем вас и ее. — Он снова ткнул пальцем в сторону Милы.

— В качестве кого? — спокойно поинтересовалась Алиса.

— Короткевич будет возглавлять процесс, голова на плечах у нее, кажется, есть... Вы будете литературным редактором. — Он снова помахал пачкой правленных Алисой статей и небрежно бросил их на стол.

— Нет, — Алиса поднялась со стула, — я не согласна.

— Да?! — комично удивился Павел Игнатьевич. — Не согласны? С чем?

— Я прошу вас не увольнять сотрудников. Понимаете, это уже сложившийся коллектив. Набирать новых, объяснять им концепцию газеты, обучать обойдется в конечном итоге дороже, чем поставить новые задачи перед старыми сотрудниками.

— Хм... — Павел Игнатьевич прищурился. — Звучит убедительно. — Он выразительно посмотрел в сторону Милы.

— И еще, — Алиса стиснула руки, — я хотела бы знать, как будет выглядеть концепция газеты будущего?

— А об этом всем сообщит новый руководитель, координатор проекта, так сказать, Людмила Короткевич. Соберите-ка всех сюда.

Алиса медленно вышла из кабинета. То, что она сейчас услышала, было невероятно, непостижимо. Как же она сама не догадалась? Нет, она чувствовала, что это Мила, но предпочитала обманывать себя.

— Что с вами? — участливо спросила корректор, выглядывая из своей комнаты.

— Анна Леонидовна, соберите, пожалуйста, всех ко мне в кабинет. Срочно.

«Надо что-то придумать. Мила, конечно, ловка, но не потянет. Жалко газету! — думала Алиса, возвращаясь в свой кабинет. Она села на свое место. Павел Игнатьевич стоял у стола Милы, что-то листал, хмыкая и водя пальцем по строкам. — Каково было ей играть свою роль! — без всякой неприязни размышляла Алиса. — Тайно собирать сведения, передавать их, рыться в компьютерных файлах. В лучших традициях шпионского романа. Чего же ей не хватало? Творчества, романтики? Заела рутинка? Но почему она так?»

— Прошу минуту внимания. — Павел Игнатьевич обвел собравшихся сотрудников строгим взглядом. — В редакции произойдут некоторые изменения.

Пока он объявлял о нововведениях, Алиса с каменным выражением лица рассматривала Милу. «И зачем я ее жалею? — со злостью удивилась она сама себе. — Она же лишила меня смысла жизни. Интересно, что она сейчас испытывает? Вон какая розовая. Гордится, что

обскакала меня. Ретивая лошадка. Но не потянет, нет, не потянет».

— Раевская, — голос коммерческого директора прогрохотал прямо у нее над головой, — скажите теперь вы.

— Что? — Алиса с недоумением посмотрела на Павла Игнатьевича.

— Что вы думаете теперь делать в связи с новым планом развития газеты?

Волна злости вдруг подхватила Алису и подняла вверх, кулаки сжались, и она вскочила со стула. Она знала это состояние. Обычно оно приходило к ней на соревнованиях, и Алиса любила его. Это была спортивная злость, азарт, которые помогали ей в спорте. Сегодня это чувство было непродуктивным, но от этого не менее насыщенным.

— Мне нечего сказать, — отдельно произнесла она. — Я ухожу из газеты.

Секунду в кабинете стояла тишина, которую первым нарушил коммерческий директор. Он издал странный булькающий звук, и все повернулись в его сторону. Павел Игнатьевич смеялся, низко наклонившись над листами бумаги, которые держал в руках.

— Как вам угодно, — отсмеявшись, заявил он. — Но счет не в вашу пользу, Раевская, один — ноль.

— Я с вами не играю, — холодно заметила Алиса, — я серьезно.

И через секунду она поняла, что окончательно отрезала себе пути отступления. Ее газеты больше не существовало.

Наконец Павел Игнатьевич уехал. Алиса, стараясь не смотреть в сторону Милы, собрала в сумку свои вещи, памятные мелочи, прошла в последний раз по комнатам редакции. Взволнованные и сбитые с толку сотрудники от души сокрушались по поводу решения Алисы, строили различные предположения о своем будущем и газеты, вновь сочувствовали Алисе и с опаской говорили о Миле. Когда церемония прощания была завершена и она покинула неказистое здание НИИ, оказалось, что ее силы совершенно иссякли и она с трудом могла передвигаться по смерзшимся со вчерашнего дня буграм снега на дороге. Алиса решила поймать такси, к счастью, машина остановилась почти что сразу. В голове кружился нестройный хор голосов, лиц, буквы сливались в пятна. Лоб горел, и Алиса опасалась, не заразилась ли она гриппом, лютовавшим в конце зимы в Москве. Первая приятная неожиданность за день — у подъезда ее ждал Никита! Задохнувшись, молча Алиса бросилась к нему в объятия.

— Что случилось? — Никита легко потряс ее за плечи. — Я звонил тебе в газету, но никто не снимал трубку.

— Плохо, все очень плохо! — сквозь зубы пробормотала Алиса. — Никита, я была права!

— Пойдем к нам, все обсудим!

— Нет. — Алиса дрожащими пальцами набрала код домофона. — Я не могу к вам. Пойдем посидим у меня.

Никита испугался — нахмуренная Алиса, крепко сжавшая кулаки, со злым, сухим блеском в глазах совсем была непохожа на себя. В лифте он уже не знал что подумать — в глазах Алисы стояли слезы. Когда они вошли в квартиру, Алиса, сняв дубленку и промокнув слезы носовым платком, наконец смогла объяснить перепуганному Никите причину.

— Господи, — с облегчением выдохнул он, вешая куртку рядом с дубленкой Алисы, — это скверно, но не смертельно.

— Проходи, — пригласила его в комнату Алиса, — я сейчас заварю чай.

Никита с любопытством огляделся. Небольшая уютная прихожая, из нее двери ведут в две комнаты. Одна дверь, вероятно, в спальню, была закрыта, и — Никита вошел в гостиную. Впервые он был в той самой комнате, которую видел из своего окна. В темноте Никита осторожно прошел к окну, отодвинул занавески. А вот там, значит, его окна. Они закрыты шторами, а жаль. Интересно, как его квартира выглядит со стороны? Алиса что-то слишком долго возится на кухне. Никита нашарил рукой колпак настольной лампы, и кружок света осветил стоящий у окна огромный «директорский» письменный стол, на нем компьютер, принтер. Стол завален бумагами, дискетами, выпусками газет, словарями и справочниками. Никита сел в рабочее кресло на колесиках — вот откуда Алиса смотрит в их окна.

— Изучаешь обстановку? — почти весело спросила Алиса, внося в комнату поднос. Она выглядела спокойно и беззаботно, только покрасневшие глаза выдавали недавние слезы. Никита вскочил.

— Очень интересно, — признался Никита, помогая ей поставить поднос на журнальный столик. — Значит, здесь находится твой наблюдательный пункт?

— Садись, будем чай пить. — Алиса взяла пульт, и из динамиков, расположенных в разных концах комнаты, полилась легкая музыка.

— Французский шансон, — констатировала Алиса, наливая Никите в чашку чай, — тебе нравится?

— Неплохо, — согласился он, внимательно оглядывая комнату.

На первый взгляд обстановка гостиной выглядела стандартно. Даже пресно-стандартно. Полированная, когда-то очень дорогая и дефицитная стенка, купленная еще в те годы за чеки в «Березке». Много книг. Очень много черно-белых фотографий в красивых рамках. «Скучает Алиса по родителям», — догадался Никита. Мягкая мебель и журнальный столик, явно того же «березового» происхождения. Два торшера с галогенными лампами в противоположных углах комнаты смотрятся как чужаки из новейшего времени. Никита вздохнул и сделал глоток. Мебель приобретена еще родителями Алисы, это понятно. Но есть в этой комнате что-то, что открывается только со второго, более заинтересованного взгляда. От стены до стены на полу лежит чудесный, в четыре краски, пушистый персидский ковер. На стене висит оригинальный шелковый коврик ручной работы. За стеклами стенки поблескивает настоящая серебряная посуда, сразу видно, что не базарный ширпотреб. Блюда и вазы, украшенные настоящей бирюзой и инкрустацией, со вкусом расставлены на нижней полке.

— Это из Тегерана, — пояснила Алиса, проследив за взглядом Никиты.

— Мне нравится, — признался Никита, — особенно ковер, у него такие яркие краски.

— Это сарух. Папа привез его из своей последней командировки.

— А ты сама была в Тегеране? — поинтересовался Никита.

— Один раз в детстве. Но я так точно и ярко помню все детали. Помню тегеранский базар — мейдан, — звенящий от криков торговцев. В харчевнях жарят кебабы, чилоу, в самоваре, похожем на наш, готовится чай, черный, крепкий. А какие вкусные пахлава, рахат-лукум!

— Как ты хорошо все помнишь!

— Вероятно, поездка пришлась на тот возраст, когда впечатления навсегда откладываются в памяти. Помню, что иранцы очень суеверные люди. У них масса амулетов, кукол...

— Кукол?

— Ну да. Например, в поездку они берут с собой Люлю-Хорхори, сказочное чудовище, предохраняющее от катастроф. Люлю-Хорхори — что-то типа святого Христофора, который защищает в пути европейцев. — Голос Алисы был тверд и спокоен, казалось, что это не она плакала в лифте. — Вот, например, отправляться в дорогу считается лучше в среду, поэтому по средам никто не ходит в гости. Если на улице возле тебя чихнет прохожий — к неудаче. Если чешется рука, то к деньгам, но чесать ее надо о подбородок. Если туфли иранца при снятии становятся пятками одна к другой, это значит, что об их хозяине где-то сплетничают... И так далее. Я очень явственно помню эти рассказы, у меня много книг о Персии. Вот, смотри. — Она поставила на стол плоское блюдо, искусно инкрустированное и покрытое вязью букв. — На нем выписаны самые красивые эпитеты, которыми в Персии называют женщин: Мелекее — царица, Нуйр уль Мулюк — освещающая царство, Гюль — роза и много разных других, я все уже не вспомню. Любопытно, что лепестки роз или головки цветов, положенные в воду в этой чаше, очень долго не вянут, а вода не зацветает. Кроме того, вода оптически увеличивает буквы и они красиво просвечивают сквозь цветы. Видимо, мастер был влюблен, когда делал это блюдо. Папа подарил его маме на годовщину свадьбы.

Алиса сбросила тапки и уютно устроилась на диване.

— Мое детство было счастливым, меня любили родители, хотя очень редко были рядом со мной. Но я всегда ощущала их заботу и любовь. Мама пропадала на работе, но я чувствовала, что она все равно рядом. Она ходила на все мои соревнования и показательные выступления. А когда мы решили, что большой спорт не для меня, она нашла мне самых лучших преподавателей, чтобы я смогла поступить в МГУ. Мы часто звоним друг другу, пишем письма. Она так радовалась, когда узнала, что у меня появилась своя газета, и я пообещала не разочаровывать ее... — Она подняла руку: — Видишь? Суеверия все равно остаются суевериями. Не спас меня этот амулет. Это серебряное кольцо с бирюзой, на котором вырезано «омид» — надежда. А мои надежды рухнули.

— Так что же случилось? — отважился поинтересоваться Никита, беря протянутую руку Алисы в свои ладони.

— Я ушла из редакции.

— Как?! — воскликнул он.

Монотонно, словно по принуждению, Алиса сообщила о событиях сегодняшнего дня, о разговоре с Павлом Игнатьевичем, о Миле и, наконец, о своем решении.

— Ну, ты даешь, — выдохнул Никита, в волнении отпуская руку Алисы и вставая с дивана.

Он прошелся из одного угла комнаты в другой.

— Ты жалеешь об этом?

— Если честно, то очень.

— Ничего, — Никита сел рядом с Алисой, — ты ведь начала писать книгу.

— Да.

— Вот и займись ею. Я тебе помогу, если хочешь. Буду первым читателем и беспристрастным судьей.

— Знаешь, почему люди приходят в журналистику? — внезапно спросила Алиса, сбросив ноги с дивана и подаваясь вперед всем корпусом.

— Почему?

— Для некоторых это способ узнать мир и себя в этом мире, для кого-то риск, многими просто движет любопытство. Я люблю писать, сочинять истории, героев. Когда я брала интервью для газеты «Дело для всех», я уже заранее знала, какой будет статья. И, как правило, режиссировала интервью так, как оно мне представлялось заранее. Сочинять, писать — это мне больше всего по душе. Так, по-моему, работает скульптор: мнешь-мнешь влажную глину, и вот уже появляется рука или голова. Или вдруг проснешься среди ночи, вскакиваешь с постели как сумасшедшая. И все ради того, чтобы записать одну удачную фразу. — Она виновато посмотрела на Никиту: — Я тебе, наверное, наскучила?

— Ну что ты! — воскликнул он.

Она искоса взглянула на него и, закусив губу, отвернулась.

— Алиса, — позвал он, — ты помнишь, что я тебе вчера сказал?

— Да, — тихо ответила она. — Я думала, что это был сон.

Тогда он обнял ее за плечи. Алиса опустила голову и закрыла глаза. Спокойная, тихая гавань, об этом она мечтала. Он погладил ее по волосам и серьезно произнес:

— Ничего не бойся, Алиса, я с тобой.

Алиса повернулась, чтобы увидеть его лицо. Прикосновение его губ было нежным и нетребовательным. Она отодвинулась от Никиты и с сожалением покачала головой:

— Я сейчас ни о чем не могу думать. У меня словно сердце разрывается.

— Но ты внешне так спокойна! — воскликнул огорченный Никита.

— Это маска. В спорте нас учили умению проигрывать.

— Ну что же, — Никита медленно поднялся с дивана, — не буду тебя мучить. И ты, пожалуйста, — он заглянул ей в глаза, — не мучай сама себя напрасными терзаниями. Прошедшего не воротишь. Давай с завтрашнего дня займемся книгой. Я приду вечером, хорошо?

Алиса согласно кивнула.

— Прими горячий душ и ложись спать, — заботливо посоветовал Никита, — а я пойду домой.

— Передай привет Ксении Александровне.

На пороге Никита остановился и притянул Алису к себе. Теперь поцелуй был долгим. Когда их губы разъединились, оба задыхались.

— Моя, ме... — как ты там называла? — ме... мелекее, — смешливо заблеял Никита, и Алиса прыснула. — До завтра!

Спала Алиса беспокойно — ночью во сне она видела Павла Игнатьевича, довольного, улыбающегося, говорящего ироничные, едкие слова. Слова отлетали от его губ словно воздушные шарики и качались над головой Алисы. Они были разноцветные, плотные и пахли резиной. Вот коммерческий директор сощурил глаза и что-то сказал. Это слово получилось корявым и плохо пахнущим. Алиса пыталась его отогнать, но оно упорно продолжало раскачиваться над ней, как боксерская груша.

Предложение

Через неделю первые две главы книги были закончены. Вечером, когда Алиса с Никитой спорили над очередным пассажем, Ксения Александровна, сославшись на головную боль, ушла спать пораньше. Передавая Алисе кружевную фарфоровую сухарницу, буднично и просто Никита заявил:

— Алиса, выходи за меня замуж.

— Что? — Алиса едва удержала сухарницу в руках.

Он спокойно посмотрел на нее, сделал глоток чаю и повторил:

— Я полюбил тебя, Алиса, с первого взгляда, с той минуты, когда ты пришла к нам в новогоднюю ночь...

Алиса поняла, что Никита не шутит, и, чтобы выиграть время, оглядела стол, словно видела его в первый раз. Все стояло на своих местах — заварочный чайник под пухлой бабой, наряженной в русский сарафан, сшитой самой Ксенией Александровной; вазочка и розетки для варенья из цветного стекла — изделие мастеров начала двадцатого века, витые серебряные ложечки... Все было ей настолько привычным, что казалось, что она выросла в этом доме. Внезапная мысль пронзила ее, как боль: если она ответит на чувство Никиты, она сможет остаться здесь, в этом доме, в этой стране чудес и станет ее хозяйкой! Немного оглушенная этим открытием, Алиса глубоко вздохнула. Никита сидел в прежней позе, крепко сжав ладонями хрупкий фарфор чашечки.

— Никита, — внезапно севшим голосом произнесла Алиса, — если ты серьезно, то... — Она откашлялась. — Я тоже, с той самой секунды, когда пришла к вам...

В одну секунду Никита оказался рядом с ней и опустился на колени. Он взял ее руки в свои и, поцеловав, приложил ее ладони к своим пылающим щекам. Его глаза, устремленные на Алису, светились красноватым огнем, словно угли в костре.

— Алиса, любимая моя! Ты даже не представляешь, как ты мне нужна! Все эти годы я ждал только тебя, именно тебя, — бессвязно шептал он, вновь целуя ее руки...

Сладкая истома разливалась в груди Алисы. Она встала, притянула к себе Никиту, обвила его шею руками и нежным легким поцелуем прижалась к его губам. Он крепче прижал ее к себе, словно желая удостовериться, что в ладонях у него не хрупкий фарфор, а реальная, теплая женщина, и быстро-быстро зашептал:

— Хорошая моя, ты самая лучшая, Алиса, любимая!

Его ласковые прикосновения, нежные, словно тающие поцелуи действовали на Алису гораздо сильнее страстей мексиканских сериалов. Никита окончательно покорила Алису, и она отдалась его ласковым рукам спокойно и расслабленно, словно течению теплой, убаюкивающей реки.

— Знаешь, — спустя час зашептал Никита, — сегодня у меня самая замечательная ночь. Произошло чудо!

— Почему? — Алиса прижала голову к его плечу.

— Давным-давно, когда я был маленьким мальчиком, я обожаю сказку об Алисе в Стране чудес. Она мне казалась такой умной, такой живой, такой прекрасной. Тогда я решил, что самую любимую женщину в мире будут звать Алисой, единственную женщину в мире.

— Подожди, — отстранилась Алиса, — но ведь у тебя была жена!

— Ну и что? — холодно отозвался Никита. — Была и сплыла. А сейчас мне кажется, что никого, кроме тебя, в этом мире нет. Только моя Алиса — светлые волосы и голубые глаза, как у принцессы викингов, гибкое тело фигуристки, а душа детская и незащищенная.

Когда она проснулась, то сначала не могла сообразить, где находится. Обои, расписанные вручную райскими птицами, мебель светлого дерева, гардины, подобранные в тон обоям, и она сама, лежащая в постели, со спутанными волосами и глубокой синевой под глазами, — нет, это не ее комната! Постепенно события прошлой ночи стали восстанавливаться в памяти — чаепитие, признание Никиты, его легкие, как крылья бабочки, поцелуи... Алиса рывком поднялась с белоснежной постели и поискала взглядом часы — половина десятого, она проспала! Но потом облегченно вздохнула — ей уже некуда спешить. Она снова откинулась на подушку и задумалась. С Владом все равно ничего бы не получилось, в ее жизни начинается новый этап, несомненно, счастливый и долгожданный. Никита — нежный и ласковый, Ксения Александровна — добрая и справедливая, и самое главное — этот сказочный дом, в котором она будет хозяйкой! Как все замечательно сложилось, какой у нее счастливый год! «Пошлю Саше Драгомирову бутылку коньяка, — решила про себя Алиса. — Спасибо за то, что он напился под Новый год, иначе я так никогда и не узнала бы Богатыревых». Засмеявшись, она перевернулась на другой бок и уставилась на чудо-птицу на стене. Радостное настроение постепенно стало испаряться, пока от него не осталось лишь легкое воспоминание. Алиса щелкнула птицу по плоскому носу и нахмурилась.

«Никита предложил тебе руку и сердце. Они готовы принять тебя в семью, потому что полюбили тебя. А ты? Любишь ли ты его? — язвительно осведомился противный голосок внутри. — Да не его ты любишь, а этот дом! Не обманывай ни себя, ни этих людей!»

С суровым выражением лица вышла Алиса из комнаты Никиты и сразу же столкнулась в коридоре с Ксенией Александровной.

— Алиса, доброе утро! — немного смущенно поприветствовала ее хозяйка дома.

— Доброе утро! — как можно беззаботнее кивнула Алиса. — Я...

— Я все знаю, — поспешно прервала ее Ксения Александровна, — мне Никита поведал. Вы чудесная девушка, и если действительно любите его — он будет счастлив. Большого мне не надо. Ну а теперь умывайтесь, приводите себя в порядок — и завтракать!

Через несколько минут Алиса вошла на кухню, где Ксения Александровна заканчивала сервировать завтрак.

— Никита умчался за круассанами, — пояснила хозяйка дома, правильно истолковав ищущий взгляд Алисы. — Он сострил: «Если у нас французский завтрак, то обязательно должны быть круассаны». Присаживайтесь, пока выпьем кофе.

Алиса несмело присела за стол, пододвинула графин с соком, а Ксения Александровна продолжала говорить, пытаясь замять неловкость, которую чувствовали обе женщины:

— В наше время о круассанах и слыхом не слыхивали. Большим лакомством в свое время был бородинский хлеб. Вы знаете, почему он так называется?

— В честь битвы под Бородином? — предположила Алиса.

— Одни считают, что сорт хлеба назвали в честь этого события. История гласит, что пекари придумали рецепт этого хлеба до известной битвы. А еще я читала, что пекарь вдовы героя Бородинской битвы, генерала Тучкова, создал рецепт этого хлеба. Но это вряд ли... Вы знаете, я даже сама его пеку. Рецепт очень прост: ржаная мука, пшеничная мука, солод, дрожжи, патока, соль, сахар, кориандр... — Отхлебнув кофе, она неожиданно сменила тему:

— Видите ли, я не классическая свекровь-стерва, которая трясется над своим сыном и ненавидит невестку. Я знаю его недостатки и вижу ваши достоинства. Если вы захотите вести дом, я ничего не буду иметь против... — Она снова потерянно замолчала.

Алиса почувствовала, как глоток ледяного апельсинового сока остановился где-то в пищеводе.

— Ксения Александровна, — закашлялась Алиса, — я даже не знаю, что сказать. Все произошло очень стремительно. Скажу честно, я пока не успела отойти от предыдущего романа, который, казалось, неминуемо должен был перерасти в любовь и брак, но исчерпал себя... — Она жалобно посмотрела на Богатыреву: — Мне нужно немного времени, чтобы разобраться в себе и своих чувствах к Никите. Он чудесный, нежный, умный мужчина. Признаюсь, больше всего на свете мне хочется жить здесь, в вашем доме. И именно это меня настораживает. Я хочу выяснить, что мне дороже всего — ваш дом и его чудесная атмосфера или Никита.

Ксения Александровна осторожно поставила чашку на стол:

— Спасибо за откровенность. Я поддерживаю вас и думаю, что Никита все поймет правильно. Он неглупый человек.

— Он удивительный! Никита умеет быть серьезным, даже солидным, и в то же время он мальчишка. Лихачит на автомобиле, острит на страницах газеты, знает массу интересных вещей.

В этот момент входная дверь хлопнула, и в кухню ворвался сияющий Никита с бумажным пакетом в руке.

— Вот уж не думал, — возбужденно заговорил он, прямо на кухне снимая куртку и вешая ее на спинку стула, — что круассаны пользуются у населения такой популярностью! Подумать только, ведь этому лакомству мы обязаны несчастной королеве Марии Антуанетте! Алиса, ты должна об этом написать статью в газету!

— Садись, кофе горячий. — Ксения Александровна немного суетливо выкладывала ароматную выпечку на блюдо.

— О чем вы тут секретничали?

— Почему секретничали?

— У вас на лицах таинственное выражение. Уж не обо мне ли?

— Конечно.

— Я так и думал. Небось прикидывали, подхожу я Алисе в мужья или нет!

— Не дурачься! — засмеялась Ксения Александровна.

— Успели хоть договориться, когда Алиса переходит к нам жить?

— Пока что нет, — Алиса коротко взглянула на хозяйку дома, — я должна немного подождать.

— Чего или кого? — Никита озабоченно посмотрел ей в глаза.

— Даже в загсе дают время на размышления, — шутливо заметила Алиса, — а ты хочешь, чтобы мы все решили сразу.

— Что-то я не пойму, в чем тут дело. Девичья стыдливость, или какие-то дурацкие суеверия, или что-то еще? — Он нахмурил брови.

— Я просто должна подумать о тебе и о себе, — попыталась объяснить Алиса.

— Я возражаю! — воскликнул Никита.

— Послушай, сын, но ведь Алиса права, — попыталась вмешаться Ксения Александровна.

— В чем, мама?! Алиса, ведь нам было вместе так хорошо, мы были одним целым, зачем это состояние нарушать? При чем тут время на размышления? Ведь пока ты будешь взвешивать все «за» и «против», это состояние пройдет и все станет вновь обыденно и скучно! Сегодня ночью я подумал, что наконец нашел ту, которую искал. А оказалось — ошибся.

Он встал из-за стола, кивком поблагодарил мать за завтрак и выскочил из кухни. Хлопнула дверь его комнаты, и в квартире воцарилась тишина. Несколько минут женщины растерянно молчали, боясь взглянуть друг другу в глаза.

— Ох! — Ксения Александровна тяжело опустилась на стул. — Что-то с ним не так. На моей памяти он вспылит так два или три раза. Первый раз его обманул школьный товарищ, потом был конфликт с преподавателем в институте, а последний раз с сослуживцем отца, совершившим очень неблаговидный поступок.

— Но ведь я ничем его не обидела, не совершала некрасивых поступков! — воскликнула Алиса. — Я хотела быть с ним честной!

Ксения Александровна огорченно заморгала:

— Вероятно, он истолковал ваши слова как-то иначе. Может, он решил, что для вас он — всего лишь эпизод, один из многих, тогда как для него все случившееся — крутая ломка жизни, тем более после неудачного первого брака... Я вам уже рассказывала, что в трудные моменты Никита моментально подставляет свое плечо — друзья ли, знакомые, соседи. Может, он решил, что его опека вам наскучила или, того хуже, что вы использовали его... — Богатырева нервно крутила в руках кухонное полотенце.

— Не может быть! — Алиса побледнела.

— Зная Никиту, могу сказать одно — вам действительно придется подождать.

— Долго?

— Не знаю, — очень тихо ответила Ксения Александровна.

— Ну что же... — Алиса встала. — Давайте я вам помогу убрать со стола и пойду домой.

— Не надо, дорогая, я справлюсь сама, — мягко остановила ее хозяйка дома. — Я попытаюсь поговорить сегодня с Никитой, может, он одумается, остынет. И не переживайте так, — глядя на огорченное лицо Алисы, добавила она, — все перемелется.

Странно было очутиться снова в своей квартире. Казалось, что с того момента, когда она была здесь в последний раз, прошли на сутки, а годы. Новыми глазами оглядывала Алиса знакомые стены, мебель, милые сердцу безделушки. Глупая, странная выходка Никиты не выходила из головы. Да, с ним будет нелегко, он импульсивен и самолюбив, хотя внешне спокоен и уравновешен. Алиса никак не могла понять своей вины, но чем больше раздумывала над утренним происшествием, тем более виноватой чувствовала себя. Теперь ей ужасно хотелось выскочить из дома, обогнуть двойной ряд гаражей, вбежать в знакомый подъезд и позвонить в их дверь. Там она снова окажется в ласковых объятиях Никиты, там будет вкусно пахнуть свежими пирогами и чистотой, и Ксения Александровна обязательно спросит своим музыкальным голосом: «Ну, как дела, Алиса?»

Алиса постояла у письменного стола, глядя в знакомое окно напротив, наглухо закрытое от всего мира кремовыми шторами. Казалось, что волшебная музыкальная шкапулка, показав ей свое удивительное содержимое, неожиданно захлопнулась. Пропали все чудеса, стало пусто и холодно жить.

На следующее утро Алисе позвонила Ксения Александровна и грустно сообщила:

— Никита весь день провел у товарища. Пришел под вечер спокойный, тихий.

Извинился, что устроил сцену в моем присутствии.

— И все? — воскликнула Алиса.

— Когда я попыталась поговорить с ним о вас, он заявил как отрезал: «Это мое личное дело, мама, с Алисой я сам разберусь». Так что утешительного у меня пока что мало...

Поспешно завершив разговор, Алиса положила трубку. Она включила телевизор и стала старательно смотреть старую комедию, надеясь заглушить голосок, противно ноющий внутри: «Никита тебя бросил! Невеста без места! Погналась за химерой!»

С утра Алиса с силой задернула шторы на своем окне, чтобы не видеть противоположного дома, включила компьютер и уселась за работу. Ее ждала четвертая глава книги. Но сегодня работа не двигалась. Не в силах вынести неизвестность и пустоту, воцарившуюся в душе, Алиса отыскала в записной книжке телефон студии «Взгляд» и набрала номер. Как ни странно, трубку сняла сама Жанна.

— Как хорошо, что я тебя застала! Это Алиса. У тебя есть время? Что-то мне так плохо, а поговорить не с кем!

— Следующий эфир у меня через час, — не задумываясь отозвалась Жанна, — мы успеем выпить кофе. Здесь рядом со студией есть очень неплохое заведение. Сможешь приехать?

Маленькое кафе на четыре столика оказалось уютным и чистеньким.

— Помнишь, как мы сидели в кафе на улице Заводской в провинциальном городе, пили кофе, а за окном было минус двадцать пять? — с улыбкой говорила Жанне Алиса, когда официант, приняв заказ, отошел от их столика.

— А как же! У тебя на глазу намечался синяк, и ты превозносила достоинства Президента до небес.

Официант сноровисто расставил на столе чашечки с кофе, запотевшие стаканы с грейпфрутовым соком.

— А ты помнишь, я рассказывала об одной семье, где хранят традиции? И я могла бы жить в ней! Но я, клиническая идиотка, упустила свой шанс. Нет, не везет мне в любви!

— Расскажи мне все по порядку, — помешивая ложкой в чашечке, потребовала Жанна. Алиса быстро описала все, что происходило с ней и Никитой, начиная с памятной новогодней ночи.

— И это ты называешь невезением в любви? — сощурила красивые глаза Жанна, когда Алиса закончила свой рассказ. — В таком случае я вообще являюсь примером абсолютного невезения!

— Ну что ты! Ты такая красивая, энергичная, полная оптимизма, — удивилась Алиса.

Жанна тряхнула огненно-рыжими волосами:

— Энергичная — да. Я обожаю свою работу. С детства я мечтала о радио, начинала со школы юных дикторов, работала в «Пионерской зорьке», помнишь такую? Потом закончила журфак МГУ. Честолюбие, умело разжигаемое во мне родителями в течение всей студенческой поры — и не без результатов, — подстегивало меня, и я бросилась на освоение карьерных высот. С усердием ленинской стипендиатки я взялась за дело. Время шло, я с упорством буровой установки пробивала толщу служебных барьеров, предрассудков, и спустя полгода мне, молодой, начинающей журналистке дали возможность вести в прямом эфире свою собственную передачу!

— Вот видишь! — обрадовалась Алиса.

— Не перебивай меня! Сейчас будет о любви. Юра, моя первая любовь, был старше меня, женат, но из всего нашего взбалмошного женского коллектива он остановил свое благосклонное внимание на мне. Может, из-за моей молодости и наивности, что было видно невооруженным глазом. Ему не пришлось прикладывать особых усилий для того, чтобы я моментально влюбилась в него, — сам факт, что на меня обратил внимание этот

необыкновенный, взрослый мужчина уже вознес меня на седьмое небо. Воскресным вечером мы «случайно» оказались возле его дома, и ввиду временного отсутствия жены и детей он пригласил меня подняться «на чашку кофе». С трепетом я согласилась. Скромная квартирка, веселенькие обои в прихожей, детские вещички, сушившиеся на веревках в кухне, две крохотные подставки для яиц в виде цыплят на кухонном столе остудили мою пылавшую голову.

«Пойдем, Юра, — я потянула его за руку, — пойдем отсюда. Я тебя прошу, ничего не надо. Пойдем!!!» — «Не суетись, все нормально», — пробасил мой герой и потащил меня за руку в комнату. Он что-то шептал, поспешно раздевая меня, потом я ощутила спиной колючий ворс пледа, которым был застлан диван, а потом я бессмысленно разглядывала убранство финской стенки, пока Юра исполнял свой мужской долг. Сразу же после этого, не теряя темпа, он бросил мне на колени мою одежду, оделся сам и вывел меня из квартиры. И вовремя! Юрина супруга возвращалась с прогулочной коляской и цеплявшимся за ее карман карапузом домой после турне по близлежащим магазинам.

Я долго не могла поверить ни одному мужчине. А потом случайно познакомилась с Пашей. Как нам было хорошо вместе! Но наш роман был изначально обречен. Дело в том, что Паша тоже был женат, у него красавица жена, дочери-близняшки. Родители были на пенсии, нянчили внуков, имели огромный деревенский дом с садом и огородом. Короче, у него было все: семейная идиллия, любимая работа, благодарные состоятельные пациенты — он был очень известным врачом-пульмонологом. Иногда Паша разрешал мне оставаться у него на консультациях — он давал мне белый халат, и я изображала медсестру, расчерчивая лист бумаги, восхищаясь профессионализмом, терпением и умом этого мужчины. Я знала, что должна была прекратить мучить себя и его, но как только приходили такие мысли, мне становилось страшно и одиноко. Я физически начинала ощущать эту пустоту, которую никто, кроме него, не мог заполнить.

Пациенты обожали своего доктора, а мне так хотелось крикнуть им: «Люди! Он мой!»

Иногда Паша чувствовал мой взгляд и оборачивался ко мне. «Что?» — вопрошали его смеющиеся глаза. «Ничего, просто я очень люблю тебя», — отвечала я ему глазами, и он отлично понимал меня. Он отворачивался, но я видела, как медленно розовела мочка его уха.

Нам было очень хорошо вместе. В один прекрасный день Паша растопырил пальцы правой руки и стянул с безымянного пальца обручальное кольцо.

«Все! — провозгласил он. — Развожусь!»

Я ощутила где-то в районе солнечного сплетения растущую черную дыру. «Ты уверен?» — дрожащим голосом осведомилась я. «Да! — кивнул Паша. — Завтра сдам кольцо в ломбард, чтобы уж наверняка!»

Счастливее момента в моей жизни не было. Спустя неделю золотой ободок вновь засиял на пальце моего возлюбленного.

«Понимаешь, — уныло поведал мне Паша, — помирились мы с женой. Но это ничего, я же все равно с тобой».

Все во мне как бы оборвалось. Не скажу, что расставаться с Пашей было легко: во мне до сих пор что-то отзывается, когда я вспоминаю о нем. И вот когда мне было невыносимо тошно и хотелось умереть, на улице ко мне подошел молодой человек: «Девушка, отчего вы такая красивая?» «От сырости», — сгрубила я.

Так вошел в мою жизнь Коля. А потом вломилось и его семейство.

— Как это? — не поняла Алиса.

Жанна нервно закурила:

— У любви разные лики. Мы живем в одной квартире с матерью и теткой мужа, они родом из маленького провинциального городка. Это другая планета, там иной ритм жизни, иной менталитет, иные традиции. И что самое удивительное — за двадцать лет никто из этой семьи ни на йоту не отошел от них, не стал по-настоящему москвичом. Они даже говорят до сих пор с южно-русским акцентом. В нашем доме все так патриархально, так заскорузло. Я не понимаю их, а они меня. Я не имею возможности прилечь после работы — если ты не больна и на дворе светлый день, ты должна быть на ногах и суетиться по дому. Бесконечное броуновское движение — консервирование, побелка потолков, шитье наматрасников, какие-то подсчеты, разборка рухляди. Все время кто-то останавливается у нас, надо ехать на вокзал, кого-то встречать, что-то передавать. Каждый выходной я, как все обычные тетки, надеваю леггинсы, старые ботинки и куртку и отправляюсь на ближайший оптовый рынок за продуктами. Пицца в нашем семействе — святое дело.

Жанна сморщила свое лисье личико.

— Вот почему я мотаюсь по всем городам и весям вслед за Президентом, берусь за любые программы, только бы не видеть всего этого. А бросить их не могу — мужа люблю, хоть и вышла за него очень поздно. Все выбирала. Вот и выбрала. Не думай — он у меня такой замечательный, только немного слабохарактерный. — Она яростно загасила окурок в пепельнице.

Алиса почувствовала себя неуютно — что значат ее проблемы по сравнению с жизнью Жанны! Видно невооруженным глазом, что она любит своего мужа-тюфяка. Неужели любовь — это главное?

— Все просто, дорогая моя. — Словно отвечая на ее мысли, Жанна похлопала подругу по руке. — Задай себе один вопрос: любишь ли ты его? И если что-то внутри тебя скажет «да», то действуй. Мужчина и женщина — это две створки раковины, которые взаимно притягиваются друг к другу. Только тогда рождается прекрасная жемчужина — любовь. Каждый должен чем-то жертвовать ради другого, даже самым дорогим и сокровенным. Представь: между вами двумя протянута тонкая нить, и если один начинает эгоистично наматывать ее только на свое веретено, что от нее останется? Пустота, рутина, скука и поиск развлечений на стороне.

Жанна допила сок и поднялась из-за стола.

— Ну, у меня эфир, — извиняющимся голосом произнесла она, — мне пора.

— Да-да. — Алиса расплатилась и поспешно поднялась вслед за ней. — Я провожу тебя до студии, ладно?

Жанна кивнула, и они молча вышли на улицу. Не проронив больше ни слова, они дошли до здания студии.

— Ну, давай прощаться. — Жанна остановилась у входа.

— Спасибо тебе, — Алиса поцеловала Жанну в щеку, — ты мне так помогла!

— Да ладно! — отмахнулась Жанна и потянула тяжелую дверь на себя. — Да... — внезапно она отпустила дверь, и та захлопнулась с утробным звуком, — насчет газеты... Я слышала, ты ушла из нее...

Алиса кивнула.

— Не могу судить, правильно ты сделала или нет... Только если ты сама ее отдала в чужие руки, никто, кроме тебя, не сможет вернуть ее обратно. Если ты, конечно, этого хочешь. — И она скрылась за массивной дверью, оставив Алису в полном недоумении.

Легко сказать «вернуть». Да, Алиса раскаивалась в своем импульсивном поступке. Но что теперь делать? Не приставишь же к виску коварной Милы пистолет — верни мне газету! Да и не она это решает. Ехать к Павлу Игнатьевичу с повинной, мол, возьмите меня назад? Алиса постаралась представить себе эту картину. Ах как будет это по сердцу коммерческому директору, как улыбнется он своей язвительной улыбочкой и скажет: «Два — ноль, Раевская». Нет, ни за что не поедет она к хозяевам газеты, не станет перед ними унижаться! Если бы произошло какое-нибудь чудо!

И Алиса честно старалась держаться. Каждый день она сидела по четыре-пять часов у компьютера, работая над книгой, упорно отгоняя от себя мысли о газете. Но они все равно лезли в голову. То вдруг она бросала взгляд на часы и спохватывалась — пора проверять работу верстальщиков, а потом одергивала себя: «Забудь, редакция теперь сама по себе, а ты сама по себе». То в процессе работы вдруг задумывалась над новой рубрикой, да так и застывала с поднятыми над клавиатурой пальцами. Работа над книгой о журналистской братии увлекала ее, но не настолько, чтобы полностью забыть себя и отречься от газеты. Алисе не хватало той карусели неотложных дел, которые стали такими привычными за последние полгода. Ей часто звонили сотрудники редакции, спрашивали о делах, выражали свое сожаление. Алиса сухо отвечала, клала трубку на рычаг, а потом бесцельно подолгу смотрела в окна напротив. Никита упрямо молчал. Ксения Александровна звонила, но разговор с ней не клеился. Обе женщины чувствовали неловкость и не знали, как ее преодолеть. Братья Артемьевы, не подозревая о случившейся с ней беде, спокойно отдыхали где-то в Венгрии, параллельно консультируя съемки фильма, который ставили по мотивам одного из их шедевров.

А однажды утром она встала и поняла, что книгу писать ей дальше не хочется. И вообще ей не хочется ничего. Такое состояние было новым для деятельной, умеющей держать «спортивную форму» Алисы. Теперь просыпалась Алиса поздно, пила кофе, а когда кофе закончился, шоколадный напиток, который она не очень любила и который был куплен просто так однажды летом. Обед она, как правило, пропускала, а для ужина каждый вечер покупала в булочной напротив свежеиспеченную булку и кефир. Там же в булочной, в отделе проката видеокассет, она брала пару боевиков и смотрела их до глубокой ночи. Но и это всерьез не занимало ее мыслей. Иногда казалось, что в ней живут две Алисы: одна — активная и сильная, которая ждет не дождется своего часа, чтобы действовать, и другая — потухшая, уставшая женщина. Она часто вспоминала Никиту, его голос, их первую и единственную ночь, его объятия. «У него ко мне было настоящее чувство, а я?» — в который раз упрекала она себя. Теперь она точно знала, что очень хочет видеть Никиту, тоскует по нему, по неспешным, интересным разговорам, по его уютным объятиям. А вдруг она полюбила по-настоящему и теперь не имеет возможности сообщить ему об этом? Да и надо ли? Поздно. «Поздно, Алиса», — говорила она себе.

Так прошло три недели, наступил март, потеплело. Каток растаял, и Алиса пожалела о том, что она так редко выбиралась на лед. А третьего марта ранний звонок выдернул ее из вязких глубин кошмарных видений.

— Раевская, спишь? — Голос Ласкова был сух и, как показалось Алисе, враждебен.

— Сплю, а что мне еще остается? — отпарировала Алиса.

— Могла бы, между прочим, сообщить о переменах в своей жизни, почему узнаю от посторонних? — намеренно безразличным тоном заметил главный редактор «Дела для всех». — Мы не чужие, обязаны помочь.

— Спасибо, но пока мне ничего не нужно, — мягче ответила Алиса — все-таки не стоило грубить Ласкову, искренне предлагавшему помощь.

— Зря ты так, Раевская, — вздохнул Ласков, — на обиженных воду возят. Может, слыхала?

— Да, — коротко отозвалась Алиса, разговор начинал ее раздражать.

— Сидишь там себе, жалеешь: ах, жизнь не сложилась! Ах, никто мне не нужен! Я прав? — покашливая, осведомился главный редактор.

— Нет, — назло ему отрезала Алиса, — не так!

— Брось, я знаю, что так. Ушла из газеты, хлопнула дверью, подумала, что прибегут за тобой, умолять будут прийти назад. И что? Никто не пришел, жизнь идет своим-чередом. А ты выпала из этой жизни.

— Извините, Валерий Яковлевич, но я больше не могу с вами разговаривать, — устало вздохнула Алиса. Ей снова стало пусто и скучно. «Зачем они мне все звонят? — пронеслась в голове мысль. — Что им от меня нужно?»

— Да ты меня и не слушаешь! — возмутился Ласков. — Возьми себя в руки, Раевская, вот уж не думал, что ты так можешь распуститься!

Алиса молчала. Ей не хотелось ни говорить, ни протестовать. Лучше всего снова завернуться в одеяло и постараться уснуть.

— Хотя я и ошибся в тебе, — сухо продолжил главный редактор, — обязан довести до твоего сведения.

— Что именно?

— Что ты и я приглашены на прием. Бал для прессы посвящен, кстати, наступающему празднику, Международному женскому дню.

— Куда? Я никуда не хочу идти.

— В Кремль, Раевская. Тебя там запомнили и персонально пригласили. Понимаешь? Отказаться не имеешь права. Алло, ты меня слышишь?

Она старалась что-то произнести, но подходящих слов не находилось.

— Прием состоится послезавтра, встречаемся у Боровицких ворот. Алиса!

— Что?

— Соберись, дорогая! Жизнь не окончена, наоборот, может, она только сейчас начинается.

— Спасибо, — упавшим голосом отозвалась Алиса.

Положив трубку, она подошла к зеркалу. «Да, хороша, ничего не скажешь. Потухшие глаза, серый цвет лица, уголки губ опущены, волосы собраны в небрежный пучок. Прием в Кремле? Это смешно, я даже не могу показаться там. Такая...» Внезапно в ней пробудился спортивный азарт. «Я сделаю все, чтобы выглядеть на все сто! — пообещала она своему отражению в зеркале. — Жизнь не кончена!» — с наслаждением повторила она слова Ласкова, словно это был тот магический код, который расколдовывал ее, снимал обет затворничества и возвращал ее к жизни.

— ...Алиса, дорогая, я думал, что совсем тебя потеряю! — Радость Леши-оператора была искренней. — Какая ты сегодня красавица — похожа на Ундины или Лорелею!

Комплимент Алисе понравился. Она не сомневалась в мастерстве Ольги Моисеенко, сотворившей небольшое чудо. Выглядела Алиса действительно неплохо — маленькое бархатное платье цвета старой бирюзы (только она имеет такой блекло-зеленый оттенок) всегда шло Алисе, было оно уместно и на этом празднике... В замшевых лодочках на высоких каблуках в тон платью ее ноги казались стройнее, а лодыжки тоньше. Серебряное кольцо с бирюзой — изделие персидских мастеров — привлекало внимание, хорошо уложенные длинные волосы спадали золотистым водопадом с плеч.

— Леша, и тебя не узнать! Костюм, белая рубашка, бабочка! Ты выглядишь как английский аристократ. — Алиса счастливо рассмеялась. Как же она соскучилась по общению! Ее радовали людская толпа, веселый говор, знакомые лица, ее волновали запах духов и шелест нарядных платьев, звон бокалов с шампанским, ожидание выхода Президента... Как долго она просидела затворницей! «Как хорошо! — мурлыкала Алиса про себя. — Как же хорошо жить!»

— Что ты там шепчешь? — спросил Леша, поднося ей полный бокал шампанского. — Ты такая смешная...

— Ничего, Лешик. Расскажи, как твои дела?

— Мое дело одно — крутить ручку. — И он вскинул руки, изображая камеру. — Пойдем, я тебя с ребятами познакомлю из нашей группы — корреспондентами и режиссерами.

— Давай немного попозже, а? — попросила Алиса. Она еще не была готова к непринужденной болтовне.

— Ладно, — покладисто согласился Леша, — попозже, но обязательно. — Он отхлебнул из своего бокала шампанское и поморщился: — Не люблю я эту шипучку. Кстати, я недавно узнал, что ты газетой руководишь. Это здорово.

— Кто тебе доложил? — подозрительно осведомилась Алиса.

— Жанна, твоя подружка, из «Взгляда».

— Почему-то сегодня я не вижу ее здесь. — Алиса попыталась перевести разговор на другую тему.

— Она уехала. К родственникам, в какой-то маленький провинциальный городок. На свадьбу, что ли... — Но Леша не дал сбить себя с начатой темы и спросил: — Так как называется газета?

— Я уже ею не руковожу, — сухо сообщила Алиса и, отведя взгляд от удивленных глаз Алексея, стала рассеянно осматривать собравшихся в зале.

— Как это понимать?

— Уже не руковожу, — повторила Алиса и устало добавила: — Ушла я.

— Как? — Глаза Леша округлились.

— Подставили меня, я ушла, хлопнув дверью...

— Ну и дура! — произнес Леша и потеснился, пропуская к Алисе Ласкова.

— Леша, познакомься, это Валерий Яковлевич, главный редактор «Дела для всех», так сказать, «та заводская проходная, что в люди вывела меня», — пропела Алиса.

— У тебя хорошее настроение, — словно удивляясь, произнес Ласков, — а ты не хотела идти. И молодой человек тебя развлекает...

— А это правда, что она бросила газету? — поинтересовался Леша, останавливая официанта и беря с подноса очередной бокал шампанского.

— Истинная, — моментально подтвердил Ласков. — Глупая она, Алиса Раевская. Надо было бороться, всюю отстаивать себя, а она сыграла героиню. Вот и сидит в обнимку со своей дурацкой гордостью. Ты же любила эти свои «Семейные традиции», столько труда вложила, ума, нервов, а досталось все какой-то вертихвостке-секретарше.

— Какие «Семейные традиции», я что-то не пойму, — вмешался Леша.

— Так называется ее газета, которой руководит ее бывшая секретарша.

— Она не секретарша, — запротестовала Алиса.

— Какая разница...

— Алиса, я знаю, что делать! — Леша пятерней прошелся по вихрам. — Ей-богу, я знаю, что мы сделаем!

В этот момент громкий голос объявил выход Президента. Волна оживления прошла по толпе. Алиса вытянула шею, чтобы разглядеть Президента. Она волновалась и очень хотела рассмотреть его получше. Президент закончил краткую приветственную речь, поднял бокал с шампанским, отпил глоток и подошел к первой группе гостей. Он легко шел по залу, останавливаясь около знакомых журналистов, что-то говорил, смеялся, отпивал новый глоток шампанского и шел дальше, кивая направо и налево. Вдруг он резко остановился и направился к Алисе. Она сделала глубокий вдох.

— «Дело для всех»? — Президент улыбнулся. — Раевская Алиса, собственный корреспондент, верно?

— Да. — Она счастливо улыбнулась, польщенная тем, что Президент заметил ее. — А это главный редактор газеты.

С принужденной улыбкой Ласков присоединился к Алисе, Президент пожал ему руку:

— Я попросил приносить мне вашу газету и просматриваю ее среди прочих. Но репортажей Раевской там не нахожу. Почему? — Он внимательно посмотрел на Ласкова.

— Алиса теперь руководит самостоятельно другим изданием, — неожиданным фальцетом произнес Ласков. — Газета называется «Семейные традиции».

— Хорошее название, и я уверен, что газету вы делаете отличную. — Президент, как всегда, был прост и доброжелателен в общении. — Сейчас это так важно — сохранить семейные традиции. Я обязательно попрошу найти мне несколько выпусков. Я вас полностью поддерживаю... — Он сделал небольшую паузу и, лукаво улыбнувшись, добавил: — Если газета действительно хорошая.

— Спасибо. — Алиса опустила ресницы, не решаясь посмотреть Президенту в глаза, ведь Ласков только что сказал неправду!

— С праздником, Алиса Раевская, и успехов вам! — Президент чокнулся с Алисой и Ласковым и отошел.

— Кто вас просил говорить? — чуть ли не со слезами на глазах накинулась Алиса на Ласкова.

— А что? Я все правильно сделал.

— О чем вы? — Алиса с подозрением заглянула в бокал Ласкова, но там, кроме безобидного шампанского, ничего другого не было. — Валерий Яковлевич, вы меня погубили! Если он действительно захочет посмотреть газету... Позор!

— Не беспокойся, Алиса. Все будет отлично. И не нервничай ты так! Лучше шампанского выпей, вон молодой человек к тебе пробирается. Празднуй, веселись! Сегодня твой день!

— Слушай, тебе везет! — Леша озадаченно посмотрел на Алису. — О чем это ты с Президентом беседовала? Все обратили внимание, что вы улыбались как старые друзья! Наша камера вас сняла крупняком, да и другие тоже... — Он осекся, заметив, что Алиса расстроена.

— Вот пусть Валерий Яковлевич и расскажет! — обиженно кивнула журналистка в сторону главного редактора. — Он сказал не кому-нибудь, а Президенту страны неправду. Что мне теперь делать?

— Вы?! — Леша выпучил глаза на Ласкова.

— Да не слушай ее. — Ласков одним махом допил свое шампанское. — Я просто

сообщил, что Алиса руководит газетой «Семейные традиции».

— Ну? — Леша перевел глаза на Алису.

— Это неправда, — холодно заметила Алиса.

— Все в твоих руках, Раевская. — Ласков демонстративно повернулся к ней спиной и стал кому-то приветливо махать рукой.

— Ты нам должна все рассказать, — потребовал Леша.

— Нам?

— Пойдем, я познакомлю тебя с нашей группой.

И они стали пробираться сквозь галдящую, веселую толпу.

Задуманное Лешей и его группой показалось Алисе на следующий день бесполезной, более того, очень рискованной затеей. Вчера Леша познакомил ее со своей группой и многочисленными друзьями из журналов и газет, которых он знал по президентским поездкам. Алису заставили повторить свою печальную историю. В результате бурных дебатов и огромного количества бокалов шампанского, сопровождавших дискуссию, было решено утереть нос чванливому Павлу Игнатьевичу и его протеже, а также помочь Алисе. Для этого творческая группа одного из популярных телевизионных каналов, которая успешно выпускала раз в две недели программу «История успеха», решила снять сюжет о ней как о шеф-редакторе газеты «Семейные традиции», умолчав при этом, что она уже бывший руководитель. Вдохновителем этой идеи был оператор группы Леша. Корреспондент Кирилл, ассистенты и два режиссера были приведены в полную боевую готовность, на одиннадцать часов вечера заказали монтажную.

Ласков, в свою очередь, вызвался прозондировать почву относительно намерений хозяев газеты.

— Ты прикинь сама, — увещевал ее по телефону Ласков, — книжку трудовую тебе не выдали, приказа об увольнении ты не видела. Что это значит?

— Что?

— То, что они сами не верят этой вертихвостке, держат ее на испытательном сроке. А может, ждут, когда ты к ним вернешься.

— Я? Самой попроситься назад? Нет!

— Пойми, Раевская, я бы тебя взял на место своего зама, дал бы рубрику, но тебе этого мало. Станет тебе тесно, как в клетке. Убежишь вскоре. «Семейные традиции» как раз для тебя. Масштаб, перспективы, статус. Забудь-ка свою гордость и обратись к Павлу Игнатьевичу.

— Нет, — качала головой Алиса, — я не могу.

— Как хочешь. Ты сегодня телевизор смотрела?

— Нет, а что там?

— Почти на всех каналах освещается вчерашний бал прессы, Президент с группой журналистов, тебя, конечно, показывают. Расстарался твой молодой человек — их, канал дает такие картинки! Ты крупном плане улыбаешься Президенту, он тебе, вы чокаетесь, что-то друг другу говорите. Меня, между прочим, из этого разговора вырезали. Куда мне, старому хрычу!

— Подождите, Валерий Яковлевич, я не могу понять, меня что, по телевизору показывают?

— Через пять минут как раз должны быть «Новости» на твоём любимом канале. И как комментируют: разговор Президента с шеф-редактором «Семейных традиций». Включай и любуйся. Ты еще газет не видела.

— И там тоже?

— И там. Четвертая власть, что поделаешь.

— Это настоящая журналистская солидарность, — с чувством произнесла Алиса. — Я о ней обязательно напишу в книге.

— Пиши-пиши. Но о моем совете тоже подумай.

Алиса положила трубку и включила телевизор. Да, Леша ее не обманул — вот репортаж о вчерашнем бале прессы в Кремле, группы журналистов, Президент, а вот и она в своем бирюзовом платье, глядит ему в лицо и напряженно улыбается. «Просто как дура улыбаюсь, — рассердилась на себя Алиса. — А вот платье смотрится ничего». На других каналах «Новостей» не было, и Алиса выключила телевизор. Леша обещал приехать с группой в девять вечера, чтобы, как он выразился, «снять синхрон», за ночь успеть смонтировать, а утром представить руководству сюжет. До назначенного срока оставалась уйма времени, а все тело у Алисы гудело, как под током высокого напряжения. Оставалось одно испытанное женское средство — отмыть и отскрести квартиру так, чтобы к приезду гостей все сияло. Супергенеральная уборка. Потом уж взяться за себя — у телевидения ведь очень придирчивый глаз.

К девяти Алиса была готова. В легком шифоновом костюме от своего модельера Моисеенко она сидела на диване, разглядывая восточную вязь на чаше, которую когда-то показывала Никите. Ей стало грустно. Еще один человек ушел из ее жизни. И не вернуть его. Две потери за каких-то полгода — газета и Никита! Или наоборот: Никита и газета! Как жестока жизнь!

В половине десятого в квартиру Алисы ввалилась группа заснеженных, как снеговики, молодых людей. Спohватившись, ушедшая зима решила отомстить в марте и завалила город пышным снегом. Ребята долго шаркали подошвами по коврику в прихожей, не решаясь ступить растоптанными ботинками на начищенный до блеска паркет.

— Так, — Леша по-хозяйски прошелся по квартире, — в гостиной шторы задвинем, включим все лампы. Да, света все равно маловато. — Он критически оглядел Алису: — Ничего, сойдет, только бледновата. Иди подкрась щечки.

Он вернулся в прихожую, где ассистент распаковывал камеру, разматывал шнуры, вносил в комнату «пятисотки».

— Алиса, давай обсудим вопросы. — Корреспондент Кирилл увел потрясенную масштабом приготовлений журналистку на кухню. — Попьем чайку и по порядку подумаем, что и как ты будешь говорить.

Пока Алиса готовила чай, открывала подаренное Ксенией Александровной варенье (как давно это было!), они успели обсудить, что будет рассказывать Алиса о себе и своей газете, а заодно, что значат просто семейные традиции для нее.

— Чай пьете, — обрадовался Леша, — налей и мне, в горле совсем пересохло. Ничего у тебя квартирка, нашел кое-какие классные местечки, которыми потом можно «перебиться».

— Что сделать? — Алиса застыла с чашкой.

Леша снисходительно усмехнулся:

— Это наш термин. Невозможно все время показывать «говорящую голову», неинтересно, правда? Вот мы и снимаем некоторые детали интерьера, чтобы потом их смонтировать в сюжет.

— Понятно. А как... — Алису прервал звонок телефона.

— Алиса, — она сразу узнала голос Ксении Александровны, и что-то мягко опустилось у нее в области солнечного сплетения, — у вас все в порядке?

— Да, — ответила Алиса, — а что случилось?

— Никита заметил странное освещение ваших окон. Попросил позвонить, узнать, что происходит, не нужна ли помощь.

— А почему он сам не позвонил? — обиженно сказала Алиса.

— Все еще переживает. — Ксения Александровна понизила голос: — У нас такое впервые! Значит, у вас все в порядке? — переспросила она и, когда Алиса еще раз подтвердила, повесила трубку.

— Алиса, можем начинать. — Группа ждала ее. — Где ей сесть, Леша?

Алису усадили за рабочий стол, развернув кресло к камере. Мощная осветительная лампа нещадно поливала ее обжигающим светом. Прикрепили петельку микрофона, попросили посчитать до пяти.

— Вы готовы, Алиса? — раздался требовательный голос из темноты.

— Да. — Она быстро облизнула пересохшие губы.

— Внимание... начали! — скомандовал Леша, и откуда-то издалека раздался голос Кирилла:

— «Семейные традиции» — это проект, который начинался с нуля. Шеф-редактор этой газеты, талантливая журналистка Алиса Раевская, у которой наша группа сегодня в гостях, поделится с нами, что значат для нее семейные традиции и как это перекликается с ее деятельностью.

Спустя десять минут Алиса поняла, что больше не выдержит. Под светом лампы в пятьсот киловатт мозги стали медленно плавиться, ужасно хотелось пить.

— Перерыв, — объявил Леша, — а то наш шеф-редактор превратится в лужу...

— Ну как, непривычно? — самодовольно осведомился Леша на кухне, наливая Алисе в чашку холодного чая.

— Да, немного. — Алиса залпом осушила чашку и знаком попросила Лешу налить ей еще.

— Привыкай. Дело стоящее делаем. Слушай, я давно хотел спросить, а что на самом деле произошло? Если не возражаешь... — Он навалил горкой варенье на кусок хлеба и принялся жевать.

В нескольких словах Алиса описала ему ситуацию.

— Ясно, — двигая челюстями, невнятно пробубнил Леша, — ситуация известная. Говоришь, Короткевич? — Он почесал голову. — Что-то припоминаю. Вроде бы была такая неприятная девица, чья-то протеже, кажется... Переходила с канала на канал, потом куда-то пропала. Но ты не переживай! — бодро заключил он, допивая чай. — Телевидение без интриг — все равно что зима без снега.

Последовали следующие полчаса напряженной работы.

— Так, двигаемся на новую точку, — бодро скомандовал ассистенту Леша и показал на диван, — а мы — на кухню. Кирилл, идешь?

Кирилл кивнул, что-то увлеченно записывая в блокнот.

— Единственное, что я пока не пойму, — наливая чаю Леше, спросила Алиса, — передача-то платная?

Леша кивнул.

— Работа группы, монтаж, эфир, прайм-тайм, так?

Леша кивнул вторично.

— Кто будет платить?

— Ты. — Леша преданно посмотрел ей в глаза.

Алиса опешила.

— Где я соберу тебе эти деньги? Ты спросил? Откуда у меня? Балда! Сматывайте свои шнуры! Я ничего не хочу! — Она уже кричала.

— Подожди! Я не так выразился. Газета будет платить.

— Да? — Ее голос был полон сарказма.

— Полоса с рекламой нашей передачи в каждом выпуске в течение года — я договорился с нашим шефом, на такой бартер он согласен.

— Ты упустил одну важную деталь, — холодно сообщила Алиса. — Я уже не шеф-редактор газеты.

— Будешь. — Голубые глаза Леша смотрели безмятежно.

— Это афера, и ты меня втравил в нее.

— Да, — согласно кивнул оператор, с удовольствием уминая варенье с хлебом.

Алиса безучастно следила за ним, боясь даже представить, что случится, если оптимистичный прогноз оператора не оправдается.

— Алиса, — словно откуда-то издалека ее окликнул Леша.

— Что? — вздрогнула она.

— Я хотел спросить... — Он отвел глаза в сторону.

— Давай.

— У тебя есть кто-нибудь? — спросил он стену, покрытую кафелем.

— В смысле? — Алиса постаралась поймать его взгляд.

— В смысле друг, — улыбнулся холодильнику Леша.

— Леша... — ахнула Алиса. — Это тоже для передачи?

— Для меня! — злобно посмотрел он на плиту.

— Ты хочешь сказать, что...

— Да. — Впервые его голубые глаза впились в зрачки Алисы. — Ты мне очень нравишься. Ты знаешь, у меня много девчонок, — он озадаченно потер переносицу, — я ведь человек — перелетная птица. Никому ничего не должен, никто от меня ничего не ждет. Я не гад, не подлец, надеюсь, ни одна из моих подружек не пролила по мне ни одной слезинки. Но однажды я понял, что мне нужно нечто большее, чем легкие отношения. Мне ведь уже скоро тридцать пять, хотя и выгляжу я моложе. И вот однажды... — Он сделал паузу, поднял чашку и, глядя в нее, словно пытаясь отгадать тайну узоров из чайнок на дне, продолжил: — Однажды в заштатном городе я увидел чудо. Маленькая, отважная, она буквально сражалась за свое право взять интервью у Президента. Я разозлился, потом удивился, а потом задумался. Я не мог отделаться от воспоминаний о тебе. Когда мы брали интервью в Кремле, знаешь ли ты, каких усилий мне стоило попросить твой телефон? Мне! Я мог собрать телефоны у половины девушек Москвы, но не у тебя. А позвонить я так и не решился, хотя очень хотел.

— Леша... — Алиса была растрогана признанием.

— И затеял я все это ради тебя, — прервал ее Леша. — Мне очень хочется сделать что-нибудь для тебя. Стоящее.

— Леша, — Алиса поднялась и подошла к нему, — Лешенька... — Она погладила его кудлатую голову и поцеловала в макушку. — Ты просто прелесть, ты настоящий друг.

Леша обнял ее за талию и прижался к ней головой. Эту почти идиллическую картину застал Кирилл. Он застыл на пороге, не зная, что ему делать — неслышно ретироваться или, громко топая, войти.

— Входи, Кирюш. — Леша великодушно заметил деликатные передвижения корреспондента. — И что ты такой застенчивый? Он ведь у нас военный корреспондент, — пояснил Леша Алисе, пока Кирилл наливал себе чай, — несколько раз в Чечне был, а такой

застенчивый.

Через два часа все было закончено. Группа спешно собиралась в Останкино, уже опаздывая на монтаж.

— Получится — пальчики оближешь, — ласково пообещал Леша. — Публика будет рыдать и плакать.

— Леша, — Алиса решительно отвела его в сторону, — я хочу тебе кое-что объяснить. Лицо Леша вытянулось.

— Я не успела тебе сказать, что у меня есть один человек, которого я, кажется, люблю. Он об этом, правда, еще не знает, и чем это окончится, я тоже не знаю.

— Ясно. — Леша наморщил лоб.

— Я не хочу крутить динамо и что-то обещать...

— Ясно, — мрачно повторил Леша. — Жаль, не знаю гада, а то бы придушил своими руками!

— Леша! — с укоризной воскликнула Алиса. — Как можно быть таким кровожадным!

— А когда выяснится, что у тебя все закончится ничем? — деловито осведомился Леша.

— Я тебе обязательно сообщу, — серьезно пообещала Алиса.

— Обязательно?

— Конечно. Я так тронута твоими словами, так хорошо от них на душе, и я ни за что не хочу терять тебя.

— Правда? — Он подошел к Алисе, притянул ее к себе, и Алиса дала себя поцеловать. — Ну ладно, — возвращаясь к прежнему легкому тону, обратился оператор к своей команде, — поехали, что ли? Мне в монтажной, правда, делать нечего, это Кирилл с режиссерами пусть работает... Хотя любопытно, что мы там наваляли. Завтра позвоню, расскажу, как начальство среагировало, — попрощался он.

Захлопнув за ними дверь, Алиса блаженно вздохнула. Почти два часа непрерывной съемки, жар от лампы-«пятисотки», внезапное объяснение с Лешей, призрачные до нереальности договоренности относительно рекламного места в газете... Она устала за этот день, как за год. В квартире было душно, Алиса подошла к окну и распахнула его. Глубоко вдыхая чуть влажный воздух, она протянула руку, ловя все еще падающие мокрые снежинки. Бросив взгляд на противоположный дом, Алиса вздрогнула. В окне напротив четко вырисовывался мужской силуэт, она его сразу узнала. Это был Никита. И моментально сегодняшний вечер, признание Леша, его дружеский поцелуй исчезли, растаяли, как снежинки, падающие на ее ладонь. Так они стояли друг напротив друга, не в силах пошевелиться. Алиса не чувствовала холода, жадно глядя на мужчину, стоявшего на фоне кремовых штор в доме напротив. Наконец она подняла руку и помахала. Несколько секунд он стоял неподвижно, а потом тоже легко взмахнул рукой. Алиса хлопнула окно, первой задернула шторы и выключила свет. Она поняла: Никита больше не сердится на нее. Он будет ждать ее ответа. И она, конечно, ответит ему «да». Сразу, как только обретет свое второе «я», свое детище — газету «Семейные традиции».

Утром следующего дня Алисе позвонил Леша и бодрым голосом, словно он не отсидел ночную смену за монтажным столом, а отлично выспался за ночь, сообщил:

— В одиннадцать ребята пойдут к шефу представлять сюжет, а также детали нашей бартерной сделки.

— Леша... — Алиса набрала в легкие побольше воздуха.

— И не спорь со мной, — тотчас же прервал ее Леша. — Дело сделано, зачем оборачиваться назад. Я что, зря, что ли, ночью вместе с режиссерами в монтажной кофее опивался? Монтаж, между прочим, не мое дело. Ладно, мне надо ехать с другой группой на съемку, постараюсь держать тебя в курсе дел.

Алиса очень волновалась. Она оглядела комнату, вспоминая каждый момент съемки, ответы на вопросы Кирилла. Она поморщилась — некоторые показались ей сейчас такими напыщенными. Интересно, что же все-таки у них получилось? Если решение будет положительным, надо будет узнать время эфира и обзвонить всех знакомых, пусть посмотрят. Настроение было приподнятым, и что-то в глубине души подсказывало Алисе — все будет в порядке. Мартовское солнце врывалось в окна, его золотистые лучи оживляли краски тегеранского саруха на полу, воробьи на ветвях оголтело орали, наслаждаясь теплом и светом. Алиса с удовольствием выпила кофе, который успела купить вчера, а потом села к компьютеру. Пора было возвращаться к книге. Алиса разложила заметки, черновики, план, внимательно изучила написанное и быстро защелкала клавишами компьютера. Ее радовало все — дрожащие на стене тени от ветвей высоких деревьев, свежий запах весны, врывающийся в форточку, и то, что работа спорилась. Строчки выстраивались ровными рядами, очень редко руки Алисы зависали над клавишами. В три часа дня телефонный звонок оторвал Алису от работы.

— Пустили! — услышала она ликующий голос Лешы. — Я тебе звоню с мобильного — только что мне сообщили, что главный подписал передачу в эфир! Победа!

— Не может быть! — закричала Алиса. — А когда эфир?!

— Сегодня вечером, в самый прайм-тайм. Время бизнесменов и прочих акул бизнеса.

— Лешик, я даже не знаю, что тебе сказать.

Он замолчал.

— Наверное, просто скажи «спасибо». И помни — я жду, когда ты будешь свободна... — Он громко задышал в трубку.

— Хорошо, — тепло отозвалась Алиса, — обязательно сообщу. И еще — приезжайте в воскресенье ко мне на обед. Все вы, и режиссеров захватите.

— Нет, в воскресенье не получится, — огорчился Леша, — улетаем в Сибирь.

— С ним?

— Ага.

— А после поездки?

— Тогда в обязательном порядке. Извини, мы тут кое-что снимаем, меня ждут. Пока. И помни — я жду!

Свершилось! Алиса не верила своему счастью. Расскажи такую историю кому-нибудь постороннему — ни за что не поверит, еще рассмеется в лицо, мол, чудес не бывает. А они случаются, очень редко, не с каждым, но случаются. Алиса твердо была уверена в том, что

передача поможет ей вернуться в газету. До эфира она, как и собиралась, обзвонила всех друзей, не забыла коллег из «Дела для всех» и «Семейных традиций». Поразмышляв, Алиса набрала номер телефона Богатыревых. Это было немного рискованно, так как Никита в это время обычно уже бывал дома. Хорошо, что к телефону подошла Ксения Александровна. Услышав от Алисы новость, она долго желала ей успеха, повторяла, что такой исход ей и представлялся, и обещала непременно посмотреть и даже записать на видеокассету передачу.

— Никита на работе, у него важные переговоры, — объяснила она, — вот я и хочу записать передачу для него.

В десять вечера передача вышла в эфир. В половине одиннадцатого запищал домофон Алисы.

— Да, — с замиранием сердца отозвалась Алиса, в глубине души надеясь, что это Никита.

— Это Павел Игнатьевич, открывайте, Раевская.

Алиса нажала на кнопку и машинально подкрасила помадой губы. «Ему-то что надо?» С тревогой она открыла дверь и ждала, пока лифт остановится на ее этаже.

Павел Игнатьевич кивнул Алисе, прошел прямо в пальто в гостиную и остановился в центре комнаты.

— Умный противник — сильный противник, — хмуро заметил коммерческий директор. — Ваша взяла.

— Вы уверены? — стараясь скрыть улыбку, осведомилась Алиса.

— После такого «промоушен», который вы устроили себе и газете? Эта передача раскрутит газету именно так, как нам хотелось. Молодец, госпожа шеф-редактор.

— Спасибо.

— Только одно условие. — Он направил указательный палец в ее сторону. — Короткевич остается у вас в газете.

— Нет!

— А я говорю: останется, это мое условие. Будет заниматься рекламой и отчитываться за это только передо мной, — с нажимом произнес Павел Игнатьевич.

Несколько секунд Алиса размышляла.

— Согласна.

— А теперь, — он почти вплотную приблизился к ней, — не хотите ли отпраздновать окончание своего, скажем так, отпуска?

— Оплаченного отпуска, вы имеете в виду? — невинно поинтересовалась Алиса.

— Конечно, — кивнул Павел Игнатьевич. — Итак?

— Не сегодня, — Алиса сделала несколько шагов назад, — но когда-нибудь обязательно.

— Хорошо. — Он резко повернулся и пошел к выходу. — С завтрашнего дня можете приступать к работе.

— У меня есть личные дела, которые я хотела бы закончить, — в спину ему крикнула Алиса.

Спина застыла не оборачиваясь, Павел Игнатьевич поднял два пальца.

— Два — два? — догадалась Алиса.

— Два дня, — бросил он, — причем за ваш счет.

— О'кей. Я думаю, мы сравняли счет, — весело заметила Алиса, с силой захлопывая дверь.

Через десять минут домофон вновь ожил.

«Никита!» — вновь подумала Алиса.

— Это Мила Короткевич, — гнусаво сообщил домофон, и Алиса молча нажала на кнопку.

«Сейчас последуют оправдания, слезы и уверения в совершенном пощении». Она брезгливо передернула плечами, открывая дверь квартиры и впуская Милу, которая действительно вошла со словами:

— Нам все равно пришлось бы объясниться.

— Не понимаю зачем... — Алисе не хотелось пропускать Милу в гостиную.

Однако она не могла не заметить, что в сегодняшней Миле мало что было от прежней, готовой выполнить любое поручение девушки, которая полгода сидела напротив нее в редакции. Сегодняшняя Мила выглядела старше и, как ни странно, умнее. А может, опытнее — этого Алиса сразу определить не могла.

— Мы же будем работать вместе, — откидывая капюшон короткого рыжего свингера, начала Мила, — давай расставим все точки над і.

— Зачем? — сухо поинтересовалась Алиса, с досадой отмечая, что Мила и сегодня скопировала фасон ее розовой шубки с капюшоном от Ольги Моисеенко. Интересно, зачем она это делает?

— Алиса, — Мила села прямо на пуфик в прихожей, — не думай, что я не знаю, что творится у тебя в душе.

— Вот как?

— Никто не рассчитывал, что ты уйдешь из газеты, Это была полнейшая неожиданность и катастрофа.

— В первую очередь для тебя, — съязвила Алиса.

— После того как я ушла из Останкина, Павел Игнатьевич дал мне возможность попробовать свои силы в газете. Однако это не означало, что свою энергию я должна была тратить на то, чтобы быть у тебя девочкой на побегушках. Я сидела и копила энергию, как аккумулятор.

— Так ты протезе Павла Игнатьевича, — запоздало удивилась Алиса, — и его...

— Нет, — Мила скривила губы в усмешке, — не его. Другого. Но не это главное.

— А что главное?

— Мне скоро тридцать. Да-да! И я не желаю прозябать и горбатиться на чужого дядю, вернее, тетю. — Мила поудобнее устроилась на пуфике. — Я рано научилась жить самостоятельно и сразу поняла, что никогда не буду частью целого — коллектива, команды или группы. Я — это я и буду играть в одиночку. Я ведь не москвичка, родилась в Сочи. Моя мать была курортной медсестрой в Мацесте, отца я не знаю, предполагаю, что это один из курортников кавказской национальности. Достаточно посмотреть на меня в профиль... Видишь мой горбатый нос, мои черные восточные очи?

— Мила, зачем ты все это рассказываешь? — поморщилась Алиса. — Ты же не на исповеди и не у психоаналитика.

— Я должна объясниться, — упрямо повторила Мила.

— Да тебя не узнать, — иронично заметила Алиса, — была тихой, вялой, услужливой. А сейчас такой напор!

— Вот я и говорю, что ты меня плохо знаешь. Павел Игнатьевич посадил меня в редакцию и сказал: «Научишься — получишь газету». Тогда я подумала, что это мой второй шанс — возглавить дело, раскрутиться. Я следила за тобой, подражала. Старалась поймать тот момент, когда ты писала статьи, придумывала что-то новое. Я, как кошка, которая готова сутками сторожить у норки мышь, тихо сидела и караулила свою возможность. И дождалась. И еще: я не желаю довольствоваться полупустой однокомнатной квартирой в Черемушках за сто двадцать долларов в месяц, хозяин которой каждую неделю в мое отсутствие проверяет, на месте ли его разохшаяся старая мебель.

— Не надо объяснять свои деяния трудным детством, — брезгливо поморщилась Алиса. — Ты с благословения Павла Игнатьевича хотела сделать карьеру на чужих костях, но не вышло. Твой трогательный рассказ, кстати, сочувствия не вызвал.

— Сочувствия? — изумилась Мила. — А зачем мне оно? В жизни надо иметь когти и зубы. И будь уверена — я добьюсь своего. Реклама — прибыльный бизнес. — Высказав все, что хотела, Мила медленно поднялась и накинула капюшон на голову. — Это ты доверчивая как ребенок, который верит в Деда Мороза и прочие чудеса.

— А ты в них не веришь? — вырвалось у Алисы.

— Нет! — Мила презрительно тряхнула головой, и Алиса успела разглядеть горячее упрямство в ее черных глазах.

Когда после ухода Милы домофон запищал в третий раз, сердце Алисы екнуло.

«Теперь точно Никита», — обрадовалась она и нажала на кнопку. К ее разочарованию, через три минуты в дверях стоял почтальон.

— Вы ко мне? — изумленно таращилась на него Алиса.

Почтальон поднял грустные, как у спаниеля, глаза на номер ее квартиры и выразительно перевел их на тетрадь, которую держал в руках.

— Вам телеграмма, — с укоризной сообщил он, — распишитесь.

— Телеграмма? — Подпись в тетради вышла кривой.

— Получите... — Почтальон захлопнул тетрадь и вручил Алисе сложенный листок бумаги.

Позабыв поблагодарить печального почтальона, Алиса захлопнула дверь и неаккуратно надорвала бумагу. «Что-то случилось с мамой». От испуга ее руки дрожали. По счастью, телеграмма оказалась не от Зденека и даже не из Чехии, а из Москвы. Ее послал Владислав Артемьев, сообщавший, что он благополучно сбежал со съемок из Венгрии, оставив там Леонида, что по забывчивости он не оплатил счета за телефон и что теперь он вынужден общаться с половиной города в эпистолярном жанре — посредством телеграмм и записок, отправляемых со случайными оказиями. Алиса расхохоталась. Как это похоже на Влада! Далее в телеграмме Влад просил Алису зайти к нему на чашку кофе в двенадцать дня, потому что он очень соскучился и страстно желает ее увидеть. Что же, она сама соскучилась по Владу, у нее накопилось много новостей, а он расскажет ей о съемках. Утро пройдет очень приятно.

Только засыпая, Алиса с обидой вспомнила, что Никита так ей не позвонил и не пришел.

Утро следующего дня выдалось по-настоящему весенним. За ночь снег совсем скукожился, город наполнился птичьим гомоном и купался в солнечных лучах, и Алиса, собираясь на встречу с Владом, была уверена, что сегодняшней весенний день будет особенным. А как же может быть иначе? Она вернется в газету, все тревоги позади. Правда, придется каждый день видеться и даже разговаривать с Милой, но об этом лучше сейчас не думать. Также не надо думать о Никите. Он обязательно позвонит ей, и грустить не стоит.

Когда она, облаченная в модное весеннее пальто, смотрела на себя последний раз в зеркало, чтобы удостовериться, что вполне соответствует этому дню, раздался телефонный звонок.

— Алиса, — зазвенел знакомыми интонациями голос Жанны, — я не рано?

— Еще минута, и ты бы меня не застала!

— Вот и хорошо, давай сегодня встретимся.

— Ты знаешь, я сейчас еду к Артемьеву, может, после... — растерянно проговорила Алиса.

— Вот и отлично. Ты к двум освободишься?

— Думаю, да. — Алиса с сомнением пожала плечами.

— Встретимся в час у метро «ВДНХ». Не забудь взять паспорт.

— Зачем?

— Сюрприз.

— Опять интервью? — догадалась Алиса.

— Умница! — довольно рассмеялась Жанна. — Итак, я тебя жду.

Положив трубку, Алиса еще раз взглянула в зеркало, показала своему отражению язык и, положив в сумочку паспорт, вышла на улицу.

Пьянящий запах весеннего города кружил голову, она радостно улыбалась прохожим и долго не решалась надеть темные очки. Очень уж соскучилась она по солнцу за долгую, почти полярную московскую зиму.

Владислав ждал Алису. Это было заметно по тому, как тщательно был сервирован стол к завтраку, и по обилию цветов в вазах, которые стояли на подоконнике, рояле и столе. Наливая в чашку Алисе кофе, предлагая ей бутерброд, Влад не переставая говорил о телепередаче с участием Алисы, что-то критиковал, что-то хвалил...

— Ах, Влад, — вздыхала Алиса, — ты не знаешь самого главного. Ты застал только конец истории. Начало ее было грустным и даже трагическим.

Влад внимательно слушал рассказ Алисы, иногда вставляя короткие замечания, а иногда вскакивая со стула. Тогда он в волнении прохаживался по комнате, делал яркий жест, комментируя повествование Алисы, и снова присаживался к столу.

— Однако, — он залпом осушил стакан апельсинового сока, когда рассказ Алисы был окончен, — даже не верится, что все это происходило с тобой.

— Я сама до сих пор в этом не уверена, — рассмеялась Алиса. — Чудеса, да и только!

Влад придвинул стул к Алисе и поцеловал ее в щеку:

— Я рад, что все хорошо закончилось.

— Влад, — она отстранилась от него, отодвигая свой стул, — у меня есть еще одна новость для тебя.

— Ты выходишь замуж.

Алиса изумленно раскрыла глаза, не в силах выговорить ни слова.

— Откуда ты знаешь?

— Ты мне снилась, — забавляясь ее недоумением, сообщил Артемьев, — и снилась очень часто. Ты была с каким-то мужчиной. Его лица я не видел, но знал, что это мой соперник. А однажды я увидел вас в цветущем яблоневом саду. Я сидел напротив вас на скамейке, но вы не замечали меня. Розовые лепестки все сыпались и сыпались... Вот, — он протянул Алисе книгу, — это новая. Я посвятил ее тебе и главную героиню назвал твоим именем.

— «Опасная невеста», — прочитала Алиса название и открыла книгу.

«Посвящается дорогому другу Алисе» — курсивом было набрано на первой странице. «Алиса запоминалась сразу — стройная, подвижная, светлые, распущенные по плечам волосы, задумчивый взгляд серо-голубых глаз, отличное чувство юмора», — прочитала она начало очередного бестселлера.

— Влад! — потянулась она к нему. — Спасибо! Спасибо тебе!

— Да ладно... — Артемьев был растроган. — Честно говоря, если бы не твой образ, я бы ее никогда не закончил. Все не получалось с сюжетом, концы с концами никак не сходились.

— Влад... — Алиса молча прижала книгу к сердцу.

— Ты только не исчезай. Пусть этому парню повезло больше, чем мне, но ты вспоминай меня, навещай. Мы все-таки коллеги. Вот видишь, послушала меня, книгу написала.

— Ты говоришь, как столетний дед!

— Многие годы ты была моим другом, моей музой, моей надеждой, — не слушая ее, продолжил Влад. — Стыдно признаться, но когда ты раз за разом отказывалась от моих предложений руки и сердца, я испытывал облегчение. Ведь мой старый страх до сих пор живет во мне.

Алиса встала и подошла к окну.

— Яблоневый сад в цвету, — она наклонилась к вазе с пушистой желтой мимозой, — это так романтично, так красиво. Райская картинка.

— И райское яблоко, — подсказал Влад, — вкушай только от этого плода в меру.

Обернувшись к Артемьеву, Алиса рассмеялась и вдруг испуганно вскрикнула:

— Боже мой!

— Что такое?

— Время! Я опаздываю! Меня Жанна ждет!

— Где твоё пальто? Сейчас поймем такси! — Влад помог Алисе надеть пальто, накинул на себя куртку, и в большой спешке они выбежали из квартиры.

По счастью, водитель первой машины, которую остановил Влад, согласился отвезти Алису «быстро и аккуратно» в район ВДНХ.

— Ну, — открывая Алисе дверцу, вздохнул Влад, — будь счастлива.

Она обняла его и легко поцеловала.

— Спасибо тебе за все. Я никуда не пропаду, я буду с вами всегда.

— И я буду с тобой всегда! — эхом откликнулся Артемьев.

— Господа, мы едем или стоим? — стал проявлять признаки беспокойства водитель. — Если вам надо быстро, то я не ручаюсь...

Алиса юркнула в салон автомобиля, махнула рукой Владу и откинулась на спинку сиденья. Лишь тогда она заметила, что в руках сжимает не только сумочку, но и посвященную ей книгу Артемьева.

— Марат Куш, — с завистью констатировал водитель, глядя в зеркало заднего обзора.

— Да.

— Новая? Как называется?

— «Опасная невеста».

— Везет, — с ноткой зависти произнес водитель, — а где взяли?

— Автор подарил, — улыбнулась Алиса.

— Сам?

— Сам.

— А где же вы его встретили?

— Там же, где и вы. Это он провожал меня.

— Да ну! — прищелкнул языком от огорчения водитель. — Что же вы не сказали, девушка, я бы автограф попросил. — И из уважения к знаменитому писателю водитель прибавил скорость.

— Наконец-то! — с упреком встретила Алису Жанна. — Я думала, что ты не придешь!

— Извини, заболталась совсем! Так куда мы идем?

— Узнаешь. Все свое время.

— К фонтану «Каменный цветок», поесть шашлыков? — сострила Алиса.

— Нет, к гостинице «Космос».

— Куда?! — Алисе показалось, что она ослышалась.

Но Жанна уже спускалась в подземный переход, и Алисе ничего не оставалось, как следовать за ней.

— Пойми, во все времена для женщины лучшим стимулом и средством от сердечных недугов была парикмахерская. Ты не исключение. Здесь ты отдохнешь, преобразишься и будешь полностью готова к самому ответственному шагу в своей жизни.

— К чему?

— Ты сегодня сделаешь предложение Никите.

— Что?! — Алисе показалось, что она ослышалась.

— Ты позвонишь Никите и скажешь, что ты его ждешь, чтобы пойти в загс и подать заявление.

— Как ты не поймешь, Жанна, я не могу этого сделать! — возмутилась Алиса.

— Не носи чушь! — Жанна наклонилась к ней. — Ведь он ждет! Он ждет, пока ты *сама* ему позвонишь и скажешь сакраментальное «да». И будет ждать. Поэтому если являться к нему, так королевой!

— Не вижу никакой логики! — язвительно произнесла Алиса.

— Ты так ничего и не поняла, дурочка, пойдем.

— Куда ты меня тащишь?

— Кстати, о деньгах не беспокойся, считай, что это мой подарок, — сухо бросила Жанна и открыла дверь. — Здесь, в салоне «Жак Дессанж», у меня есть знакомый мастер. Я однажды делала передачу о сети этих салонов, познакомилась со всеми, потом стала сюда ездить как клиентка.

В салоне их встретила улыбчивая девушка-администратор. Она узнала Жанну, поздоровалась с Алисой. Жанна хозяйским жестом теребила светлые локоны Алисы, которая лихорадочно обдумывала, как бы ей увильнуть от предложения Жанны и избежать объяснения в любви.

— Алиса, что с тобой? — Жанна теребила подругу за рукав. — Ты что, оглохла?

Алиса вздрогнула и посмотрела на Жанну. Рядом с ней стояла стройная миловидная девушка.

— Меня зовут Юля, — представилась она, — сейчас я займусь вашей головой.

Пока Алиса шла через зал к назначенному ей месту, она не могла не заметить, что мастера, словно подсолнухи за солнцем, поворачивались к ней и дружески улыбались. Улыбки мастеров и клиентов отражались во множестве зеркал, витали в воздухе, создавали необыкновенно бодрящую ауру. «Какие одухотворенные лица, — подумала про себя Алиса, — они не просто стригут и красят, они творят».

Уже другая приветливая девушка, Полина, колорист, подобрала для Алисы краску и несколькими быстрыми штрихами нанесла ее на волосы. Девушки ни на минуту не оставляли Алису, ободряюще улыбались ей, отвечали на вопросы, охотно давали советы. Когда все процедуры были закончены, Алиса внимательно посмотрела на себя в зеркало. Нет, она не увидела там преображенную Золушку. Волосы были чуть короче, в них таинственно заблестали пряди цвета старинного золота. Но именно эти маленькие изменения, сделанные рукой мастера, преобразили лицо Алисы. Оно стало моложе, нежнее, а серые глаза приобрели таинственную глубину. Ей показалось, что все клиенты салона дружелюбно смотрят на нее.

— Вот это я понимаю! — обрадовалась Жанна, допивая кофе. — Теперь ты

действительно немного стала похожа на королеву.

— Как? Только немного? — возмутилась Алиса.

— Ладно. Ты классно выглядишь. Я очень люблю этот салон. Никогда не испортят, а обязательно найдут в каждой женщине ее изюминку и подчеркнут редкими, но правильными штрихами. Я часто наблюдала, как совсем невзрачные женщины превращались здесь в очаровательных принцесс.

Они попрощались с мастерами и направились к метро.

— Тебе действительно понравилось? — поинтересовалась Жанна.

— Да, очень. И еще, — мечтательно добавила Алиса, — я напишу о них статью. Это ведь не просто салон, это лаборатория, где создается красота.

— Неплохая тема, — согласилась Жанна, — только теперь тебе надо подумать о другой теме.

— О чем?

— О том, что ты скажешь Никите.

— Да, это ужасно! Ты меня заставляешь делать невозможные вещи! — воскликнула Алиса. — Но почему сегодня?

— А почему бы и нет? — Жанна огляделась вокруг. — Сегодня среда, три часа дня, он сидит на работе и ждет твоего звонка.

— Жанна, — Алиса стиснула руки, — я боюсь!

— Не бойся, — Жанна подтолкнула ее к ближайшему телефону-автомату, — поверь мне на слово, у тебя это настоящее чувство! А я знаю, что говорю!

— Нет, я так не могу. — Алиса расстроено посмотрела на Жанну. — Давай не сегодня.

— Детский сад какой-то! Ладно, пойдем посидим на той скамейке, она, кажется, сухая, — кивнула Жанна в сторону, — я покурю заодно.

Они сели на скамейку, жмурясь от яркого весеннего солнца. Неподалеку от скамейки разгуливали симпатичные тетеньки с огромными охапками мимозы в руках. Они выжидающе смотрели на женщин, сидящих на скамейке, но не спешили предложить свой пушистый товар. Жанна закурила:

— Совсем весна!

— Да, — зажмурилась Алиса от лучей яркого солнца. — Мимозы навеяли воспоминание об одной смешной истории.

— О любви? — осведомилась Жанна.

— Почти. Слушай. Это было несколько дней спустя после нашей встречи у тебя на радиостанции. Валентинов день у нас так и не прижился, хотя на работе кое-кто пытался устроить небольшую вечеринку. Тусовщики остались в редакции, а я поехала домой — болела голова. Я ехала в метро, тупо уставившись в слепую темноту за окном вагона. Было душно, тесно и многолюдно. Пассажиры яростно отпихивались от огромного капюшона моей любимой розовой шубки, и во мне постепенно росло жгучее желание стукнуть кого-нибудь или закричать.

«Это ты-ы-ы?» — кто-то легко коснулся моего рукава.

Я вздрогнула — рядом со мной стоял Сережа. Он изменился. В его когда-то беспокойных голубых глазах я прочитала выражение полного удовлетворения жизнью, даже некоторую леность и благодущие. Сережа выглядел вполне довольным собой и своей судьбой человеком, и от этого он, как ни странно, сильно проигрывал себе самому, прежнему — немного порывистому, немного мечтательному, немного инфантильному и

трепетному Сереже. «Как ты?» — спросила я, вглядываясь в неподвижные точки его зрачков. «Замечательно! — с наслаждением произнес он. — Я женился, у меня дочь. Жена у меня прекрасная хозяйка, отлично готовит, содержит дом в чистоте и уюте, работает медсестрой в больнице! Она... не такая интеллектуалка, как некоторые, но надежный, верный человек». «Работаешь?» — поинтересовалась я. «Да! — с жаром подхватил он. — Подучился кое-чему, стал программистом, а теперь я локальный администратор компьютерной сети в одной фирме». И Сережа посмотрел на меня со значением. «А как же астрология?» — спросила я. «Да... — лицо его немного померкло, — звезды — люди ненадежные». Он покрутил головой и усмехнулся: «Ты знаешь, я счастлив. По-настоящему. Никогда не думал, что со мной такое может произойти. Вот, — он потряс букетом пышной мимозы, щедро осыпавшей пыльцу на пальто пассажиров, — жене в подарок везу, сегодня же Валентинов день!»

— Ну и кто же этот примерный семьянин? — заинтересованно спросила Жанна.

Алиса вздохнула:

— Поэт, астролог, одиноко размышлявший о судьбах планеты и публиковавший результаты своих ночных размышлений в СМИ. Сережа Тверской никогда не отказывался приехать ко мне на чашку чаю. Он был влюблен в меня, но вяло и как-то неинтересно, я бы даже сказала, не проявляя инициативы. И вот, пожалуйста, не прошло и двух лет, а он женат, ведет оседлый образ жизни, тащит домой букет мимоз!

— Ну и слава Богу, — удивилась Жанна, — тебе-то что, жалко?

— Да как тебе сказать... Тогда в метро я слушала его, кивала и старательно улыбалась. Неужели человек так может измениться? Дома я приняла таблетку от головной боли и стала думать о Сереже. Как-то после окончания очередного романа я пригласила Сережу в гости, что-то типа «клин клином вышибают». А может, мне просто было грустно.

Он пришел, как всегда, с большим опозданием и маленьким букетом. Мы пили вино, болтали. Вечерело. «Клин клином» не получался, и я с тоской смотрела в окно, ожидая, когда Сережа соберется домой. Потом мы долго стояли на балконе, пока совсем не стемнело. Комната, освещаемая лишь свечами, томящимися в тяжелых бронзовых подсвечниках, казалась каютой корабля. Мир уплывал от нас, а мы стояли на балконе, как на палубе, и махали рукой оставшимся на берегу.

Сережа наклонился ко мне, и через секунду я почувствовала вкус его губ. «Странно, как это он решился?» — удивилась я.

Мы целовались, болтали, душная летняя синева медленно опускалась на законный пейзаж.

Спустя час я полностью взяла себя в руки и мягко, очень обходительно стала выставлять Сережу за дверь. Но не тут-то было! Сережа округлил глаза и наивно произнес: «Уже ведь поздно. Метро закрыто, а на такси у меня денег нет».

Господи, твоя воля! Я вихрем сорвалась с дивана и, разыскав в кошельке две купюры, засунула их в ладонь Сережи. С досадой я думала, что Сережа, конечно, хороший, милый, но инфантильный. Или он просто эгоист? Больше Сережу я не хотела видеть. Смятые купюры, которые я вручила мужчине на такси, не выходили у меня из ума. Женщина платит мужчине, чтобы он ушел!

— Ужасно! — передернула плечами Жанна. — Терпеть не могу жадных мужчин!

— И я ненавижу! Но может, он изменился в лучшую сторону?

— Думаешь, жена перевоспитала?

— А вдруг?

— Нет, дорогая моя, характер не перевоспитаешь. Нечего воображать себя папой Карло и пытаться выстругать из неотесанного полена Буратино.

Алиса звонко расхохоталась.

— Надеюсь, твой Никита не нуждается в перевоспитании? — насмешливо осведомилась Жанна.

— Нет, — покачала головой Алиса, — конечно, нет.

— Расскажи мне о нем.

— Ну, — Алиса закатила глаза, — он такой разный! Искренний и загадочный, нежный и жестокий, сильный и трогательный... Ты знаешь, его присутствие никогда меня не тяготит. Очень редко можно встретить человека, который умеет быть ненавязчивым.

Она посмотрела на Жанну.

— И почему ты здесь до сих пор сидишь? — воскликнула Жанна. — Беги скорее!

— Куда? — не поняла Алиса.

— К телефону!

Алиса несмело поднялась со скамейки и сделала несколько шагов по направлению к будке телефона.

— А что мне ему сказать? — обернулась она к Жанне.

— «Я вас люблю, чего же боле...» — пропела Жанна и подмигнула Алисе: — Иди и не оглядывайся!

Нагретая солнцем телефонная будка пахла пластиком и резиной. Помедлив, Алиса вставила телефонную карточку в щель автомата, набрала номер и, слушая гудки на другом конце провода, лихорадочно составляла первую фразу.

— Да, — сонно отозвался голос секретаря фирмы, в которой работал Никита.

Алиса облизнула пересохшие губы:

— Богатырева, будьте добры.

В трубке что-то шелкнуло, а потом неожиданно грянул «Турецкий марш» Моцарта.

Алиса так и не успела придумать, что она скажет Никите, когда марш резко оборвался и знакомый, родной голос близко-близко сказал:

— Слушаю.

— Это я, — хрипло выдавила Алиса.

— Алиса? — Он выдохнул и замолчал.

— Никита... — позвала Алиса. Ей казалось, что земля уходит из-под ног.

— Алиса! Ты где? Как же хорошо, что ты позвонила!

— Я хочу сказать... — Алиса задохнулась (Господи, как же трудно было Татьяне Лариной!). — Я люблю тебя и согласна быть твоей женой.

— Алиса!!! — потрясенно закричал Никита. — Я сейчас к тебе приеду!

— Я не дома. Давай встретимся на Тверской, у магазина «Подарки», через полчаса.

— Я уже выезжаю!

— Я буду ждать.

— Алиса!

— Да?

— Я люблю тебя.

Алиса выдохнула и осторожно повесила трубку на рычаг. Жанна была права, Никита действительно ждал ее звонка. А где же Жанна? Алиса оглянулась, но скамейка, на которой

недавно сидели подружки, была пуста.

— Спасибо, дорогая, — прошептала Алиса и направилась к станции метро. Немного кружилась голова, ей казалось, что она идет не по асфальту, а перебирает ногами в золотистом воздухе, напоенном чуть горьким запахом мимозы.

До условленного места встречи Никита добрался раньше Алисы. Закрывшись от солнца ладонью, он смотрел, как она шла ему навстречу — легкая, в светлом весеннем пальто и белых сапожках. Солнце не жалело своего сияния для ее золотистых волос — они вспыхивали то рыжими, то лимонными, то лунно-серебристыми блестками. Она шла ему навстречу, засунув руки в карманы, немного щурясь. Он многое бы отдал за то, чтобы узнать, о чем она сейчас думает. Когда она позвонила ему первой, он чуть не сошел с ума от счастья. Еще немного, и он сдался бы и позвонил ей сам. Она идет к нему, эта удивительная, целеустремленная, умная, молодая женщина, и у него перехватывает дыхание. «Вместе — навсегда! Это будет новая семья, конечно, у нее будут свои традиции. Интересно, приедет ли ее мать с мужем-чехом на свадьбу?» Что за глупые мысли лезут ему в голову? Она уже совсем близко, и он явственно различает ее лицо, глаза, смеющийся рот.

«Вот он, мой будущий муж. Какое странное слово, до сих пор не верится, что это происходит со мной. Даже если я еще не поняла, люблю ли его по-настоящему, это не так важно. У меня будет много времени на то, чтобы разобраться в этом. Он — милый и так любит меня. Как хорошо будет, если на свадьбу приедут мама со Зденеком!»

Что ни говори, а в каждом из нас живет маленький ребенок, который верит в чудо. И здесь практически нет исключений из правил. Когда в центре большого грохочущего города наконец встретились *он* и *она*, все вокруг поняли, что чудо произошло. Даже если в это трудно было поверить сразу.

МАСКА СЧАСТЬЯ

Я с отвращением смотрела в окно — такое ощущение, что находишься в колодце и только на самом верху можно увидеть голубой лоскуточек неба, — наше трехэтажное здание совсем затерялось среди высоких слепых стен окружающих домов. Наш колодец глубок и тенист даже в самый солнечный день. Отчаяние и тоска захлестывали меня, как утлое суденышко девятый вал. Вот почудилось, будто окно приблизилось ко мне, словно приглашая распахнуть заскорузлые рамы и перебросить свое тело за подоконник. А как же родители? Они так будут горевать. И окно вновь отодвинулось назад.

Я действительно не хочу причинять страданий своим родителям — бывшим археологам, романтикам до мозга костей, перекопавшим в поисках стоянок первобытных людей не одну тонну земли и песка от Урала до Средней Азии и осевшим теперь в выстроенном собственными руками деревянном «дворце» в Карелии. Они и там делают удивительные находки, сдают их в местный краеведческий музей, пишут роскошные письма-монографии своей непутевой дочери в Москву.

Мое воспитание было весьма своеобразным. Родители привыкли любить меня на расстоянии, а до четырнадцати лет меня опекали две бабушки — бабушка Лена и бабушка Оля. Бабушка Лена, на самом деле моя прабабушка, сохраняла до самой смерти ясный, трезвый ум, необыкновенную красоту и фрейлинский шифр, которым гордилась больше всего. Родом из обедневшего, но знатного дворянского семейства, выпускница Смольного, бабушка Лена рано вышла замуж за героического полковника, причем по взаимной и страстной любви, получила почетное звание фрейлины ее императорского величества и оставалась ею вплоть до рождения дочери. Прадедушка погиб во время Первой мировой войны, кроме дочери, у прабабушки никого не осталось, и она уехала в подмосковное имение. Непостижимо, но лихие тридцатые годы, сталинские репрессии обошли прабабушку стороной. Может, причиной тому была ее жизнь, посвященная детям, — до глубокой старости она руководила школой, где и учителя, и ученики с равным трепетом относились к ее знаниям, благородству души и негибаемой воле. А может быть, моя бабушка, лихая комсомолка Олюшка, оградила свою мать от страшных сталинских лагерей. Настоящий красный дьяволенок, бабушка Оля свято верила в идеалы мировой революции, успела выйти замуж за отважного героя Гражданской войны, родить сына и потерять мужа в абсолютно мирное время — он умер от тифа. В Отечественную войну обе бабушки отдали все фамильные ценности на оборону, днями и ночами работали в госпитале сестрами милосердия. Они так и остались вдовами, замуж больше не вышли, сообща воспитывали моего отца, а потом меня. Я росла без сказок — рассказы бабушки Лены о быте дворянских семей, генеалогия основных дворянских родов открывали мне настоящую российскую историю. А бабушка Оля вместо колыбельных пела мне на ночь комсомольские песни, рассказывала о героях Гражданской войны, о великом светлом будущем, которое ожидает народы. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, бабушки Лены не стало, и в нашем доме стало пусто. Бабушка Оля стала часто хворать, как-то съежилась, постарела, и из бескрайних песков какой-то пустыни были срочно вызваны мои родители-археологи. Тот факт, что у них незаметно выросла дочь, озадачил их невероятно, они как-то совсем перестали ориентироваться во времени и представляли меня все еще пятилетней крохой с большим белым бантом на голове. Разлучаться им не хотелось, но пришлось — теперь в экспедициях

поочередно пропадали то мама, то отец. Зато когда кто-нибудь из них бывал рядом, о чем только не было переговорено! Мои родители словно старались наверстать упущенное время общения с матерью и дочерью и рассказывали, рассказывали... Загадочный мир древних курганов, этрусков и скифов прочно занял свое место в моем сердце, нимало не потеснив ни бесконечного почтения к царской фамилии и дореволюционному российскому укладу жизни, ни ностальгической любви к красным дьяволятам.

После смерти бабушки меня стали брать в экспедиции. Об археологической экспедиции нельзя рассказать — в ней надо побывать, подышать тем воздухом, порадоваться и погоревать вместе со всеми и набить огромные кровавые мозоли на руках.

А дальше — МГУ, археология. Бесконечно счастливые годы. Мне до сих пор снятся сны, навеянные впечатлениями от наших экспедиций: керамика раннеземельских племен Средней Азии, украшенная простыми узорами розовой и красной краской по золотистому фону; удивительные находки, хранившиеся в днепровских курганах, — женские статуэтки, медная кухонная утварь...

Потом все исчезло, прекратили финансирование, закрыли темы. Родители нашли себя в снежной Карелии, а я осталась между небом и землей со смешной профессией «археолог» и недописанной диссертацией. Два языка, выученных еще в детстве, знание машинописи мне оченьгодились в новой жизни. Одна благословенная контора сменялась на другую, постепенно я превратилась в секретаршу Таечку. О моем археологическом прошлом никто не знал, да мне и самой с трудом верилось, что когда-то были экспедиции, настолько круто изменилась моя судьба. Да, недостойной оказалась я своих славных предков! Все они были Личностями с большой буквы, но, как говорится, в семье не без урода.

Нынешняя фирма оценила мои способности и усидчивость, повысив звание и оклад. Теперь я — специалист по реализации и обработке информации. Проще говоря, второй эшелон, следующий за победным первым, состоящим из моих более удачливых и более уверенных коллег, заключающих контракты, получающих за них премии. Мне же достаются отслеживание платежей, сверки технических спецификаций, ночные звонки в дальневосточные порты отгрузки и, конечно же, рекламации. Меня знают на всех предприятиях отрасли — начиная от уровня инженера отдела внешнеэкономических связей и ниже, в то время как мои «звездные» коллеги имеют дело с «генералами» — гендиректорами фирм и президентами...

Обеденный перерыв закончился, я нажала неприметную черную пипочку настольной лампы, и маленькое солнышко золотым кружком легло на заваленный факсами, записками и прочей бумажной дребеденью стол. Каждый день я прихожу к девяти, пишу письма, обзваниваю клиентов, перевожу факсы. Изредка до меня доносятся сведения о международных археологических экспедициях, снаряжаемых какими-то фондами и ассоциациями, где мелькают имена моих сокурсников, но это все так далеко. Золотая, звенящая романтическая пора прошла, и невидимый гигантский нож четко отсек территорию, в пределах которой мне допускается передвигаться... Мне двадцать восемь, я живу в центре Москвы, в двухкомнатной квартире. Моего заработка хватает на удовлетворение основных потребностей и некоторых прихотей. У родителей своя жизнь. Все мое прочее окружение отличается некой аморфностью, киселеобразностью, неуверенностью и противоречивостью — «скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Да и зачем обращаться к друзьям, когда тебе тяжело? Непременно услышишь в Ответ: «А кому сейчас

легко?» Театры, музыка, книги — вот и все, что мне остается. Два года назад в моей жизни появился Максим — идеальный человек, за которого я бы хотела выйти замуж. Он спокоен, терпелив, очень сдержан и не заиклен на сексе. Но... женат. Стыдно признаться, чего я только не придумывала, чтобы почаще бывать с ним, — искала возможность общаться с ним по деловым вопросам, приписывала нашему знакомству давние кармические связи. Чувство долга не дает ему уйти из семьи, и это повергает меня в жуткую депрессию!

Поэтому в душе поселилась такая пустота, ощущение бессмысленности проживаемых лет, что гулкость нашего колодца кажется единственным избавлением. Как по закону математики минус с минусом вместе дают плюс, так и мне кажется, что соединение двух пустот даст хоть какой-то результат. За мой черный сплин взялась коллега Инна — ей почему-то кажется, что я нуждаюсь в ее опеке, — звонит, вечно тащит меня куда-то с собой — то в театр, то на дачу. Сегодня Инна молча протянула мне визитную карточку, на которой изящной вязью были выведены имя и фамилия. Слово «психотерапевт» сразу бросилось в глаза.

— Что я, псих, по-твоему! — вскипела я.

— Это же классный врач, — убеждала меня Инна, — справится с твоей депрессией в два счета.

Я продолжала протестовать, но Инна не сдавалась.

— Он тебе позвонит завтра, сам... Надо выкарабкиваться, Тая.

На следующий день, поздно вечером, раздался телефонный звонок:

— Это Таисия? — с непонятным азартным интересом спросил мужской голос.

— Да, слушаю! — неприязненно взорвалась я.

— А это Вадим Ефимович вас беспокоит, психотерапевт. Прошу прощения за поздний звонок, но я только что вернулся с консультации, — жизнерадостно сообщил мне доктор.

Я молча взглянула на часы — половина двенадцатого.

— Ваш телефон мне дала Инна, — чтобы окончательно развеять мои сомнения, добавил психотерапевт.

— Да, я знаю, — постаралась я придать своему голосу нотки приветливости.

— Нет ли у вас желания встретиться со мной и поговорить? Скажем, завтра?

«Чем быстрее отделаюсь, тем лучше», — подумалось мне, и я обреченно спросила:

— Где и когда?

Энтузиазму на том конце провода не было предела, и Вадим Ефимович буквально завопил:

— Замечательно! В поликлинике, в моем кабинете. В семь вас устроит? Записывайте адрес — к нам лучше добираться «партизанскими тропами».

* * *

На следующий день, изнемогая от желания послать психотерапевта-оптимиста подальше, я все же взяла себя в руки, поймала такси и всю дорогу мысленно представляла встречу с доктором. В вестибюле поликлиники было полутемно, витали специфические запахи, на мой робкий стук в дверь с надписью «Психотерапевт Шульц В.Е., к.м.н.» никто не ответил. Я нажала на ручку двери и вошла в совершенно обычный кабинет врача — ни метрономов, ни блестящих шариков, ни синих лампочек, чтобы вводить пациентов в

состояние транса, ни самого доктора.

— Таисия! — жизнерадостный голос вспугнул тишину — в кабинет входил коренастый мужчина средних лет с карими библейскими глазами. Его белый халат резко контрастировал с жесткими черными волосами и от этого казался еще белее. Вадим Ефимович пригласил меня сесть на довольно неудобный стул, а сам сел напротив. Несколько минут мы изучали друг друга. Неизвестно, что выражало мое лицо, но доктор внезапно попросил меня перечислить все, что мне не нравится в жизни. Я удивилась, но перечисляла долго и с упоением, а Вадим Ефимович сосредоточенно слушал. Оказалось, что в этом мире не существует ни одной вещи, которая бы мне нравилась. Опустошенная, я замолчала.

— Как вы чувствуете себя теперь?

— Странно, но мне стало лучше, как будто я освободилась от какой-то тяжелой ноши, давившей неделями мне на плечи.

— Прекрасно!!! — завопил доктор, его оптимизм все больше раздражал меня.

— Ну а теперь, когда вы немножко выпустили пар, мы можем спокойно поговорить о более конкретных вещах. Инна рассказала мне о вас только в общих чертах... Кстати, хочу вас поздравить — вам повезло с подругой, она из тех людей, кто всегда приходит на помощь в беде.

Я сделала соответствующую мину, подумав про себя, что никогда не обращаюсь к друзьям с бедой — боюсь разочароваться. Тем более что в этой жизни мне достаточно измен. Бабушка Лена любила повторять русскую поговорку: «Был Филя в силе, все в дружки к Филе валили». Я до сих пор удивляюсь точности и мудрости русского фольклора.

— Итак, — произнес Вадим Ефимович, — что же вас тревожит?

— Мне просто неинтересно жить, — выдавила я из себя, все еще не глядя в глаза собеседнику, — на работу я хожу как на каторгу, перспектив нет, в стране творится невесть что, человек, которого я полюбила, женат.

— Правильно ли я вас понял, что ни один аспект вашей жизни не удовлетворяет вас? — въедливо переспросил психотерапевт.

— Да, — отозвалась я и вкратце познакомила доктора со своими проблемами.

— Что же, — задумчиво пробормотал Вадим Ефимович, — в наше время узкий круг избранных друзей, хорошая музыка и книги — прекрасное средство для выживания. Нелюбимая работа теперь не редкость, но если там платят хорошо и вовремя, то глупо искать что-либо другое, тем более в стране, где «творится невесть что». Увы — сейчас не до фантазий о любимом деле и творчестве, речь идет о выживании. Согласны?

— Ну да, — кисло подтвердила я, — не можешь изменить ситуацию — измени свое отношение к ней.

— А вот с вашим романом можно поработать, — продолжил доктор, словно не слыша моих слов. — Даю вам домашнее задание — представьте и опишите мне в следующий раз, как бы развивались события, если бы Максим сегодня же сообщил, что готов развестись и через неделю женится на вас. Поработайте воображением, на следующей встрече мы поговорим об этом.

Я взглянула на часы и поразилась — десять вечера! Ничего себе поговорили! Возвращаясь в свое привычное угнетенное состояние духа, я нашарила в сумке кошелек, выудила оттуда зеленую бумажку с цифрой 50 в кружке и протянула Вадиму Ефимовичу.

— Мерси, — сказал он и небрежным движением отправил купюру, словно записку или телефонный счет, в карман халата. — Когда вы позволите мне позвонить?

— Все равно, — отозвалась я.

— Сразу предлагаю встретиться на следующей неделе в среду, часов в пять, есть возражения?

Командировок не намечалось, работы было немного, против среды я не возражала, как, впрочем, и против других дней недели. Я вяло кивнула и, обдумывая неожиданное домашнее задание, вышла из поликлиники.

Выбираясь из Тмутаракани, где располагалась поликлиника, я мысленно воспроизводила свой бессвязный рассказ, кляня себя за глупость и косноязычие. Подходя к дому, я твердо решила больше не идти на поводу у своих подруг и пообещала себе, что Вадима Ефимовича я больше никогда не увижу.

Здравый ли смысл или простое любопытство заставили меня изменить первоначальное решение. Домашнее задание врача оказалось совсем непростым; с этого вечера, что бы я ни делала — заваривала чай, смотрела фильм по видеку, принимала душ, — я постоянно представляла Максима рядом, в моей квартире, выдумывала диалоги, прокручивала разные ситуации. Честно сказать, у меня получалось плохо. То я воображала, как во время интереснейшей сцены боевика Максим требовал переключить телевизор, где должны транслировать футбольный матч, то стучал в дверь ванной с вопросом, не случилось ли что со мной и почему я так долго принимаю душ, то будил меня среди ночи с требованием дать таблетку от кашля... Да, таким он был — немного занудливым, но порядочным и добрым... Ночами я смотрела на пустое место рядом с собой и спрашивала себя, хотела бы я, чтобы он оказался в моей постели... Как он спит? Храпит или дышит тихо-тихо, как мышь? Какой он утром — злой, рассеянный или все такой же милый, спокойный? Сколько он ест? Разбрасывает ли по всей квартире свои носки, как это делают девяносто процентов мужчин?

Домашнее задание доктора сводило меня с ума. Меня бросало то в жар, то в холод — иногда я распаляла себя фантазиями о Максиме до такой степени, что желала видеть его рядом сейчас же. Иногда безумная злость росла во мне, и я начинала его тихо ненавидеть...

В среду Вадим Ефимович позвонил мне с утра. Извиняющимся голосом он попросил перенести нашу встречу на более позднее время, и я согласилась.

— Кстати! — закричал психотерапевт, когда я уже была готова положить трубку. — Я буду проезжать мимо вашей конторы и могу вас захватить. У меня бордовая «девятка», ее легко узнать — помято левое крыло. До встречи, как и договорились, в девятнадцать ноль-ноль!

Я вернулась к запутанной проблеме пропавших без следа на Дальнем Востоке двух вагонов с химикатами, купленными нашей фирмой, но, продираясь сквозь нагромождение цифр, продолжала мысленно готовить монолог для Вадима Ефимовича. Около пяти вечера надвинулись черные грозовые тучи, откуда на город Ниагарским водопадом обрушился сплошной поток дождя. Как кстати оказалось предложение Вадима Ефимовича подвезти меня на машине! Ровно в семь я топталась под большим клетчатый зонтом в ожидании доктора. Наконец «девятка» затормозила рядом со мной, дверца распахнулась, и Вадим Ефимович завопил:

— Прыгайте!

Борьба с не желающим закрываться зонтом, лужа, в которую пришлось ступить, способствовали тому, что в машину я попала абсолютно мокрая и злая. Бросив зонтик под ноги, я нашарила в сумке носовой платок и принялась приводить себя в порядок. Выместив

на маленьком кусочке батиста всю свою злость, успокоившись, я впервые посмотрела на своего спутника. Вадим Ефимович попытался пошутить по поводу моего довольно жалкого мокрого вида — я сморщилась от этой шутки, как от зубной боли. Доктор бросил на меня беглый взгляд и замолчал. Больше мы не обменялись ни словом. Я даже внутренне пожалела о своем резком тоне — обидела человека. Почему это я решила, что психотерапевты — толстокожие носороги и должны выдерживать натиск не очень нормальных людей, как скала в шторм? Из дня в день в течение нескольких десятков лет они должны выслушивать горестные истории, терпеть чьи-то слезы, сохраняя при этом свой собственный рассудок в полном здравии. Я уверена, что в обычной жизни они ненавидят чужие истории и мечтают о том, чтобы вокруг были тишина и покой. Может, когда психотерапевты уходят на пенсию, они становятся лесниками и привольно живут в молчаливом общении с природой. Чтобы сгладить неловкость, я несмело заметила:

— Дождь сегодня льет как из ведра.

— Что вы говорите? — с комическим удивлением воскликнул Вадим Ефимович.

Его широкая улыбка ясно давала понять, что он не обиделся. Тем временем машина подъехала к зданию поликлиники, дождь прекратился, клочья серых туч неслись по абсолютно голубому небу, по которому перекатывался, как сказочное яблочко по блюдечку, огромный желтый шар солнца.

Наш разговор в уже известном кабинете ничем не отличался от предыдущего, мы говорили обо всем и ни о чем. Я поняла, почему Вадим Ефимович выбрал для себя именно эту профессию, и узнала о его родителях-врачах, интеллигентах в третьем колене из Тулы, посвятивших себя служению медицине. Для моего доктора работа была призванием — он помнил каждого пациента, каждую историю болезни. Ему было интересно — счастливый человек! Он был женат второй раз, но ничто не могло его отвлечь от любимой работы — ни сварливый нрав супруги, ни растущая кроха дочь.

— Ну как наше домашнее задание? — наконец задал врач долгожданный вопрос.

Я даже подскочила на месте от нетерпения. Описывая в красках свои колебания, я очень надеялась на то, что Вадим Ефимович поможет, даст единственно правильный совет, хотя уже было очевидно, что принимать решение придется все равно мне. Вадим — психотерапевт, а не маг и не волшебник, приворотного зелья не даст. Доктор говорил пространно и долго, приводил примеры, задавал каверзные вопросы. Второе домашнее задание предписывало мне повнимательнее присмотреться к Максиму, увидеть его хорошие и плохие стороны, почувствовать свое отношение к ним.

Через полтора часа я поднялась с противного жесткого стула и, положив на стол соответствующую зеленую бумажку, попрощалась с врачом.

— Подождите! — воскликнул доктор, когда я уже была готова закрыть за собой дверь. — Давайте я довезу вас до метро, на улице жуткие лужи, а вы в таких легких туфельках!

Я не стала возражать, предложение врача было очень своевременным — на мне были любимые замшевые туфли, которые я подарила сама себе ко дню рождения, заплатив за них пару сотен баксов.

В машине мы молчали, негромко играла музыка — радио «Ностальжи» передавало песни французских шансонье. Я удивлялась своей расслабленности и спокойствию — неужели все дело в том, что кто-то выслушал меня, попытался помочь, а не отделался общими пространственными фразами. Пусть интерес и энтузиазм доктора были чисто

профессиональными, но мне действительно стало лучше! За окном проплыла одна станция метро, другая, но Вадим Ефимович и не думал останавливаться. Потом машина свернула на неизвестные мне улицы, ныряла в переулки, вновь оказывалась на основной дороге. Мы неслись по пустынным дорогам словно в безвоздушном пространстве, что абсолютно непривычно для нашего города в этот час. Город, застывший в своей нереальности, в белесом свете сумерек не был похож на Москву, скорее всего это был Петербург с его белыми ночами. Вот и моя улица!

— Фантастика! — восхитилась я. — Я давно здесь живу, но не знала, что сюда можно добраться таким путем.

— Да, — с гордостью подтвердил Вадим Ефимович, выключая зажигание, — это мое изобретение. Два года назад на параллельной улице жили две мои пациентки — мать и дочь, я ездил к ним в течение трех лет каждую неделю.

— И где они теперь?

— В Израиле, — сказал врач, постукивая ладонью по рулю.

Разговор иссяк, поэтому я взялась за ручку дверцы и осведомилась:

— Когда мы встретимся в следующий раз?

— Давайте созвонимся на текущей неделе, — отозвался доктор и, подумав, добавил: — Берегите себя.

В подъезд я входила, неся в себе последние слова Вадима Ефимовича словно драгоценную амфору. Соседка Людка тащила огромные сумки, дыша полуоткрытым ртом, и меня не узнала. Удостоив ее поистине королевским кивком, я вошла в лифт.

Я совершенно забыла о том, что еще неделю назад собиралась выброситься из окна. Я не вспомнила, что я неудачница, что я несчастна, что жизнь моя не удалась. Теперь все будет иначе! Дома царила приятная белая прохлада — терпеть не могу духоты. Какое счастье, что маляр, делавший ремонт в квартире пять лет назад, пропил мои чудные немецкие обои! С тех пор сосед Миша регулярно восстанавливал водоэмульсионкой бело-лимонный цвет моих стен, и квартира всегда казалась чистенькой и свежей. Но что это? Серый тюль уныло свисал с карнизов, в спальне портрет прабабушки в парадном платье покрылся толстым слоем пыли, ковер затерся до неопределенного цвета, разномастная мебель разных поколений была втиснута во всевозможные ниши и углы. Я с изумлением оглянулась. Это я здесь живу? И это покои прекрасной Таис? А ведь именно так называли меня родители, приставив к моему древнему имени безобидное окончание «-ия» для успокоения официальных лиц, заполнявших метрику.

Во мне проснулась жажда действий. Оглядев предстоящий фронт работ, нимало не комплексуя, я позвонила начальнику и выпросила два дня отгула — четверг и пятницу. Он явственно удивился, услышав в трубке мой звонкий, напористый голос вместо обычного безжизненно-умирающего, и дал отгулы. Открывая шкафы, я выбрасывала все старье, накопившееся за десятилетия, и безжалостно швыряла его в черный зев мусоропровода. Я словно отрекалась от последних бесцветных, безрадостных лет, а старые, ненужные вещи олицетворяли их. Соседа Мишу обрадовала вся лишняя мебель и старый ковер, от которых я категорически решила избавиться. Перетаскивая шкафы, столики и прочую дребедень, он мечтательно воображал, как все это разместится на его даче.

— Тайка, ты не думай, я не просто так. Недельки через две водоэмульсионкой еще раз пройти можно, — пыхтя, бубнил он.

Разгребая вековые завалы на антресолях, я обнаружила старую картину, как уверяла

меня когда-то бабушка Оля, подлинную, кисти очень популярного художника-авангардиста 30-х годов. Еще я наткнулась на старый ящик, с которыми обычно ездят в экспедиции и заполняют различными находками. Я совсем о нем позабыла! В ящике, кроме непонятного хлама, который я без сожаления выбросила, нашлись древние маски. Когда-то отец собирал их — привозил из разных мест, любовно реставрировал, изучал их историю. Масок у нас, помнится, было очень много, и у каждой были имя, родословная, назначение. Все свои любимые маски папа, вероятно, забрал в Карелию, оставив на антресолях лишь несколько. Отец был твердо уверен в магической силе масок, недаром носить их в далекие первобытные времена имели право только старейшины племен и шаманы. Поэтому маски никогда не висели у нас на стене, для них были сконструированы специальные ящички. В магию я не особо верила и, выудив маски, аккуратно их протерла и повесила на идеально белую пустую стену в коридоре. Кажется, я знала их названия — маска ритуального танца, маска для судилища, для испрашивания у богов хорошей погоды и еще чего-то. К вечеру квартира стала пустой, просторной и очень элегантной. Легкий ветер надувал белоснежный тюль словно парус, и мой двухкаютный кораблик бесстрашно отправился в новое плавание. Следующий день был посвящен только мне. Оставив в салоне красоты всю наличность, не пропустив ни одной процедуры, я вышла в мир, ощущая себя настоящей Таис Афинской. «Еще не все потеряно, начинается новая жизнь!» — ликовало что-то во мне.

Пришла пора принятия решения — я взяла телефонную трубку и набрала заветный номер. Мне разрешалось звонить Максиму один раз в месяц — совсем без него я прожить не могла. Мы болтали о пустяках, а я до боли сжимала телефонную трубку в руке. Потом прощались, и все повторялось через месяц. Сегодня я нарушила правило и попросила Максима срочно прийти и помочь мне повесить картину. Видимо, мой звонкий голос убедил его красноречивее всяких слов. Когда Максим переступил порог моей похорошевшей квартиры, аккуратный чемоданчик с дрелью едва не выпал из его рук. Довольная произведенным эффектом, я гордо провела Максима через коридор в гостиную, где предполагалось повесить картину.

— Ух ты! — Он остановился напротив масок. — Вот чудища-то! Откуда?

— Старая история, — сморщилась я.

Мне не хотелось рассказывать ни о своем археологическом семействе, ни о масках. Но Максим как приклеенный стоял напротив маски главного воина племени и не собирался заниматься делом.

— Можно примерить? — несмело попросил он.

Я пожала плечами. Максим напялил на лицо черную, раскрашенную ритуальным узором маску и встал перед зеркалом. На главного воина племени он был явно не похож. Кажется, Максим понял это, так как уже через пару секунд он повесил маску на место.

— Воняет ужасно! — раздраженно прокомментировал он свой поступок.

Наконец мы прошли в гостиную. Пока Максим в своей обычной манере сосредоточенно, медленно разматывал шнур от бошевской дрели, раскладывал «лучшие японские шурупы», прикидывал вслух, как лучше повесить мое произведение искусства, я смотрела на него оценивающим, острым взглядом. Почему я раньше не замечала, какой у него высокий, почти женский тембр голоса, как он напрашивается на комплименты, как самодовольно рассказывает об удачной сделке на фирме? Неужели семейная жизнь так повлияла на него?

Когда картина заняла почетное место на стене, я предложила утомленному тяжелой

борьбой с отечественным железобетоном мужчине чашку чаю, на что он милостиво согласился. Видеть его, касаться рукой его руки, смеяться его шуткам — какое это было наслаждение раньше. Но сегодня...

— Ты сегодня какая-то другая, — словно подслушав мои мысли, выдавил мой друг, допивая вторую чашку, — квартиру изменила, сама похорошела. Влюбилась, что ли?

Последнее предложение было произнесено небрежно, однако с легкой ноткой ревности. Внутренне я расхохоталась — проглотил наживку! Помню, бабушка Лена втолковывала мне, тогда еще совсем глупой девчонке: «Запах мужчины — вот что главное, детка. Если у дамы есть кавалер, то об этом легко догадаться. Мужчины сразу понимают это — они чувствуют запах соперника и безумеют от этого. Поэтому, если ты хочешь, чтобы у тебя было много кавалеров, обязательно держи возле себя хотя бы одного».

Как всегда, подобные речи бурно опротестовывала бабушка Оля, но слова фрейлины ее императорского величества прочно врезались в мою память.

Бабушка никогда не ошибалась. Кавалер Максим ощутил запах соперника и, как всякий собственник мужского пола, заволновался. Пусть я ему нужна как рыбке зонтик, пусть мои звонки выводили из себя его, его жену и тещу, но сегодня что-то изменилось в привычном положении вещей. Мужское тщеславие было задето, а мужская логика требовала найти решение в образовавшейся нештатной ситуации, вот и нашлось понятное объяснение — «влюбилась».

Вскоре он засобирался домой.

— Я позвоню через два дня, — хмуро пообещал он.

«Зачем?» — чуть не крикнула я вслед.

Я вернулась в гостиную с чувством обманутого вкладчика. Тело требовало разрядки, и, включив музыкальный центр, я поставила диск с самой ритмичной музыкой, какую только нашла у «Gipsy Kings». Выдавая такой бешеный танец, какой не снился ни одному племени, я заскочила в коридор, сорвала со стены маску ритуального танца. Поколебавшись, я приложила ее к лицу и продолжила свою сумасшедшую пляску. Пол закружился у меня под ногами, я ощутила, как ритмы мелодии вызывают во мне необыкновенную вибрацию, мне казалось, что в меня влилась новая сила. Я танцевала и не могла остановиться, пока не закончился диск. Отбросив маску, я без сил я рухнула на диван.

Воскресным утром мне позвонил доктор.

— Куда вы пропали? — закричал он. — Я уже стал волноваться. На работе сказали, что вы взяли отгулы, а дома трубку никто не берет. Что случилось?

— Я проводила инвентаризацию, — сообщила я, прохаживаясь с трубкой радиотелефона по изменившей свой прежний облик квартире.

— И как, успешно? — поинтересовался Вадим Ефимович.

— Кажется, да, — с чувством хорошо потрудившегося человека отозвалась я, подходя к зеркалу в спальне.

— Алло, алло! — всполошился доктор, услышав долгое молчание в трубке. — Алло, вы меня слышите?

— Слышу, — тихо отозвалась я, — приезжайте, пожалуйста, сразу, как только сможете.

Нет, в зеркале не было ничего потустороннего. Там просто была я, обычная, всегдашняя. Почему я решила, что в моей жизни что-то изменится за эти три дня? Эйфория прошла, Максим мне больше не нужен — это я поняла. Меня зазнобило — как будто холодный безразличный нож отхватил за спиной большой кусок территории, еще больше сужая мое

жизненное пространство. Еще более тяжелая депрессия навалилась на меня. Через час в дверь позвонили.

— Ого! — закричал Вадим Ефимович, проходя через коридор и останавливаясь напротив масок. — Вот это да! Недавно я такие видел у Сенкевича в передаче. Наверное, шаманские?

— Да, — хмуро подтвердила я, не желая продолжать экскурс в историю, и провела доктора в гостиную.

— Красота какая, как в голливудском фильме! У них всегда показывают огромные комнаты, а там совсем немного мебели. — Оптимизм врача был сегодня до тошноты неуместен.

Воздав должное картине авангардиста, Вадим Ефимович наконец подошел ко мне, заглянул в глаза и участливо спросил:

— Что, так плохо?

У меня даже не было сил говорить, доктор измерил давление, посчитал пульс.

— Вам надо поесть, выпить крепкого чая и лечь.

Я отрицательно замотала головой. Зачем! Зачем все это! Какая я дура! Закипевшие слезы в глазах грозили вылиться в бурный поток. Вадим Ефимович ловко справился и с этим. Через полчаса я сидела на диване, под пресловутой картиной, укутанная в тяжелый теплый плед, попивая крепкий чай, накормленная чем-то простым и вкусным, а неспешная речь врача объясняла, успокаивала. Оказывается, маленькие ростки надежды, поднявшиеся во мне после второй встречи с доктором, были так слабы, что марш-бросок просто истощил мои и без того скудные резервы.

— В корне менять жизнь никому еще не удавалось. Менять надо потихоньку, в нюансах, штрихах, очень деликатно. Нельзя быть такой максималисткой. Помните, как в знаменитой книге старичок протезист приносит обезноженному летчику протезы и как Мересьев тут же вскакивает? И как он сразу же падает? Только тренировка помогла ему научиться вновь ходить.

— Какая же тренировка нужна мне? — недоверчиво пробубнила я.

— Ага, интересно стало? — радостно воскликнул Вадим Ефимович и с жаром принялся объяснять: — Самая тяжелая тренировка — для души. Научиться радоваться себе и жизни — еще какой труд. А теперь давайте сюда вашу чашку и ложитесь, надо немного поспать. Вы закрываете глаза и слушаете мой голос, для вас существует только мой голос. Вы рас-слаб-ля-е-тесь.

Тягучий голос врача навевал дремоту, ресницы склеивала тонкая паутина, тело полностью растворилось в мягкости дивана. Так прошел мой первый сеанс гипноза, и, надо сознаться, я с сожалением вынырнула из дремотного состояния на поверхность своей никчемной жизни. Первое, что я увидела, — спокойные, орехового цвета глаза моего доктора. Он погладил меня по голове и пообещал вернуться к вечеру. После его ухода я выпуталась из своего пледа-кокона, осторожно сделала несколько шагов. Уши уловили ребячий гомон, доносившийся сквозь открытое окно со двора, кожа почувствовала жгучее прикосновение солнечного луча, нос осязал горьковатый запах увядающих пионов. Пожалуй, еще никто из мужчин так не ухаживал за мной, не закутывал заботливо в плед, не гладил по голове. Что-то сдвинулось в моих мозгах, и мне безумно захотелось, чтобы Вадим все время был рядом, я представила себе его теплые руки, от которых невидимыми лучами исходит целительная сила, его золотистые глаза, голос. Даже наигранный энтузиазм уже не казался

таким противным. Поплавав в ласковом потоке фантазии, который принимал уже опасное направление, я больно ущипнула себя за руку: «Вернись на землю, Тая! О чем ты думаешь? Тебя пожалели, погладили по голове, а ты и растаяла! Ты сейчас похожа на собачку Каштанку, которая ищет ласкового хозяина. Опомнись!»

* * *

Вечером доктор уютно устроился в кресле и потребовал рассказать все еще раз и по порядку. Он занудливо выяснял каждую деталь, просил повторить то или иное высказывание и без конца переспрашивал. Когда я обреченно сообщила о своем прозрении, Вадим Ефимович наклонился вперед и довольно злым голосом спросил:

— И долго ты собираешься играть в эту игру, Таисия? Не обманывай себя. Ты гонялась за этой амебой по имени Максим только потому, что нужна была иллюзия — все подружки замужем, у всех есть друзья, любовники, дети, а что ты можешь ответить на сочувствующие вопросы подруг? Вот и выдумала себе отговорку: «Люблю одного Максима, а он женат. У меня все нормально, просто временные трудности». Ты напялила маску несчастной, всеми брошенной и не собираешься расставаться с ней!

Во все глаза я смотрела на непривычно сердитого доктора и задыхалась от злости. Запустить бы в него чем-нибудь тяжелым, чтобы он закрыл свой рот, я ненавидела его в этот момент с космической силой.

— Какая чудовищная ложь! — завизжала я. — Вы не имеете права! Замолчите!

Надо же, какой-то докторишка имеет наглость глумиться надо всем, что мне дорого, разрушить все то немного, чем я жила, что меня вообще держало на поверхности в этом мерзком болоте, именуемом жизнью!

— Неужели лучше было бы выйти замуж за какого-нибудь алкаша, бабника, тряпку или садиста, сидеть на грошах и с кучей сопливых ребятишек проклинать свое замужество! Мол, пусть будет плохонький, но свой! — заорала я.

— А чем твоя жизнь лучше? — вкрадчиво спросил Вадим. Он сел рядом со мной и, как маленькую девочку, погладил по голове. — Что было не так с тобой, Тая? Расскажи!

— Нет! — Я помотала головой. — Нет, не хочу!

Вадим встряхнул меня за плечи.

— Ты должна сказать себе правду. Оглянись, ты разрушаешь сама себя, освободи свой мозг! Ты будешь счастлива, обещаю тебе!

— Откуда вы знаете? — угрюмо спросила я, вспоминая свои сегодняшние фантазии.

— Знаю. — Он улыбнулся, и в его глазах на секунду проскользнуло жесткое выражение. — Тая, когда ты в первый раз влюбилась?

— Не помню.

— Нет, милая, давай начистоту, мы же договорились. Давай прокатимся по городу. Все-таки движение, смена состояния лучше статики, тебе будет легче. Собирайся!

Как не похож был сегодняшний город на ту Москву, по которой мы ехали три дня назад! Сейчас это был угольно-черный город, расчерченный яркими гирляндами фонарей и узорами иллюминации. Доктор оказался прав, езда развлекла меня, я старалась не думать, сколько бензина тратит мой ненавистный врачеватель, проводя такую «психотерапию на колесах». А ведь я еще не заплатила за утренний сеанс!

Какая-то деталь привлекла мое внимание, зацепила, и вот я уже неожиданно для себя с увлечением вспоминала свое археологическое прошлое. Вадим слушал затаив дыхание. Лучше, чем Сенкевич, я рассказывала о том, как колесила в юности с родителями по Средней Азии, Украине, Молдове, Сибири. Как в университете занималась проблемой возникновения добычи и разработки металлов в первобытных племенах. Как пропадала в Грузии, где находится древний Самтаврский могильник. Там нашли первое железо, появившееся в конце второго тысячелетия до нашей эры. Я почти что пересказала свою несостоявшуюся диссертацию о культуре железного века, принадлежавшей скифским племенам Северного Причерноморья...

Вероятно, психотерапевт везде и всегда останется психотерапевтом. Вадим работал — хитро ставил вопросы, отвлекал мое внимание и наконец вплотную подошел к событиям, о которых я ни за что не хотела вспоминать — было больно.

— Представь, что это зуб. Сейчас мы выдернем гнилой корень, а потом станем лечить все остальное, — весьма доходчиво пояснил ход дальнейшей терапии мой доктор.

Моя память возвращает меня на десять лет назад. Украина. Каменское городище близ Никополя. Скифские поселения. Экспедиция небольшая — практика, четвертый курс. Наш руководитель — археолог с мировым именем, умен, ироничен, красив и мужествен, как ковбой из рекламы сигарет «Мальборо». Почему из всех студенток он выбрал именно меня, до сих пор не знаю. Это был мой первый роман, и он вскружил мне голову. Разница в возрасте — двадцать пять лет — меня не смущала. Я, воспитанная в романтическом духе двумя бабушками, искренне верила, что ковбой с мировым именем меня по-настоящему любит. И в душную украинскую ночь все произошло так, как должно было произойти. Но это не беда. Страшно было другое — на следующий день наш руководитель перестал меня замечать, а затем всячески старался избегать. Только в Москве я смогла достучаться до него и спросить, в чем дело. Он скривился, как от прокисшего молока, и процедил сквозь зубы:

— Малышка, забудь обо всем, что было.

Во мне поселилось отвращение. Не к красавцам, отмеченным фортуной и опытностью в любви. Я возненавидела себя. «Кому вообще я такая нужна?» — спрашивала я себя.

Голос мой сорвался. Вадим сжал мое запястье:

— Отдохни, Таисия.

Но на меня напал азарт:

— Вы же зуб хотите удалить. Так удаляйте!

— Хорошо, только спокойно, Тая, спокойно, — проговорил доктор, видя, что меня уже не остановить.

— Тогда я вспомнила своих бабушек. Они ведь прожили жизнь, потеряв мужей, будучи очень молодыми, но так и не вышли замуж. Как они переживали свое одиночество? Бабушка Лена отдала себя школе. Я решила, что посвящу себя науке. Четыре года подряд я не вылезала из экспедиций. Я оживала только тогда, когда оказывалась там, на древних городищах Скифии. Даже камни вселяли в меня спокойствие и уверенность. Меня часто стали назначать руководителем университетских экспедиций. И как правило, все молодые студенты трепетно влюблялись в меня, а я всю крутила динамо. Кстати, очень неплохо получалось. Мстила ли я всему мужскому племени или себе — не знаю. И лишь однажды я встретила человека, с которым мне захотелось быть вместе. Я страстно мечтала о нем, а он... а он...

Вадим повторно остановил меня:

— Давай пройдемся, воздухом подышим. Тепло-то как!

Я была ошарашена таким невниманием к кульминационному моменту своего повествования. Оскорбленно хлопнув дверцей машины, я, обняв себя за плечи, независимо зашагала по асфальтовой дорожке какого-то сквера. Вадим не спешил меня догонять. Напротив! Он остановился у стенда с газетами и при неверном фонарном свете с увлечением стал что-то читать и лишь через несколько томительных минут подошел ко мне.

— Продолжать, или вы устали? — с вызовом осведомилась я.

— Нет, Таисия, дальше я все знаю сам.

Я буквально открыла рот от удивления, доктор невесело усмехнулся и сказал:

— Все люди думают, что их жизнь очень сложная, запутанная штука. Что проблемы, с которыми они сталкиваются, уникальны и неразрешимы. На самом деле все обстоит гораздо проще.

У сомнительного вида скамейки Вадим остановился и, расстелив на ней невесть откуда взявшуюся газетку, пригласил меня присесть.

— Все наши поступки имеют мотивы. В лучшем случае можно насчитать несколько сотен основных моделей поведения людей. И сейчас я все понял, Таисия. Больше не будем мучить тебя воспоминаниями. Будем возрождаться к новой жизни, как феникс из пепла.

Я горела желанием узнать, как же сумел этот необыкновенный врач отгадать мою дальнейшую судьбу? Доктор устало потер переносицу и твердо взглянул мне в глаза:

— И второй твой мужчина оказался не на высоте, верно? Только ответственность за это он переложил на тебя.

— Вроде того, — вяло согласилась я.

Вадим стукнул себя кулаком по колену и вскочил со скамейки.

— Все правильно! В наше время мужчины по шею захлебнулись в собственном комплексе неполноценности, они не умеют ни красиво ухаживать, ни терпеливо и тактично пробудить в женщине ее природу. Сколько же в мире женщин непонятых, разочарованных — десятки или сотни?

Он снова сел и внимательно посмотрел на меня.

— Тогда ты окончательно решила, что с тобой что-то не в порядке. Ты растерялась, разуверилась в себе и закрыла эту главу в своей жизни навсегда. Когда ты встречаешься с мужчинами, ты уже бессознательно запрограммирована на разрыв. И стоит им намекнуть на продолжение отношений, на близость, ты крутишь динамо и ускользаешь в свой маленький мирок. Потому что ты боишься оскорблений, показавшись неопытной, неумелой, несовременной, некрасивой. Сплошные НЕ! С Максимом, кстати, могло произойти то же самое, если бы он вышел за рамки чисто платонических встреч. Ты заморозила в себе все, чем щедро одарила тебя природа. Но ты же не Снегурочка, а живая, теплая Купава!

— Только сейчас я действительно заледенела, — призналась я, растирая холодные пальцы.

— Это сосуды от сильной эмоциональной встряски совсем перестали пропускать кровь, — объяснил Вадим и, взяв мои руки, стал дыханием согревать озябшие пальцы. Куда подевались его оживленная мимика, оптимистический тон, энтузиазм! Или это тоже была маска — маска радости — наподобие тех, что висят у меня в коридоре? Передо мной сидел совсем другой мужчина, и он молча притянул меня к себе. Прижавшись к нему, я поняла, насколько я замерзла. Вадим был горячим, как печка...

Он молчал, сердце, к которому я прижалась ухом, билось спокойно-преспокойно. Мне

не хотелось сжиматься в комочек или проявлять агрессивность, как это обычно со мной случалось. В объятиях врача я нашла долгожданный покой. «Если бы так было всегда!» — трепыхнулась опасная мысль, и я тотчас же прогнала ее.

— Снегурочка, — тихо позвал Вадим, — поедем, я отвезу тебя домой.

В машине мы молчали, каждый думал о своем. Я, например, размышляла о том, что со дня нашего знакомства прошла ровно неделя, а ближе человека, чем Вадим, у меня никого нет — ведь ни одна человеческая душа не знает обо мне столько, сколько этот доктор. Что же он станет делать с моей вывороченной наизнанку жизнью? Но этот непредсказуемый человек огорошил меня неожиданным вопросом:

— Я слышал, что первобытные кузнецы почитались, и в племени к ним даже питали чувство суеверного ужаса. Недаром в русском языке слова «козни» и «кузнец» одного корня. Это правда?

А на прощание, проводив меня до подъезда, он сжал мои руки и твердо сказал:

— Обещаю — к тебе вернется вкус к жизни. Я терпелив, никуда не спешу и тебя торопить не стану. Но это будет длительный, кропотливый труд. Ты согласна?

И только когда его бордовая «девятка» скрылась из виду, я вспомнила, что так и не оплатила сегодняшние сеансы. Войдя в квартиру, включив свет в коридоре, я подошла к стене, на которой висели маски, и пристально вгляделась в них. Кажется, вот эту, крайнюю, отец называл маской счастья. Быть может, древние силы, таящиеся в ней, помогут мне? Я осторожно сняла маску с крючка и глубоко вздохнула, перед тем как приложить ее к лицу...

Выводя «девятку» на Кутузовский проспект, Вадим Ефимович Шульц сосредоточенно вспоминал о том, кто же зачитал его любимый учебник Левинсона по психологии личности и реабилитации — в ближайшее время он будет ему очень нужен...

— Добрый день. Коммандитное товарищество «Лорен и К°» слушает, — скороговоркой проговорила Ирина Дятлова в трубку, продолжая делать на полях документа пометки. Первоклассница-дочь трезвонила без конца с душераздирающими проблемами каждые десять минут — никак не получается математика! Анна Георгиевна, старший секретарь-делопроизводитель с видом старухи Шапокляк, неодобрительно глянула поверх очков. Чувствовалось, что у нее на языке так и вертится едкое замечание типа: «Детей надо воспитывать дома».

Звонок.

— Добрый день. Коммандитное това...

— Мам, — зазвенел в трубке дрожащий от слез голос Ксюши, — ты все неправильно объяснила, опять ответ не сходится.

Ирина с опаской бросила взгляд в сторону делопроизводителя. Демонстративно сбрасываются с мясистого носа очки — понятно, будет небольшое наставление.

— Ксюша, ну выучи пока стихотворение, которое вам задали, — прошептала умоляюще в трубку Ирина.

— Ну мам, ты же сама говорила, что дело на полпути бросать нельзя! — плаксиво продолжила дочь.

— Ксения, я тебе сама перезвоню!

— А что, Ирочка, вы все уже отпечатали? — ласково осведомляется Шапокляк. Не в бровь, а в глаз — документы лежат пока не тронутыми на столе.

Звонок.

— Слушаю, — прошамкала в трубку Анна Георгиевна. Она единственная в фирме, кому позволительно так отзываться по телефону — вставные челюсти не дают ей возможности выговаривать слова «коммандитное товарищество».

«Это никогда не кончится. Как же все омерзительно! Доля несчастная ты, секретарская», — думала Ирина, обреченно стуча по клавишам компьютера.

Ровно в шесть Анна Георгиевна аккуратно сложила в мохнатый футлярчик очки, взяла необъятных размеров баул и со словами: «У меня сегодня массаж, я пойду?» — ткнулась в кабинет шефа. Шеф не возражал — Анна Георгиевна была тещей его институтского товарища, и весь коллектив фирмы знал — Шапокляк будет последней, кого отсюда уволят.

Ирина осталась, автоматически она продолжала работать над текстом соглашения, руки делали свое дело, а голова была свободна. Как известно, в свободную голову всегда лезут непрошеные мысли, и Ирина думала о том, что жизнь ее не сложилась, что работа опротивела до тошноты и что отдохнуть от всего она сможет только в Новый год, а до него еще целых десять дней...

По традиции семья Дятловых справляла новогодний праздник у своих друзей — Шуры и Светы Порецких, а на Рождество Порецкие приходили к Дятловым. Всегда было легко и весело. Однако уже с середины декабря Света и Шура сообщили о внезапных болезнях, трудностях, горестях и общей усталости, намекая изо всех сил, что в этот новогодний праздник Дятловы должны поискать себе другую компанию. Обидевшись, вся семья Дятловых решила остаться дома и справить Новый год в узком кругу у голубого экрана телевизора.

В ночь под Новый год Ирина выбросила старые домашние тапочки и обрезала косу. Что-то подсказывало, что в грядущий год ее ждут перемены и начнется новая жизнь. Огоньки электрогирлянды на елке, запахи салата оливье и прочих вкусных вещей, а также старая, неувядающая комедия «Ирония судьбы...» создавали приподнятое, лирическое настроение. С бутылкой коньяка и лимоном муж пристроился на диване, как в засаде. Ясно, что он покинет свой пост только в половине двенадцатого, когда придет пора провожать старый год. Ксения спала, добившись твердого обещания родителей, что к полуночи ее разбудят. Яркие звезды поблескивали на морозном небе, время от времени раздавались звонки друзей с поздравлениями. В Ирине росла и крепла уверенность, что там, в новом году, с ней должно произойти что-то потрясающее. Тапки полетели в черную трубу мусоропровода, а обрезанная коса, завернутая в шелковый платок, нашла себе место в ящике платяного шкафа.

Третьего января Валера Дятлов провожал жену с дочкой в Италию, куда они улетали на пятидневный отдых. Возбужденная Ксюша вертелась, надоедала расспросами, пела какие-то песенки и, устав, уснула в самолете.

Италия встретила голубизной эмалевого неба, ослепительным солнцем, запахом кофе, автомобильными пробками и клумбами в цветах. Пять дней пролетели как один короткий миг, ночами Ира не могла уснуть, она вскакивала с постели и подбегала к окну — неужели она в Риме, в этом Вечном городе, празднично гудевшем и залитом огнями. В последний день, утром, как того требовала туристическая традиция, Ирина с дочкой отправились в кафе «Греко». Все знаменитости мира считали своим долгом посетить «Греко» — здесь запросто можно было увидеть Майкла Дугласа в компании с Клаудиа Шиффер, принцессу Боргезе или министра здравоохранения Италии. Напитки и угощения стоили баснословно дорого, уютный зал в стиле начала века гудел голосами, никого из знаменитостей сегодня не встретилось, и разочарованная Ира, купив Ксюше мороженое и сок, а себе кофе с пирожным, принялась рассматривать посетителей. Она несколько раз обводила глазами зал и не могла отделаться от ощущения легкого дискомфорта.

Прямо в упор на нее смотрел мужчина с проседью, в очках с тонкой золотой оправой. Ира передернула плечами. Мужчина поднял бокал с вином и жестом показал, что пьет за ее здоровье. Ира нахмурилась. Она обратилась к Ксюше с каким-то пустяком, краем глаза изучая незнакомца. Широкие плечи распирала дорогую шелковую рубашку цвета индиго, золотая толстая цепь как ошейник обхватывала мощную шею, через спинку стула был небрежно перекинут светлый кашемировый пиджак. По манере поведения было заметно, что этот человек привык отдавать распоряжения — он снисходительно слушал своих соседей за столом, разговаривал по мобильному телефону и почти не отводил взгляда от Ирины. Через мгновение он позвал официанта, который почтительно наклонился к нему. Что-то неуловимо знакомое почудилось Ирине в его профиле, его глазах, то, что она давно похоронила в своей памяти, потому что воспоминания могли причинить боль.

Ирина допила кофе — пора уходить. Ситуация, в которой она оказалась, ей очень не нравилась. Хорошо, что сегодня последний день, через два часа к гостинице подойдет автобус, который отвезет группу в аэропорт. Ира махнула официанту, чтобы он подал счет. Однако официант подошел с полным подносом и бережно поставил на стол еще одну порцию мороженого, вазочку с пирожными, сок, бокал вина. Ира расстроилась — в Италии мало говорили на английском, а еще меньше его понимали. Вероятно, официант не понял ее.

— No, no, I just want to pay, — попыталась Ира втолковать официанту, но он кивнул в сторону противоположного столика: «Вашему столу от нашего стола». Ира покачала головой, ей стало неприятно — надо же, в Европе, в самом центре Рима, почувствовать себя как в Гаграх или Тбилиси! И ее осенило — Тбилиси!

Она была студенткой второго курса филфака МГУ, когда приехала с экскурсией в Тбилиси, где случайное знакомство свело ее с самым замечательным человеком, которого она только встречала в своей жизни. Давид Кабахидзе — ее первая любовь. «Чему дзвирпасо» — так называл ее Дато — «бесценная моя». Произнесенные с придыханием, на грузинский манер, эти слова звучали неповторимо и неподражаемо. По сравнению с ними обычные эпитеты «милая», «любимая», «единственная» были пресными и скучными, как урок арифметики. Давид был старше Иры на одиннадцать лет, но уже занимал немалый пост на политическом Олимпе. Он был не просто умен, он был потрясающе эрудирован, на него возлагались большие надежды, и он шел вверх по служебной лестнице уверенно и твердо. Конечно, он был женат, жил с женой и детьми в большом доме в старом квартале Тбилиси — Мтацминде. Ему неоднократно предлагали роскошные квартиры в лучших новых домах, но Дато не торопился с переездом. Милые горбатые улочки, старый трехэтажный дом, где большая часть жизни проходила на глазах соседей, а на огромном открытом балконе можно было перебраться парой слов с прохожими, не отпускали его от себя. Ее роман длился шесть долгих лет, Дато часто прилетал в Москву по служебным делам, и все это время Ира была рядом, ведь она любила его, хотя и понимала — он не женится на ней никогда. Тбилисская родня не простила бы его, да и не в правилах грузинских мужей бросать своих сыновей. А жаль. Разрыв причинил страшную боль, но Ира приказала себе крепко-накрепко забыть о Дато. Это было непросто, ей часто снились Грузия, Тбилиси, потрясающе красивый народный праздник Ломиса в Тушетии... Время шло. Она встретила Валеру Дятлова, вышла за него замуж. Казалось, что события «тревожной юности» отошли в прошлое. А незнакомец в синей шелковой рубашке вновь напомнил о них. Он так был похож на ее первую любовь! Она сглотнула тяжелый комок в горле и закрыла глаза — как же она соскучилась по Дато, по его прикосновениям, глазам, его характерной гортанной речи!

Тем временем незнакомец встал, проходя мимо стола, где сидела Ира, случайно коснулся его рукой и, сделав легкий полупоклон в ее сторону, вышел на улицу. Официант принес счет, Ира расплатилась, оставила на столе чаевые и в этот момент заметила, что на его краю лежит сложенная вдвое записка. Это был номер телефона незнакомца, набросанный летящим почерком, и его имя — Леонардо. Ира горько рассмеялась — для приключений она уже слишком стара.

Хлопоты с отъездом, суматоха в аэропорту ослабили впечатление от утреннего происшествия. Сдав чемодан в багаж, пройдя паспортный контроль, Ира задумчиво листала журнал в зале ожидания вылета.

— Pronto, pronto! — кричал кто-то в телефоне-автомате рядом.

Повинуясь безотчетному порыву, Ира встала, вытащила записку с телефонным номером незнакомца, которую собиралась сохранить в качестве сувенира, и подошла к телефону. Слушая длинные гудки в трубке, она пыталась сдержать колотящееся сердце.

— Pronto, — отозвался гортанный голос.

Ира облизнула пересохшие губы.

— Это я, из кафе «Греко».

— Синьора! — радостно вскричал Леонардо.

— Я хотела бы попрощаться, через сорок минут мой самолет улетает в Москву, — сообщила Ирина. Ей стало грустно — быть может, судьба преподнесла ей еще одну необыкновенную встречу, а она так и не воспользовалась этим подарком.

— Алло, синьора, вы слышите меня? — Его английский был безупречен. — Я сейчас же приеду, ждите! Как вас зовут?

— Ирина, — машинально ответила она, следя за тем, как Ксюша встала с места и направилась к киоску с кока-колой.

— Ирина, — словно пробуя на вкус, задумчиво повторил Леонардо, — я прошу вас, дождитесь меня!

Ира кивнула и повесила нагретую пластиковую трубку на рычаг.

Симпатичная девушка в форме пригласила на посадку, ручеек пассажиров потянулся к ней. Улыбаясь дежурной улыбкой, она отрывала корешки от посадочных талонов. Оглядев пустой зал, разочарованная Ира последней протянула свой талон. Как только самолет авиакомпании «Внуковские авиалинии» оторвался от земли, к окну, из которого был отличный обзор на взлетную полосу, неторопливо подошел элегантный мужчина в очках с золотой оправой, в светлом, очень дорогом кашемировом пиджаке. По тому, как он разговаривал со служащим аэропорта, было видно, что этот человек привык отдавать распоряжения. Щурясь, он вглядывался в самолетик, стремительно уменьшающийся в эмалево-синем небе.

— Звонила ваша дочь, — с упором на слове «ваша» объявила противная Анна Георгиевна, когда Ира вернулась из кабинета шефа. — Вам нужно заниматься воспитанием детей в свободное от работы время, а на работе надо работать.

Освободившись от мучившей ее невысказанности, Анна Георгиевна вытащила баночку йогурта и мастерски сорвала крышку.

Ира вздохнула и с тоской посмотрела в окно — шел мокрый снег, сугробы на крышах были похожи на размокший картон. Прошло два месяца с тех пор, как Ира вернулась, и за это время ничего в ее жизни не изменилось. Дятловы помирились с Порецкими и были приглашены на Восьмое марта в гости, куда Ира наденет умопомрачительный костюм, купленный в Риме. Пара модных вещиц да глянцевые фотографии — это, пожалуй, все, что напоминает об Италии. А рядом с обрезанной косой в платяном шкафу лежит маленький клочок бумаги с несколькими цифрами и именем «Леонардо».

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

Еще позавчера мы дружно ломали голову над причиной ухода с работы «по собственному желанию» нашей заводилы и любимицы Светки Курочкиной, а вчера в аппаратной азартно обсуждали отставку очередного правительства. Ничто не предвещало бурь и потрясений, но сегодня директор программ вызывает меня к себе и, пряча глаза за толстыми линзами очков, сообщает, что две мои программы закрываются и я могу считать себя «свободной». «Свободной» от чего? От работы? Что, увольнение теперь так называется? Ведь предупреждали меня доброжелатели, почему я не верю сплетням?

— Формальности и все прочее оформите в бухгалтерии, — кося до невозможности глазами, пробурчал директор и уткнулся носом в бумажки.

«Формальности» не занимают у меня и трех часов. И вот в половине третьего я стою по ту сторону еще вчера такой родной двери радиодома и размазываю крупные капли дождя по лицу, соображая, куда мне податься. Всегда наготове есть вариант номер один — домой. Там я могу плотнуть снотворного, забыться и уснуть. Или же опрокинуть банку джина с тоником и зарядить часа на три какой-нибудь крутой боевик со спецэффектами. Собственно, что мне еще остается делать в нашем «бабьем доме»? Поясню: наш «бабий дом» — это две мои тетки, племянница и кошка Маруся, которая пришла к нам в феврале.

Мои тетя Оля и тетя Ася — две абсолютные противоположности. Кто хотя бы раз видел одну тетку, ни за что не поверит, что другая — ее родная сестра. Тетя Оля хрупка и болезненна, так получилось, что с детства она не научилась оберегать свою психику от различного рода травм и жизненных потрясений, которые с каждым годом наносили ее здоровью ощутимый урон. Она живет в своем собственном мире, говорит на своем языке, у нее свои темы для разговора. Постороннему человеку она даже может показаться странной. Не ее вина в том, что ритм ее жизни все меньше совпадает с ритмом жизни окружающих. Впрочем, гармония иногда возникает, тетя Оля становится просто чудесной, и в эти минуты я ее очень люблю.

Тетя Ася навязчивостью и назидательностью очень похожа на своего телевизионного двойника. И, как в рекламном ролике, у нее всегда находятся темы для воспитательной беседы. Собственно, их только две — моя персона и наше правительство.

— Ну что ты вечно ходишь в этих джинсах и кроссовках? — резким, пронзительным голосом кричит она, дергая меня за рукав растянутого свитера.

Каюсь, джинсы и уютные свитера — моя любимая одежда, в любой другой я чувствую себя некомфортно и стесненно.

— Ни один уважающий себя мужчина на тебя не посмотрит! — продолжает свой монолог тетя Ася.

Может, и не посмотрит. Но сотни, а может, тысячи послушают, если их приемники настроены на волну нашей радиостанции.

Тете Асе не нравится во мне все — мой вес, лицо, моя работа, образ жизни, зарплата, одежда и то, что из меня «не получилось ничего путного».

Племянница Шуша — в общем-то и не родственница в прямом смысле этого слова, так, седьмая вода на киселе — тихое, застенчивое существо с огромными глазищами и добрым сердцем. Где она работает, на что живет — неизвестно, но дома у нас она бывает часто и подолгу. От ее присутствия, как от присутствия кошки Маруси, в квартире становится уютно

и как-то совсем по-домашнему.

Стоя под августовским проливным дождем, чувствуя, как промокают кроссовки, я думаю о том, что приехать домой сейчас, в неурочное время, не могу. Это все равно что нарушить ход уже отлично отрепетированной пьесы и не вовремя бросить реплику партнеру по спектаклю. Тетя Оля сейчас наводит порядок в доме, но делает все так, как это принято в ее собственном мире, в ее «виртуальной реальности». Тетя Ася сидит у окна и разглагольствует о правительстве и ценах, а Шуша, являя собой единственного слушателя, как мышка, сидит в уголке и мелко кивает головой.

Перейдя под навес павильона автобусной остановки, я все еще соображаю, куда мне податься. Глаза мои шарят по названиям остановок автобусного маршрута — и я решительно вскакиваю на подножку подходящего автобуса с запотевшими стеклами. Светка Курочкина поймет мои беды, напоит кофе, расскажет что-нибудь забавное. И вот я у нее. Отчаянно жму на кнопку дверного звонка, но никто не открывает, за дверью ее квартиры слышатся таинственные шорохи и звуки. Это значит, что она дома, просто сейчас занята — занимается сексом с очередным красавцем любовником. Жизнь продолжается.

На улице дождь вскипает огромными пузырями в лужах. Я подхожу к телефону-автомату и от нечего делать набираю номер, который знаю наизусть. На том конце провода отзываются моментально, и это уже хорошо. Пока, спрессованная теплыми телами людей, качаюсь в утробе вагона метро, я вспоминаю один вечер. Почти ровно год назад одна программа не ладилась совершенно. Все спас телефонный звонок в прямой эфир, мягкий мужской голос произнес: «Добрый вечер, Маша». Кое-как мы дотащили передачу до конца. Мой неожиданный спаситель Филипп оказался настойчивым поклонником — он регулярно звонил в эфир или просто на студию и убедительно просил о встрече.

— И не вздумай, — говорили мне девчонки, — а вдруг он маньяк?

И вот я тащусь через всю Москву на встречу с маньяком и, возможно, уже никогда не вернусь домой. Кто поймет извращенную человеческую натуру?

Но не торчать же мне на улице до восьми вечера!

Филиппа я узнаю сразу — молодой человек в очках, в славном костюмчике, с рыжим портфелем в руке. Вылитый банковский клерк, отпросивший с работы. Заглядывая мне в глаза, он ведет меня в полумрак бара, чему я очень рада — не так заметны мои волосы-сосульки и макияж, похожий на смытый детский рисунок на асфальте.

— Что будете пить? — трепетно осведомляется Филипп, словно речь идет о чем-то сокровенном.

Я прошу большую чашку кофе, но он делает роскошный заказ. Стол уставлен тарелками с бутербродами с икрой и колбасой, фруктами, пирожными и конфетами. Филипп с нескрываемым восхищением разглядывает меня в свои очочки-бинокли и что-то деликатно и нежно журчит, как горный ручей. Я мотаю головой, как старая лошадь, и думаю все равно о своем: «А что, если позвонить Федорчуку, у него ведь был какой-то проект для меня? А если Петровичу? Ведь он давно меня звал к себе, обещал дать передачу».

Филипп накрывает мои озябшие ладони своими горячими руками, и меня осеняет: а ведь это *мой* радиослушатель! А сколько их еще, неизвестных слушателей моих передач!

— Простите, Филипп, спасибо, но мне пора, — неожиданно встаю я, — у меня еще есть дела.

У Филиппа огорченный вид, он что-то говорит на прощание и сует мне в руку свою визитную карточку.

Возвращаюсь домой по графику. Кошка Маруся вьется вокруг ног, тетя Ася что-то пронзительно вещает о новом премьере, милая тетя Оля бестолково топчется у плиты. В закопченной кастрюле она приготовила мне на ужин какое-то неопознанное блюдо. Все как всегда. Шуша, улыбаясь щербатым ртом, тащит за мной чашку горячего крепкого чаю и пачку печенья «Юбилейное». Я устраиваюсь на своем диване, кошка Маруся ложится в ногах. Уже в предвкушении очередного боевика дотягиваюсь до пульта телевизора, как неожиданной трелью взрывается телефон. С расстояния слышу неясное кваканье из трубки. Это Петрович! Только он умеет говорить без начала и конца! Подношу трубку к уху:

— ...а я им говорю, не хотите ее в своем радиодоме, пойдет в наш! Оставайтесь со своими блажными сами! Разбрасываться такими талантами! Короче, двух передач я тебе, Машка, не обещаю, но одну точно! Жду завтра в десять, лучше в двенадцать, пропуск будет заказан!

Я киваю, роняю соленые слезы в сладкий чай и кладу трубку, откуда еще доносятся раскаты голоса Петровича. Родненький мой! Итак, я снова «несвободна»! Тетя Ася машет мне рукой и с кипой газет отправляется в свою комнату. Шуша набрасывает куртку и тоже исчезает. Кошка Маруся потуже сворачивается в клубок.

— Спокойной ночи, — шелестит тетя Оля и, шаркая тапками, удаляется к себе.

Я распахиваю набухшее от сырости окно и выглядываю на улицу. Холодные промытые звезды бесстрастно глядят на меня. Ночь. Тишина. Говорят, сегодня было солнечное затмение, а оно приносит аварии, катастрофы и несчастья. Я свой аварийный стык благополучно проскочила. Завтра — на работу. Формальности — ерунда. Когда я выйду в эфир, пускай на других волнах, я уверена, что однажды в студии раздастся звонок и голос очередного радиослушателя зажурчит из черных динамиков на всю страну. Это будет голос *моего* радиослушателя.

Еще я уверена, что завтра будет солнце. Жизнь продолжается.

Мягкие губчатые наушники отрезают меня от всех привычных звуков — хлопанья нашей разболтанной двери, звона чашек, перебранки звукорежиссера с помощником. Дверь студии захлопнулась с алчностью капкана, и через широкое стекло я вижу задумчивое лицо звукорежиссера Леша Жукова. Но что мне на него любоваться! Взгляд движется дальше, за его спину, где в большое голос окно wpłyвает поздний зимний рассвет. Краски наступающего утра так неожиданны, так яркие. Я вещаю в пустоту эфира, и мне иногда кажется, что голос мой растворяется в космосе. Только звонки радиослушателей дают мне понять, что я еще здесь, на Земле, и что меня еще кто-то слышит. Смена обещает быть тяжелой, в Москве эпидемия гриппа, скосившая половину персонала нашей радиостанции «Мечта». Последней жертвой инфекции стал администратор сегодняшней смены, так что мы должны обойтись без него. С утра я столкнулась с чихающим помощником «звуковика» Петей Мальцевым, поглощающим из кружки чудовищных размеров чай с коньяком.

— Я лечусь, врачи советуют, всю заразу убивает, — авторитетно объяснил он мне.

Лекарство подействовало, и Петя безмятежно заснул в кресле.

Леша делает мне отчаянные знаки, он не может найти нужный диск для концерта по заявкам. Я бросаюсь ему на помощь, лихорадочно перебирая коробки, и наталкиваюсь на искомый диск случайно — на нем стоит пустой бокал из-под Петиного «лекарства». Сам Петя сладко поживает.

— Да проснись же ты! — свирепею я. — Работы невпроворот, а он дрыхнет!

— Я болен, — невнятно бормочет Петя, — прошу меня не трогать.

Сегодня в эфире грипп становится темой номер один, нам без конца звонят с просьбой передать пожелания выздоровления знакомым и друзьям, страдающим от мерзкого недуга. Через звуконепроницаемое стекло я вижу, как Леша борется с Петей за его разум, вырывая из рук бутылку коньяка, которым тот собрался продолжить «лечение». Мне ничего не слышно, но по характеру эмоций я вижу, что борьба происходит не на жизнь, а на смерть. Леша запускает рекламу, я вываливаюсь из студии, Петя обиженно обжигается пустым горячим чаем и мотает головой. Для прочистки мозгов я выдавливаю ему в чашку свой лимон.

— Две секунды, — предостерегает меня Леша.

Я снова в эфире. В два часа ведущие программы «Опера и мы» один за другим отказываются прийти на передачу. Причина все та же — болезнь.

— Кто же будет вести сегодня? — чуть не плачу я в телефонную трубку и заставляю Лешу искать по всем радиостанциям оперные записи.

Звонит телефон. Остановившая стремительный порыв Пети, помощник отзывается и таращит глаза, стараясь не дышать в телефонную трубку. Звонит главный продюсер нашей радиостанции.

— Танюша, — слышу я недовольный голос, — вы что, сегодня с ума сошли? Что это за эфир? При чем тут грипп? Где все?!

Я стараюсь как можно вежливее объяснить всю ситуацию, и мой горестный рассказ о злодейском гриппе проникает его.

— Что же мы будем сегодня давать, а? — недоумевает продюсер.

— А вы пригласите Лисенко, может, он нам что-нибудь расскажет, — не могу удержать

я язвительного тона.

— Лисенко? — переспрашивает он. — А что, это идея!

Никто уже не может вспомнить, кто первый привел Лисенко к нам на радиостанцию. Он начал с простых утренних репортажей о фолк-жизни в стране, потом получил программу и незаметно, тихой сапой, раскрутился вовсю. Музыкальное направление нашей радиостанции кардинально изменилось — народная музыка затопила весь эфир.

— Что это? — ругался наш продюсер. — В самое лучшее эфирное время какая-то «Чибатуха» да «Семеновна»!

Но Лисенко удержался на плаву, более того, получил еще одну программу. Не было часа, чтобы в эфире не звучал голос Лисенко вживую или в записи. А когда Лисенко нужен тонущей в волнах инфекции радиостанции, как спасательный круг, его не оказывается дома!

— Пять секунд, — бесстрастно заявляет Леша.

Я снова в эфире. Прерываемая рекламой чаще, чем нужно (вот радость для рекламодателей!), программа тяжело катится к концу. Вырываюсь на свободу, сейчас придет замена. Петя остекленело глядит в чашку, он гадает на кофейной гуще.

— Ерунда какая! — ругается он и мотает головой.

— Петя, дружок, — как можно ласковее прошу его, — сбегай вниз, сейчас придут победители викторины за призами.

Петя переваривает мою просьбу и милостиво кивает, а я поддвигаю ему коробку с видеокассетами.

— Только, — на лбу у Пети прорезаются морщины, — внизу холодно.

— А ты оденься потеплее, — сладко советую ему.

Бренча кассетами, обмотав вокруг шеи длинный, как у Айседоры Дункан, шарф, Петя уходит. Я заполняю гонорарные листы, замечая, что сегодня состоялся «Эфир имени меня».

Бросив взгляд в окно, замечаю, что пошел снег — большие мохнатые хлопья падают на город, словно кто-то наверху действительно выбивает снежные перины. Еще немного — и я свободна! Сегодня ровно в пять меня будет ждать Андрей, самый лучший на свете мужчина. Я познакомилась с ним в начале декабря, в тот замечательный день с самого утра шел снег, обычно в такие дни мне все удается, словно белая снежная пелена дает возможность исправить все ошибки и начать жизнь по-новому. Андрей принес в мою жизнь надежду на обновление, стабилизацию, успех и на то, что в моем доме наконец разгорится семейный очаг.

— Танька! — с грохотом распахивается дверь, распугивая мои мысли. — Подмена не придет, она заболела!

Душа уходит в пятки — Андрей не дождется меня и уйдет! Праздничное настроение гаснет, я снова сижу в душной, подслеповатой комнате, насыщенной запахами растворимого «Нескафе» и коньяка. Ручка вываливается из моих рук.

— Где Лисенко? — спокойно спрашиваю я, словно ничего не случилось.

— Едет, — лаконично отзывается Петя, теребя кисти своего шарфа. — Тебе помочь, Танюш?

— Что же мне теперь, сказки читать, что ли? — со стоном говорю я. — Сказки? Где моя сумка?

Из сумки вытаскиваю «Анну Каренину» — я часто перечитываю ее. Какое счастье, что

она сегодня со мной!

— Леша, ищи что-нибудь лирическое! Петька, за мной, будем читать по очереди!

И Петр Мальцев плетется за мной в студию. Наушники. Музыка. Чайковский. Начали!

— Уважаемые радиослушатели! Мы открываем рубрику «Литературное наследие» и начинаем читать роман Льва Толстого «Анна Каренина».

Сидящий с несчастным видом Петя неожиданно сильным, красивым голосом произносит нетленные первые строки: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Все смешалось в доме Облонских».

В одиннадцать часов вечера, когда Петя окончательно охрип, приезжает засыпанный снегом, румяный, как Дед Мороз, Лисенко. Студия полна Чайковским.

— А где все? — удивляется Лисенко, оглядывая пустую комнату.

— Ты что, ничего не знаешь? — мрачно интересуется Леша.

— Нет, я прямо с дачи. Позвонили родители, сказали, чтобы срочно ехал. А что случилось?

— Лисенко! — прорычала я. — В эфир, срочно!

«Семеновна, Семеновна...» — весело грянула музыкальная заставка, словно не было этого сумасшедшего дня. Опять звонит продюсер:

— Молодец, Танюша. С «Карениной» очень интересная задумка, считай, эта программа твоя!

СТЕКЛЯННОЕ СЕРДЦЕ

Они неотвратимо двигались навстречу друг другу, столкновение было неизбежным. По одной дорожке плыл он, красиво рассекая кролем голубые воды бассейна, по другой дорожке плыла она, подгребая частично брассом, частично по-собачьи. Удивительно, что через равные промежутки времени они встречались почти на одном месте посередине бассейна. Он делал широкий взмах рукой, окатывал ее голову в красной шапочке массой брызг, она морщилась, отворачивалась, бормоча тихо проклятия в адрес «мужиков, которые плещутся в общественных бассейнах, как беспардонные моржи». Спустя сорок минут он переплыл к лесенке, ведущей вверх, и быстрым поплавром вытолкнул свое загорелое тело на бортик. Все по тому же странному совпадению сразу за ним подгребла к лесенке она. Схватившись за поручни, ступенька за ступенькой она выносила из воды свое белое рыхлое тело в пестром купальнике. Издали она походила на яркий пышный цветок, растущий на ветке тропического дерева прямо над водой. Они сдали в одно и то же окошко жетончики бассейна, и в гардеробе ее полушубок и его дубленка оказались висящими рядом. Третье совпадение уже было невозможно проигнорировать — это выглядело бы как-то неестественно. Поэтому они вежливо улыбнулись друг другу. Он помог ей одеться, открыл перед ней дверь на улицу, там они остановились. Ветер швырнул им порцию колючей крупы в лицо, крепкий морозец пробрался до самых промытых тел.

— У меня здесь машина, — заикаясь промямлил он, кивая на ближайшую стоянку машин, — подвезти?

Она молча кивнула.

Разогревая двигатель, счищая с лобового стекла налипший снег, он удивлялся сам себе — с чего это пришло ему в голову брать эту тетку с собой? К счастью, тетке оказалось с ним по пути. Дорогой они разговорились, познакомились. Его звали Николаем. Ее — Татьяной. Украдкой он рассматривал ее — круглая, как пампушечка, румяная, немодных стандартов и размеров. Однако была в ней некая притягательная сила, которую называют обаянием. Татьяна тоже внимательно изучала своего неожиданного спутника — красив как античный бог: классические черты лица, правда, все портили слишком тонкие, бесцветные губы, напоминающие прорезь почтового ящика. Но этот недостаток компенсировался теплым грудным смехом. Короче, и он и она проведенным осмотром остались довольны. Последние остатки холода исчезли, и обоим стало как-то весело и уютно вместе.

— Вы где работаете? — осведомился он.

Татьяна с готовностью рассказала, что она трудится в обычной поликлинике, кардиологом. Это сообщение вызвало неожиданный энтузиазм ее спутника. Во-первых, Николай оказался почти коллегой Татьяны — массажистом-мануальщиком.

— Если вы в чине капитана, то я перед вами — прапорщик, — весело рассмеялся он.

Во-вторых, Николая с недавнего времени тревожат сердечные боли, и совет кардиолога ему пришелся бы очень кстати. Он обстоятельно описывал их характер, происхождение и частоту возникновения. Татьяна внимательно слушала, задавала профессионально точные вопросы.

— Впервые встретил человека, который серьезно относится к этому! — пожаловался Николай. — Жена смеется, говорит, что у меня это на нервной почве, да и коллеги издеваются.

Татьяна не смеялась; если болит — значит, в организме неполадки, и она пригласила Николая зайти к ней в поликлинику, чтобы обстоятельно провести обследование и найти причину беспокойства. Расстались они друзьями, обменялись телефонами, договорились о встрече. Через два дня ровно в четыре он был в кабинете Татьяны. Ловкие медсестры оперативно сделали все необходимые исследования. Потом за него взялась сама Татьяна — она внимательно слушала биение его сердца, что-то простукивала, что-то прощупывала, задавала вопросы. Назначив его на следующий прием через неделю, Татьяна обещала договориться о консультации со своим сокурсником — ныне именитым кардиологом, они расстались. Татьяна улыбнулась ему и, протягивая руку для прощания, произнесла, как ему показалось, со значением:

— До встречи!

Он вспомнил, как растворился в прикосновении Татьяны, и удивлялся этому. Впервые ему встретилась женщина, которая заботливо, по-матерински отнеслась к его жалобам. Она не кричит: «Будь мужчиной, прекрати стонать!» За ней ощущаешь себя как за каменной стеной. Как непохожа она на Алену! Он горько покачал головой — Алена всегда всем ставила его в пример как образец мужественности, стойкости. Он устал, устал быть единственной опорой в семье, думать обо всех, обо всем заботиться. После тяжелого дня, когда заколачиваешь каждую тысячу своими собственными руками, так хочется расслабиться, вытянуть ноги, посмотреть спокойно фильм. Но дома ждет Алена — азартная выдумщица, кипящая идеями, как волшебный котелок из сказки Андерсена. Николай просто не мог взять в толк, как Алена не устает — ведь работает так же, как и он, целый день массажисткой в хорошей больнице, через ее руки проходят десятки больных. Однако ее сил хватает и на то, чтобы ужин приготовить, и брата с отцом или соседей в гости пригласить, или какое-нибудь «шоу» устроить...

Николай поморщился. Сегодня ночью разбудил Алену — измерить давление, — она опять его на смех подняла: «Ты же мужик, какое давление! Колька, заканчивай ты с этими болячками. А то в отпуск с собой не возьму!»

Сидя в любимом кресле в гостиной, он вспоминал теплые пухлые руки Татьяны, ласково державшие его за запястье. Как смешно она морщила брови, считая пульс, как сосредоточенно читала кардиограмму. Конечно же, нашлись изменения! Впервые с детства в глазах защипало. Захотелось быть рядом с Татьяной, прижаться к ее теплому телу, чтобы она, как когда-то мама в детстве, погладила по голове, сказала: «Ничего, Колюш, до свадьбы заживет».

Резкий звонок в дверь заставил его подскочить на месте. «Алена», — раздраженно подумал он, направляясь к двери. На пороге стояла, вся засыпанная снегом, смеющаяся Алена. Она втащила за собой еще двух хохочущих девчонок, тормозила их, раздевая, стряхивая снег, и все время пыталась рассказать что-то Николаю, мрачным сфинксом возвышавшемся над всей этой визгливой женской кутерьмой.

— Николай, ты что? — удивилась жена. — Подай же девочкам тапки, проводи в гостиную. Сейчас ужинать будем.

Она прошла на кухню, включила радио. Вскоре оттуда раздалось аппетитное шипение, захлопала дверца холодильника, заиграла музыка. Молодые девочки, а Алена часто приглашала своих пациенток в гости, умчались помогать хозяйке на кухню. Николай стал накрывать на стол. Вечер получился удачным — гости оказались замечательными певуньями, пели русские песни, любимые им с детства, в десять они с Аленой проводили их

в больницу. Снег перестал идти, немного потеплело.

— Николай, слышишь? — спросила Алена. Он напряг слух, но ничего не услышал. — Тишина. Как тихо, Коль! Это так редко бывает, — мечтательно произнесла она.

Сегодня жена казалась усталой, поэтому он приказал ей отправиться в постель, оставшись на кухне перемыть посуду и убирать стол. Движения были привычными, ему часто приходилось делать эту нехитрую работу после ухода гостей. Алена была очень благодарна мужу, искренне хвалила перед своим отцом и младшим братом. Когда, покончив с уборкой, он улегся спать, Алена в полусне крепко прижалась к нему. Николай оставался неподвижным, ему не спалось.

Он вспоминал, как двенадцать лет назад, когда они только поженились, ни одна ночь не проходила без любви и ласки. Николаю нравилась неподвижная покорность Алены, ее податливость, желание сделать все, чтобы ему было хорошо. Сегодня впервые захотелось сбросить руку Алены со своего плеча, встать, уйти спать в гостиную. Там, устроившись на прохладной простыне, он смог бы помечтать о нежных руках Татьяны, мысленно услышать ее неторопливую речь, ее советы, как лучше побереечь свое сердце. Незаметно Николай уснул.

Утро началось с обычной спешки и беготни. Проводив жену до больницы (а эту обязанность он исполнял каждое утро неукоснительно), Николай поехал к себе в клинику.

Его уже ждал первый пациент. Картинно развалив обрюзгшее тело в кресле, бывший танцор Большого театра, находившийся на заслуженном отдыхе, но все еще представляющий себя неотразимым и воздушным эльфом, нетерпеливо перебирал ногами в ожидании массажиста. Его постоянно терзали боли — несколько травм позвоночника давали о себе знать, коленные суставы часто отказывались служить. Выворотность, тщательно заученная в стенах балетного училища, мстила стареющему эльфу.

Два года уже не работает Николай в Большом, а ходят к нему по старой памяти танцоры и балерины. В театр он попал совершенно случайно. Хорошая знакомая работала врачом в Большом, она и порекомендовала его в массажисты. Николай знал, что заработки в театре не ахти какие, но все компенсируют зарубежные командировки. Первые выезды в соцстраны вселили в него не изведанный до сих пор азарт шопинга. Когда же труппа собралась в Америку, Николай не спал ночами — ведь решался очень важный вопрос: кто поедет с театром? Наконец балетное начальство решило — едет врач, который будет при необходимости выполнять функции массажиста. Николай маялся. В душе поселились тоска и злоба на весь окружающий мир. И в один прекрасный день он собрался с духом и обратился с маленькой информацией в отдел кадров. Сообщил, что его знакомая врач скрыла от коллектива наличие родственников в Румынии. Социалистическая страна, но все же за граница... Николай усмехнулся: «Было дело». Он до сих пор и работал бы там, если б не Алена. «Изгуляешься ты там и сопьешься, — без конца твердила она, — как я одна буду?» После очередной «проработки», махнув на все рукой, Николай подал заявление об уходе, вернулся в свою клинику.

Сердце стало пошаливать — бросил пить и курить, стал плавать в бассейне, в выходные подолгу гулял с женой в Нескучном саду. Впервые вспомнив о сердце, Николай чутко прислушался к себе. Но сегодня сердце билось ровно и спокойно. Пациенты шли непрерывным потоком, Николай автоматически тер, мял, массировал. Приближался вечер. Вечер, когда ему впервые не хотелось идти домой. Разыскав записку с телефоном Татьяны, он позвонил ей в поликлинику.

— Она работала сегодня до обеда, — сухо доложил ему девичий голос.
Значит, Татьяна дома... Положив руку на телефонную трубку, он задумался.

Татьяна без конца вспоминала встречу с Николаем, его визит в поликлинику. С сердцем ничего страшного, возрастные изменения. Но он был так напуган, так нуждался в сочувствии. Она стала вспоминать его лицо — отдельно черточка за черточкой: античный лоб, слегка вьющиеся волосы, прямой нос, выразительные миндалевидные глаза. И только губы, слишком тонкие для такого лица, портили совершенную картину. Когда Николай постареет, рот его западет, и его совсем не станет видно. Все-таки смешно, как трясутся мужчины за свое здоровье! Повышенная температура, слабая боль в горле сваливают их на неделю в постель, превращая в нытиков и невротиков. Но у нее терпения всегда хватало.

Когда последние месяцы мужа, умиравшего от рака, превратились в сплошную агонию, все окружающие только удивлялись бесконечному терпению и спокойствию Тани. «Ты — сильная», — говорили ей подруги. Таня сжала и разжала кулаки. А куда эту силу девать? Ах, если бы у нее были дети! Но тут же одернула себя. Идиотка! Расквасилась себе, как жаба на кочке, а дела, намеченные на сегодня, так и не сделаны! Она яростно загремела кастрюлями и противнями. Внезапный звонок в дверь так и застал ее — в стареньком халате, руки в муке, прядь волос выбилась из-под косынки... На пороге стоял Николай. Он молчал, предоставляя Татьяне самой придумать подходящую реплику.

— А я о вас только что думала, — ласково произнесла Таня, пропуская его в переднюю, — у меня дар предвидения, даже пироги затеяла!

Николай дождался, пока пироги будут извлечены из духовки, повосхищался их красотой и необычайным запахом, отведал несколько, выпил свежесваренного чая, смотрел и не мог налюбоваться, глядя на Татьяну. Она переделалась в мягкое серое трикотажное платье, пригладила свои непослушные белокурые волосы, отчего стала похожей на провинциальную барышню с тугим яблочным румянцем и озерной голубизной глаз. Время шло. Николай не мог заставить себя уйти. Татьяна его тоже не торопила. Она что-то рассказывала, он вторил ей, напряженно следя за движением ее губ.

Эта женщина притягивала к себе как магнитом. Прервав ее на полуслове, он встал и, обняв ее за плечи, прижался губами к ее рту. От нее пахло пирогом, корицей, мятой, которую она смешивала с заваркой. Поцелуй был долгим, его зашатало. Но сильные руки подхватили его и повели. Закрыв глаза, он улыбнулся. Он доверился сильным рукам. Когда Николай вернулся домой, Алена уже спала. На кухне на столе был оставлен ужин, прикрытый салфеткой. «Мог бы позвонить», — совестила лежавшая рядом с тарелками записка. «Не мог», — усмехнулся он, откусывая большой кусок от отбивной — в нем проснулся зверский голод.

С этого вечера его жизнь четко разделилась на три составные части, как когда-то популярный марксизм: дом, клиника, Татьяна. Николай был осторожен. Никто ни о чем не должен догадываться. Для отлучек на выходные был выдуман воскресный профилакторий, где Николай якобы по совету известного кардиолога должен был поддержать свое сердце. Для ночных отлучек пришлось изобрести необременительные ночные дежурства в травмпункте. Так прошло полгода.

Татьяне не верилось в свое счастье. Нежданно-негаданно появился в ее жизни Николай. Коленка. Так больно отпускать его домой, к жене. Особенно неприятно, когда каждое утро как угорелый он вскакивает в семь и уезжает домой.

«В чем дело?» — не один раз пыталась его Таня. «У нас ключ от сейфового замка один на двоих, жутко сложный», — наскоро целуя ее, объяснял Николай, убегая. «Дело не в ключе, — зрела в Татьяне ревнивая мысль. — Я должна, я обязана проверить!» И одним погожим августовским утром, заранее сговорившись со знакомым таксистом, преследуя Николая, как в хорошем детективе, Татьяна приехала... к его дому. Она часто здесь бывала, когда скучала по Николаю, сидела на лавочке у его подъезда, наслаждаясь близостью к его жилищу и своей неузнанностью.

Сейчас Николай спокойно запер машину, поднялся в свою квартиру. Вскоре Таня увидела, как он спускается по лестнице вниз, и заметалась. Скрывшись в густых зарослях боярышника, она услышала звонкий женский смех, слова: «Колька, я тебя перехитрила» — и, наконец, увидела ее.

Жена Николая была высокого роста, густые волосы красиво подстрижены, на лице ни капли косметики. Чем-то она напоминала погибшую принцессу Диану. Станным было то, что Николай крепко держал Алену за руку. Чувство ревности зашевелилось в Татьяне, но когда пара поравнялась с кустом, за которым она скрывалась, все стало понятно. Широко раскрытые темные глаза Алены были незрячими. Она была слепа. Когда машина Николая скрылась за поворотом, Татьяна выскочила из своей засады. Ей казалось, что с нее заживо содрали кожу. «Так вот оно в чем дело», — заикнулась она на одной фразе, вышагивая по асфальту, не разбирая ни направления, ни улиц, по которым проходила.

Несчастье подкрадывалось не спеша, делало маленький шагок и замирало. В военном городке, где служил отец Алены, врач, выписавший пятнадцатилетней девочке первый рецепт на очки, не распознал за обыкновенной близорукостью признаки грозной болезни. Алена мужественно надела очки. Собственно, никто ее и не высмеивал. Алену в классе любили. Знали еще, что младший брат Виктор, занимавшийся в секции самбо, сестру свою в обиду никому не даст. Через пять лет, когда отец в чине подполковника покинул доблестные ряды Советской Армии и семья поселилась в двухкомнатной квартирке в Мытищах, катастрофическое ухудшение зрения Алены было уже предметом семейного беспокойства.

Болезнь не сломила жизнерадостного характера девушки. Врачи обещали, что видеть она все равно будет, а уже сквозь какие диоптрии — не важно. Алена продолжала кататься на лыжах, ходить на дискотеки, учиться в медучилище, подрабатывать санитаркой в больнице, где она и познакомилась с Николаем.

Гостя у приятеля, Николай случайно сломал ногу, перелом был сложный, и врачи настояли на стационаре. Молодой человек скучал, друзья навещали редко. Единственным развлечением была жизнерадостная санитарка Алена. Очки не портили ее лица, наоборот: они придавали девушке весьма ученый вид. Николай был студентом предпоследнего курса мединститута. Долгими бессонными ночами он размышлял о своем будущем. Ему не хотелось возвращаться в родной провинциальный городок, он страшился того дня, когда комиссия по распределению вручит ему путевку в какую-нибудь глушь. Сказки о земских врачах давно потеряли свою привлекательность. Николай искал выход из положения. Все чаще приходила на ум мысль о московской невесте. Сама судьба посылала ему подарок в виде Алены.

После выписки Николай продолжал приезжать в Мытищи. Вскоре они поженились. Напрягшись изо всех сил, родители купили кооперативную двухкомнатную квартиру в хрущевке в Москве. Николай был на седьмом небе. Он помог выучиться жене на

массажистку, устроил в больницу, располагавшуюся прямо рядом с их домом. Время от времени Алена проходила обследования — в институте Федорова, у Гельмгольца. Врачи, качая головами, констатировали: отслоение сетчатки глаза продолжается, но две строчки видеть Алена будет. Часто Николай поражался — откуда в ней столько радости, столько жизнелюбия и стойкости? Бесконечные праздники, которые Алена устраивала для него и друзей, сюрпризы, невероятные планы на отпуск — откуда? И если он осмеливался задать этот вопрос жене, ответ был один: «У меня есть ты. Ты — мой жизненный стержень, и я знаю, что бы ни случилось, ты будешь рядом со мной. Судьба жестоко распорядилась, я слепну. Но взамен она послала мне тебя». Прижимая к себе трепетное тело жены, Николай действительно чувствовал себя сильным, мощным, на все способным.

Десять лет брака пролетели как один медовый месяц. Потом Алена потеряла мать. Она умерла скоростижно — просто не проснулась. Все эти печальные дни Николай был рядом с Аленой, не отходил от нее ни на шаг. На девятый день Алена почему-то шепотом призналась мужу: «Коля, я перестала видеть. Как будто черная занавеска закрылась, различаю только свет и тьму. Мне так страшно».

От чувства беспомощности у него впервые защемило сердце острой, режущей болью. Потом стали приходиться мысли — теперь они связаны навсегда, Алена и он. Даже если перестанет любить ее — он должен будет оставаться рядом. Когда она постареет и не сможет работать — он должен будет стать ее нянькой, ее сиделкой. Николай отгонял эти непрошенные мысли прочь. «Ты же мужик, — повторял он слова жены, — держись, не раскисай!» Он выхлопотал внеочередную путевку в федоровский центр, сразу оплатил все дорогостоящие исследования (к тому времени наша медицина перешла на самоокупаемость). Диагноз был неутешительным: наука пока бессильна что-либо сделать. Сетчатка имеет только две точки фиксации. Если нарушается ее целостность — она отрывается и болтается словно парус. Уже однажды «прибитая» лазером, положенная на место, она снова оторвалась от ложа. Тяжелая физическая работа и стресс оказались губительными для нее. Иногда он представлял себя утесом, вокруг которого кипят и бьются волны. Никогда здесь не бывает штиля. Грозная пучина желает разбить, поглотить этот выпирающий из нее кусок камня. Но утес стоит непоколебимо. На нем вьют гнезда чайки, птицы, летящие в дальние края, останавливаются здесь, чтобы передохнуть... Так и он, Николай, должен выстоять, не сдаться стихии.

Почти ничего в жизни не изменилось — теперь Николай провожал жену утром в больницу, а вечером ее приводил кто-нибудь из пациентов. В доме она передвигалась как зрячая — руки помнили, что где лежит, она прекрасно продолжала готовить, стирать. Если по телевизору шла какая-нибудь передача или фильм, Алена подсаживалась, слушала, комментировала. В любом случае ее жизнелюбивый характер не превратил жизнь в кошмар. Ни Алена, ни Николай не чувствовали себя ущербными. Этим летом они провели замечательный отпуск, как обычно, в доме отдыха в Геленджике. Брали четырехместный катамаран и заплывали далеко в море. Алена барахталась в воде, бесстрашно прыгала с катамарана в воду, загорала, с наслаждением подставляя солнечным лучам свое гибкое тело. Никто и не догадывался, что эта женщина слепа.

Татьяна пришла в себя, когда солнце стояло в зените. Полдень. Она оглянулась — и с трудом узнала место, где находится. Далековато занесло ее сегодняшнее любопытство. Такое с ней произошло впервые. Поймав машину, приехав домой, она пошла в ванную и на всю мощь включила воду. Подняв голову, Татьяна отшатнулась: из глубины зеркала на нее

смотрела полусумасшедшая старуха — растрепанные волосы, глубокие морщины, безумные глаза. Опустившись в горячую ванну, почти кипятком, Татьяна принялась размышлять. Бедненький Коля! Он так тщательно скрывал, что его жена слепая. Господи, как он мучается, разрывается между двумя домами! Слезы заструились по ее щекам — благородство не позволяет ему бросить слепую женщину на произвол судьбы. Помедлив, она смыла соленую влагу с лица — значит, он привязан к ней навсегда! Значит, прощай мечта о счастье! Так и останется она, Татьяна, одинокой вдовой, принимающей время от времени визитера. Она яростно окатила себя ледяной водой из душа. Что-то надо придумать. А в первую очередь — переговорить с Николаем.

Вечером Николай приехал к ней, в полном молчании они поужинали. Татьяна измерила ему давление, пощупала пульс.

— Пошаливает слегка сердечко, — озабоченно произнесла она докторским тоном.

— Да, — томно отозвался он, — весь день что-то сдавливало.

Накапав из пузырька в мензурку двадцать капель валокордина, подождав пять минут, она вздохнула и начала трудный разговор.

— Коля, я все знаю, — сообщила она расслабившемуся было мужчине.

Тот был ошарашен. Нет, он был уничтожен. Несмотря на успокаивающее действие лекарства, Николай вскочил с кресла, мерил шагами комнату, размахивал руками. К такой реакции Татьяна была готова, она молча и терпеливо слушала его историю, аргументы, почему он должен оставаться с женой. Когда выдохнувшийся, как воздушный шарик, Николай засыпал тревожным сном в ее объятиях, Татьяна, баюкая его, как маленького ребенка, понимала — от соперницы надо избавиться.

Алена давно почувствовала, что не все ладно у них в семье. Замкнутость мужа, его частые вспышки раздражения, странные ночные дежурства... Теперь все выходные она проводила одна, в четырех стенах. Николай то гостил у товарищей на даче, то отдыхал в профилактории. Часто он включал видеомagnитофон, она слышала, как шуршала лента, но звук был убран. Что он там смотрел? Первое, что ей приходило в голову, — увлекся порнофильмами на старости лет, а признаться в этом стыдно. И она, тихонько улыбаясь, уходила в спальню, в свой уголок. Там были два магнитофона, наушники. Татьяна всегда любила читать. Когда глаза отказали, ее записали в библиотеку для слепых, где на кассетах были наговорены различные книги. Там не было современных детективов и дамских романов, о которых так часто щебечут медсестры. Но были любимые Паустовский, Ахматова, Чехов...

Как-то вечером соседка, зайдя поболтать, простодушно удивилась: «Коль, чего это ты там смотришь — праздник, что ли, какой на работе? И дама какая симпатичная! Алена, а звук почему не работает?» Неизвестно, что ей ответил Николай, но подозрение закралось в душу Алены. Дама? У ее Николая дама? Ерунда!

На следующий после разговора с Татьяной день Николай приехал домой, к Алене. Он усадил жену рядом и, взяв ее руку, твердо сообщил:

— У меня очень важный разговор, малыш. Очень. Он касается нас двоих. Я полюбил другую женщину. Уже год, как мы встречаемся. Я не стал бы огорчать тебя пустой интрижкой, но я действительно глубоко люблю ее и счастлив. Она понимает меня, она — сильная, держит меня на плаву.

— Коля, — изумилась жена, — но ведь тебя держать не надо, ты сам сильный, мощный,

ты всегда всех нас держал на плаву.

Известие о том, что у Николая роман, удивил Алену гораздо меньше, чем признание мужа в собственной слабости и потребности в поддержке.

Николай торопливо и сбивчиво продолжал — он давно потерял уверенность в себе и только создавал видимость крепкого дуба, а на самом деле прогнил... Он упомянул свое больное сердце, добрые и нежные руки Татьяны — врача-кардиолога.

— Теперь ты все знаешь, — облегченно вздохнул Николай.

— И что я должна делать? — едва слышно произнесла жена.

— Не знаю, — бесстрастно откликнулся муж.

Теперь, когда ответственность и принятие решения были переложены на другого, ему действительно было все равно. Он уже не мог представить себе жизнь без Татьяны. С другой стороны, прожитые годы с Аленой, ее недуг и стойкость, с которой она переживала его, не позволяли ему просто закрыть дверь и уйти. Потом все будут обвинять его в эгоизме, черствости, непорядочности. Проклятая слепота! Николай с ненавистью посмотрел на опущенную голову жены.

— Решай сама! — отрезал он и ушел в спальню.

Алена прижала ладони к глазам, ей показалось, что она ослепла вторично. В первый раз черная штора ежедневно закрывала от нее блестящий и счастливый мир, пока не наступила темнота. Но тогда с ней рядом был Николай. Что же делать? Ни отцу, ни брату она этого не расскажет ни за что. Она нащупала рамку с фотографией матери, стоящую на столике.

«Мама... Ты бы подсказала, что делать. Я слишком люблю его. Отпустить его навсегда — это выше моих сил. Может быть, все перемелется? Может, стоит подождать? Я не буду препятствовать его встречам с этой женщиной. Пусть только иногда приезжает ко мне». Так мысленно уговаривала Алена сама себя. С этим решением она поспешила в спальню, думая, что супруг мучается в ожидании ее «приговора», но там было тихо.

— Николай, — позвала Алена. Никто не отозвался. Она подошла ближе к кровати и уловила спокойное дыхание — муж безмятежно спал.

С этого дня их жизнь стала совсем непонятной. Николай часто пропадал у Татьяны. Возвращаясь домой, он вел себя совершенно естественно, словно ничего странного в их семье не происходило. Кроме того, существовал уговор: «О Татьяне дома — ни слова». Алена старалась приладиться к новому семейному положению. Природная жизнерадостность не давала возможности предаваться унынию, печали, плакать и мучиться. Ей было горько, больно, обидно. Но все это было внутри, заперто на маленький ключик, а ключик был надежно спрятан. Никто не заметил перемен в семье Алены и Николая. Для окружающих они оставались счастливой, гармоничной парой.

Сказать, что Татьяна была довольна сложившейся ситуацией, было бы трудно. Безусловно, Николай принадлежал больше ей, чем жене. Но неопределенность — сегодня здесь, завтра там — все больше раздражала ее. Как-то, глядя постельное белье, Татьяна размышляла о том, что по своему укладу она была женщиной домовитой, ей нравилось ухаживать за квартирой, украшать ее, перебирать без конца шкафы и антресоли. Она хорошо готовила, любила угощать. Одинокая жизнь угнетала ее. Пропадала цель жизни. Для чего все? Нужна большая дружная семья, чтобы семеро по лавкам, чтобы этому уроки помочь выучить, другому пуговицу пришить, третьему подзатыльник дать за то, что вовремя не выгулял собаку. А там и муж с работы возвращается усталый. И вот сидит вся семья вместе

за ужином, обязательно пироги с капустой, курагой или картошкой, обсуждает события, произошедшие за день...

Татьяна жалко улыбнулась — ничего этого не будет, все прошло мимо. И если не будет рядом Николая, сверкнувшего звездочкой-крошкой на ее небосклоне, ее ожидает холодная, пустая старость. Татьяна с силой сжала рукоятку утюга. Она будет бороться за Николая, и никакие сказочки о благородстве и порядочности ее не остановят. Почему все жалеют Алёну — одиннадцать лет счастливой семейной жизни, хорошая работа, друзья! Почему никто не пожалеет ее, Татьяну, — безрадостная жизнь, страшная смерть мужа, нелюбимая работа, подруги, которые все замужем! Кто из них более обделен судьбой, она или Алёна? Жизнь всегда была несправедлива. «Николай мой!!!» — завывало, закричало что-то во весь голос в самом нутре. Она бросила утюг и повалилась на диван, сотрясаемая отчаянным приступом плача.

Когда вечером Николай приехал к Татьяне, он сразу обратил внимание на ее необычную молчаливость и сдержанность. На встревоженные вопросы, не заболела ли она, все ли в порядке у нее на работе, Татьяна меланхолично кивала и молчала. Обстановка начинала нервировать. Вместо приятного расслабляющего вечера, на который он так рассчитывал, Николай ощущал напряженность и неудовольствие, которые буквально источала Татьяна. Не помогли ни ласки, ни поцелуи. Татьяна была как каменная. Когда же он встал, собираясь домой, Татьяна разразилась бурными слезами. Это огорошило Николая. Потерянно стоял он посреди комнаты, глядя, как трясутся крепкие полные плечи Татьяны в безудержном плаче, как исказилось ее лицо, и не знал, что делать. Надо же, сдержанная и спокойная Татьяна также нуждалась в утешении и опоре. Николай даже огорчился — он так мечтал найти именно здесь тихую, спокойную пристань, а оказалось — и здесь бывают бури. Но Татьяна быстро успокоилась. Она умылась холодной водой и, вернувшись с распухшим от плача лицом, усадила Николая рядом с собой на диване.

— Видишь ли, Коленька, — начала она почти безжизненным голосом, — я всегда мечтала о таком мужчине, как ты. Когда я впервые увидела тебя, то поняла, что именно тебя ждала все эти годы. Все, что было раньше, кажется дурным сном. И вот ты рядом, ты со мной — и не со мной. Мне так тяжело, ты даже представить себе не можешь.

Николай поерзал на диване и уже открыл было рот, чтобы ответить, но Татьяна, не замечая этого, продолжила:

— Я еще не старая, Коля. И вот уже несколько месяцев я думаю о том, что вполне могла бы родить ребенка от тебя. Он был бы таким же красивым, умным, талантливым.

Николай вскочил и подошел к окну. Дело принимало неожиданный оборот, Татьяна задела его чувствительную струну. Когда-то они с Алёной мечтали о малыше, но врачи были категорически против — при отслоении сетчатки роды противопоказаны. Все забылось, утихло, и вот Татьяна возвращает его прошлые желания. Он побарабанил пальцами по стеклу.

— Но я ничего не могу поделать, Таня. Ничего. Ты сама все знаешь.

— Знаю! — горячо поддержала Татьяна. — Ты не хочешь выглядеть подлецом в глазах окружающих, и ты прав. Подумай, сколько лет ты самоотверженно служил ей, как бы она жила без тебя? У тебя больное сердце, а слепая жена требует постоянного внимания, ухода. Но теперь в уходе нуждаешься ты! Я это говорю тебе как врач!

Николай снова подсел к Татьяне и взял ее руки в свои. Целуя ее пальцы, белые, мягкие, сладкие, как пастила, он размышлял о том, что, по сути, она права. Лучшие годы жизни

отданы Алене. Он ни о чем не жалеет, но...

— Коля, — сказала Татьяна после длительного молчания, — надо сделать так, чтобы она сама подала на развод, это возможно?

Он покачал головой — Алена смогла бы его понять и пойти ему навстречу, если бы не любила так сильно. А в том, что жена его любит так же, как и в первый день после свадьбы, он не сомневался.

— Тогда, — вкрадчивым голосом продолжила Татьяна, ласково поглаживая волосы Николая, — нужно сделать так, чтобы врачи признали, что она нуждается в особом, специальном уходе и что ты один с этим не справишься.

— Как это? — не понял Николай.

— Бывают разные случаи, когда у людей с определенным физическим недугом происходят психоэмоциональные срывы и они нуждаются в компетентной помощи врачей-психиатров. У меня есть классный врач на примете.

Это предложение было настолько комичным, что Николай расхохотался. Представить Алenu сумасшедшей — это полный бред! Во всем мире невозможно найти более разумного, трезвомыслящего человека, чем его Алена.

Татьяна поджала губы и, оттолкнув Николая, встала.

— Иначе, — жестким голосом заявила она, — мы расстанемся с тобой. Я не могу так больше, я устала делить тебя с другой. Я хочу иметь семью, а не любовника.

В комнате повисла тишина.

— У тебя есть что-нибудь выпить? — первым подал голос Николай.

— Есть коньяк, — бесстрастно отозвалась Татьяна, ликуя в душе.

Если он не ушел сразу после ультиматума, значит, ее предложение можно обсудить, а на большее она пока не рассчитывает.

Николай стал чаще бывать дома. У Алены затеплилась надежда: может, все возвращается на круги своя? Он был, как всегда, внимателен, заботлив, ночи снова стали полны нежности и ласки. Но внезапно у Алены нарушился сон. Обычно она засыпала сразу же, как только касалась щекой подушки, а в последнее время вечерами на нее нападала неслыханная бодрость, энергия прилиwała к ней, хотелось что-то делать, двигаться, хоть танцуй. Иногда ее начинало клонить ко сну в восемь вечера, когда время еще детское, а утром она вставала с тяжелой головой. Случалось, сонливость нападала на нее в течение дня — слова окружающих казались тягучей массой, из которой Алена силилась извлечь смысл, руки были свинцовыми и не порхали с прежней легкостью по шеям и спинам пациентов. В ответ на жалобы жены Николай достал легкое снотворное. Теперь она послушно глотала таблетки и капсулы каждые вечер и утро.

— Почему они разные? — удивлялась Алена.

— Чтобы ты не привыкала к одному препарату, — снисходительно отвечал муж.

Однажды, приняв положенную таблетку, улегшись в постель, Алена услышала странные звуки — словно флейта жалобно пропела несколько тактов, ей вторили колокольчики, а за всем этим последовал звук, похожий на шуршание песка. Шуршание было долгим, как будто пересыпались в огромных песочных часах пустыни Сахара и Гоби. Под этот звук Алена уснула. Наутро она промолчала об услышанном, но вечером все повторилось снова — флейта, колокольчики, шуршание.

— Николай! — позвала Алена мужа. — Ты что-нибудь слышишь?

Молчание, смешок и голос:

— Абсолютно ничего, разве что собаки на улице лают. А что?

— Так просто, — задумчиво произнесла Алена.

— Ты приняла таблетки? — заботливо спросил муж. — Уже двенадцать ночи, а ты не спишь. Сейчас принесу еще.

Когда Алена легла и легкая волна сна стала набегать на нее, послышался телефонный звонок. Странно, но Николай лежал спокойно, в то время как телефон буквально разрывался от звона. «Заснул он, что ли?» — разозлилась Алена, вылезая из постели, и направилась в прихожую, чтобы подойти к аппарату.

— Ты что? — окликнул ее муж.

— Телефон! — крикнула Алена. — Ты почему не подходишь?

— Те-ле-фон? — переспросил Николай удивленно. — Никакого телефона я не слышу.

Действительно, звонки прекратились.

— Да вот, он только что звонил, — чуть не плача, произнесла Алена. — Я стала засыпать, а он как раззвонится!

Муж погладил ее по голове.

— Это тебе, наверное, приснилось, — нежно произнес он.

Алена прижалась к теплому плечу супруга, расслабилась, стараясь не думать о странных событиях, происходящих с ней, как вдруг нежная флейта вновь пропела свою мелодию, зазвенели колокольчики, и посыпался бесконечный шуршащий песок. Алена открыла глаза. Откуда эти звуки? Она встала, на ощупь проверила свои магнитофоны — оба были выключены. Затем она провела руками по поверхности туалетного столика, шкафа.

— Что с тобой? — сонным голосом спросил Николай. — Ты что-то ищешь?

«Что я ищу?» — спросила она себя. «Флейту», — ответило ей затуманенное снотворным сознание. Шатаясь, Алена вернулась в кровать.

— Флейту, — сказала она и уснула тяжелым сном.

Жизнь превращалась в кошмар: телефонные звонки, которые никто, кроме нее, не слышал, не прекращались, флейта и шуршание продолжались. К ним прибавилась капающая вода. Теперь после долгого шуршания песка раздавались звуки падающих тяжелых капель. «Кап-кап-кап», — отзывались они молоточками в голове. Алена боялась спрашивать Николая, не слышит ли он все это. Ведь он спал рядом с ней каждую ночь, и если бы он тоже что-то слышал, он бы непременно отреагировал. Но он был спокоен и безмятежен. Заботлив и нежен. Чересчур нежен. Даже на работе заметили, что с Аленой что-то не так. Внезапно она поднимала голову, словно прислушиваясь к чему-то. Потом продолжала работу и снова прислушивалась. От звука телефонных звонков она вздрагивала, как от оружейного выстрела.

Завотделением с сочувствием покачала головой, когда Алена попросила отпуск за свой счет. Но сидеть дома оказалось еще страшнее. Алена не спала, но и не бодрствовала, а просто бездумно сидела часами, вперившись незрячими глазами в одну точку. Телефонные звонки, раздававшиеся время от времени, уже не заставляли ее вскакивать и отзываться. Она знала, что телефон трещит у нее в голове. И, набравшись смелости, одним вечером она призналась Николаю, что все время слышит странные звуки, что ей снятся жуткие кошмары и что жизнь превратилась в один вязкий, тягучий, как капля меда, день. Муж был поражен.

— Бедный ты мой малыш! — сокрушался Николай. — Я сам начал бояться, — продолжал он, — эти бесконечные телефонные звонки, которых не слышит никто, твои проблемы со сном — меня это все очень волнует. Надо показаться специалисту. Я знаю

одного очень хорошего психиатра.

Алена покорно кивнула.

Когда врач сочувственно спрашивал ее о симптомах, состоянии, ощущениях, она честно рассказала ему все — о своих галлюцинациях, бессоннице, перемежающейся тяжелыми кошмарами, которые продолжают маячить и преследуют ее.

— Только помогите мне, доктор! — умоляюще вскрикнула она в конце разговора. — Я на все готова!

Врач успокаивающе похлопал ее по руке:

— Сделаем все, что можем, — и обменялся понимающим взглядом с безутешным супругом.

Татьяна была очень довольна — ее план успешно претворялся в жизнь. Осталось только убедить Алену полежать несколько недель в соответствующем заведении, а там с выпиской из психиатрической лечебницы Алена превращается в полного инвалида, нуждающегося в квалифицированном уходе. Пусть за ней присматривают отец, брат, пусть нанимают кого-нибудь, наконец. Никто не бросит камень в Николая, если он захочет развестись с Аленой. Никто.

Виктор безумно любил свою старшую сестру. Он никогда не проявлял своих чувств — в семье не было принято открыто демонстрировать эмоции. Наступившая слепота сестры потрясла его. Косвенно он чувствовал себя немного виноватым в этом несчастье. Почему никто раньше не обращал внимания на ухудшение зрения Аленки? Виктор часто бывал в доме у сестры, как и остальным, ему казалось, что Николай и Алена — идеальная пара, и дома у них было всегда уютно и хорошо. Сам он, к сожалению, так и не смог найти свое семейное счастье и с первой женой развелся. Сегодня он собрался в гости к сестре и позвонил ей на работу, чтобы предупредить. Сообщение, что Алена взяла отпуск за свой счет, удивило его. Он набрал домашний номер, но никто не подходил к телефону. Виктор забеспокоился и сразу поехал к сестре. Когда Алена открыла ему дверь, брат поразился — худая, с синевой под глазами и скорбно поджатыми губами, в халате, который никогда не носила, она выглядела на десять лет старше. Когда он обнял сестру, то почувствовал, что ее тело сотрясает мелкая дрожь.

— Господи, что с тобой? — потрясенно спросил он.

— Ничего хорошего, Витя. Плохи мои дела. — И медленно, запинаясь, Алена поведала брату о последних событиях. Заканчивая свой рассказ, она расплакалась и не могла успокоиться. — Дай мне успокоительного, оно там, в аптечке, на нем наклеены три полоски пластыря! — попросила она его.

Открыв ящик комода, где обычно хранились лекарства, Виктор присвистнул:

— Мама родная! У вас здесь что, филиал аптеки?

— Нет, — бесцветно ответила сестра, — там все, что прописал врач.

Внимательно читая названия лекарств, Виктор почувствовал, как сердце ухнуло куда-то вниз. Он не мог поверить, чтобы Алена глотала такие сильнейшие психотропные и нейрорепарационные препараты. Что могло произойти в ее жизни, чтобы внезапно она стала слышать какие-то звуки, обращаться к психиатру? Алена не могла так просто сломаться — в этом Виктор был уверен. Значит, были причины. Но какие? Однако не оформившееся подозрение возникло у него в мозгу. Дав сестре таблетку, как она и просила, Виктор прошелся по квартире.

В спальне на платяном шкафу Виктор увидел шикарный музыкальный центр. Станным было то, что он стоял там. Даже не стоял, а почти висел под потолком, укрепленный на держателях вроде тех, которые используют для ящиков с цветами на балконе. От музыкального центра тянулись проводки за штору — там Виктор обнаружил маленькие динамики. Молодой человек почувствовал, как кровь прилила к голове. Поставив стремянку к платяному шкафу, он нажал клавишу «Play». Раздалась нежная мелодия флейты, зазвенели колокольчики, послышался какой-то шуршащий звук. Виктор вернулся на кухню.

Вид Алены его поразил — она сидела неестественно прямо, запрокинув голову с незрячими глазами вверх, прислушиваясь к звукам. Лицо ее выражало такую муку, такую боль! Когда Виктор прикоснулся к ее плечу, она подскочила.

— Что ты, что ты! — успокаивающе проговорил брат.

— Опять, Витя, опять эти звуки!

Тем временем шуршание закончилось, и через мгновение квартиру заполнили звуки падающих тяжелых капель. Алена дрожала в объятиях брата, ей было страшно и стыдно признаться в своем недуге. Виктор вернулся в спальню и выключил магнитофон. Вытащив лазерный диск, он прочитал название: «Звуки Тибета» — и аккуратно положил его назад в гнездо.

— Это те звуки, которые тебе слышались? — прямо спросил он у сестры.

Она вскинулась:

— Какие?

— Только что звучала музыка с диска «Звуки Тибета». Ты знаешь этот диск?

Она покачала отрицательно головой.

— Ты знаешь, что у тебя в спальне стоит, вернее, висит шикарный музыкальный центр «Панасоник»?

Алена вторично покачала головой.

— Звуки, которые ты все время слышала и воспринимала как слуховую галлюцинацию, были настоящими. Тебя дурачили, Алена. Только зачем — не пойму. Как реагировал на все это Николай?

Ошеломленная сообщением Виктора, Алена, запинаясь, проговорила:

— Он говорил, что ничего не слышит. Значит, это он?.. Но зачем?!

Она уронила голову на руки.

— Тихо, сестренка, разберемся. Но если это его рук дело — убью, — с тихой угрозой пообещал брат. — Послушай, что мы будем делать. Когда он вернется с работы, скажешь, что я только вошел, а как дальше — посмотрим.

Когда во время вполне семейного, спокойного ужина раздался телефонный звонок, Виктор внимательно посмотрел на сидящих за столом. Алена напряженно подняла голову и тут же ее опустила. Глаза Николая заметались, он крепче сжал вилку, но продолжал есть.

— Вы что это, ребята, — с изумлением произнес Виктор, — оглохли, телефона не слышите? — Молодой человек вскочил и подошел к трезвонящему аппарату. — Алло! — пробасил он в трубку и в ответ услышал звуки отбоя.

Потом он зашел в спальню, включил магнитофон, нашел нужное место и, запрограммировав его, вернулся на кухню. Николай сидел с опущенной головой, Алена нервно катала хлебные шарики. По всей квартире зазвучала нежная мелодия — тоненько пропела флейта, звякнули колокольцы... Николай вскочил.

— Я... я... — заикаясь пытался объяснить он.

— Сидеть! — гаркнул Виктор. — Выкладывай быстро, что ты задумал!

Николай тяжелым мешком рухнул на стул.

— Пожалуйста, прошу, пожалуйста, — жалобно произнесла Алена, — выключите эту музыку, я не могу ее слышать!

Виктор повернулся к Николаю:

— Пульт?

Тот кивнул в сторону своего кейса. В квартире воцарилась тишина.

— Колись, Николаша, — вкрадчивым голосом попросил Виктор.

Рассказ занял не много времени.

— С каким наслаждением я бы врезал тебе по морде! — раскачиваясь из стороны в сторону, протянул Виктор. — Изверги, вы готовы были угробить Аленку, чтобы освободиться от нее и получить развод! Алена, ты могла себе это представить?

Сестра молчала.

— Сволочи, преступники! Ты не мужик, а тряпка, раз пошел на поводу у бабы. Захотел развестись — сказал бы прямо. А так... Что же за сердце надо иметь... — Голос его зазвенел. — Нет, не каменное, а стеклянное — бесцветное, прозрачное, пустое сердце, где ничего не отражается и ничего не задерживается.

Воцарилось молчание, тишину прорезал звонкий голос Алены:

— Николай, я сама подам на развод, не беспокойся ни о чем!

Прошло несколько месяцев. Николай и Алена развелись, квартира осталась за Аленой, но она живет пока у отца и брата. Оба заботятся о ней, стараясь восстановить ее здоровье. Алена до сих пор не верит, что Николай никогда не вернется к ней. Ночами она горько плачет. Она любит Николая и, вероятно, уже не сможет разлюбить. Николай поселился у Татьяны, она довольна. Единственное, что омрачает ее счастье, — невозможность иметь детей. Но у нее есть большой ребенок — Николай. Ему отдает она всю свою нежность и любовь. Николай стал снова пить, часто напиваясь до бесчувственного состояния, и тогда Татьяна с трудом тащит его в постель.

Сегодня Николай отпросился с работы пораньше. Едва закончил сеанс массажа — так схватило за грудиной. Даже нитроглицерин не помог. Он позвонил Татьяне — ее не было ни на работе, ни дома. Он осторожно вел машину, прислушиваясь к тому, что творится у него внутри. Когда он выключил двигатель, то понял, что приехал к старому дому. Он поднялся на свой этаж, открыл дверь ключом, и пустота плотным саваном укутала его. Николай добрал до кресла, сбросил на пол плащ, снял ботинки. Боль нарастала — он застонал и буквально увидел свое сердце: но не как в анатомических атласах — мускульный мешок, пронизанный кровеносными сосудами, — а так, как принято его рисовать — полукружок с вмятиной сверху и острым краешком внизу. Именно острый краешек и впился ему в бок. Ему вспомнилось, как еще до свадьбы он подарил Алене именно такое сердечко из стекла на простом черном шнурке. «Надо бы вызвать “скорую”», — подумалось ему... Но шевелиться не хотелось. Тело само нашло наиболее оптимальное, уютное положение, и изменять его означало нарушить хрупкий баланс, сложившийся между болью и не болью. Он обвел глазами комнату — пыль толстым слоем лежала на мебели, серыми казались шторы и тюль на окне, угол, где раньше вилась большая старая лиана, был голым и жалким без цветка. Он прикрыл глаза. Как все было легко и просто в молодости. Алена...

Почему она согласилась тогда выйти за него замуж, ведь они так мало были знакомы?

Почему его полюбила Татьяна? Он никогда не имел успеха у женщин. Все замечали античные черты его лица, стройную подтянутую фигуру. Вероятно, все дело в неких флюидах, чисто мужском притяжении, а у него их не было. Проанализировав последние события, он понял, что Татьяна тем и пленила, что неожиданно влюбилась в него и первая призналась в этом. Ее ошеломляющая страсть компенсировала все неудачи, обиды от непризнания, непонятости, накопившиеся за всю жизнь. Алена всегда была рядом, для нее он был рыцарем без страха и упрека. Она возвела его на пьедестал, которого он на самом деле не заслуживал.

Николая осенило — он всю жизнь боялся разоблачения, опасался, что когда-нибудь найдется такой же сопливый мальчишка, высмеявший в сказке голого короля, который крикнет о нем, Николае, на весь мир: «Да это и не мужик вовсе, а тряпка!» Его зазнобило, острый край сердечка снова впился глубоко в грудь, Николай сделал несколько вдохов. Мысли вновь вернулись в свое русло. Татьяна никогда не скрывала своей власти над ним — она манипулировала им, как заводной игрушкой. Ему было приятно ощущать себя слабым и маленьким рядом с ней, большой и сильной, как белая медведица. Почему ее нет сейчас здесь? Зачем он приехал в эту пустую квартиру, холодную, как склеп? Слабым голосом он позвал:

— Алена...

Два женских лика пронеслись перед его глазами в последний раз, плоское стеклянное сердечко развернулось в груди и замерло.

Выключив видик, Андрей Караульный заботливо уложил кассеты в коробки и обернулся к Кате:

— Ну как?

После многочасового просмотра фильмов у Кати уже рябило в глазах. Великолепный Кевин Костнер, блестящий телохранитель, непостижимый Робин Гуд и самоотверженный плаватель Водного мира, готовый умереть, спасая друзей, — все слилось в один блестящий, романтический образ героя, воина, защитника.

— Женщины мечтают о таком мужчине всю свою жизнь, — серьезно ответила она.

Андрей кивнул:

— Герой этого фильма — мой образец для подражания.

— И ты не боишься смерти? — недоверчиво спросила Катя.

— Нет, — просто ответил Андрей.

— Шутишь?

Андрей покачал головой:

— Однажды я уже почти что умер.

— Когда?! — испуганно вскинулась Катя.

Андрей помолчал и, усмехнувшись, продолжил:

— Как-то раз получилась у нас карусель с духами — не то мы за ними охотимся, не то они за нами. Но они загнали нас. Притаились. Лежу на спине в укрытии и жду, что вот-вот появится надо мной чья-то фигура. Прикинул, куда он будет стрелять, прикрыл сердце автоматом, уже мысленно попрощался с родителями, просчитал, на сколько мне хватит двух магазинов...

— И что? — дрожащим голосом спросила Катя.

— Жив, как видишь, — небрежно передернул плечами Андрей.

Кате подумалось: «Если бы его убили, то мы никогда бы не встретились» — и она еще крепче прижалась к сильной мускулистой руке. Как же она раньше жила без него — каждый день безразлично скользила взглядом по неподвижным фигурам охранников у входа в банк, где она работала операционисткой. Они не вызывали никаких эмоций, все одинаковые, все в камуфляже, здоровые, как шкафы. К ним привыкли и перестали замечать.

Как-то раз, опаздывая на работу, Катя ворвалась в здание банка, на бегу сорвала шарф, шапку, распахнула пальто.

— Девушка, обронули! — прорезал привычные утренние звуки звонкий голос. Она обернулась — улыбаясь, к ней подходил невысокий коренастый молодой охранник, протягивая варежки и шарф. «Его я здесь еще не видела», — отметила про себя Катя и, пробормотав «спасибо», поспешила к лифту.

За рабочими проблемами и заботами утреннее происшествие напрочь вылетело из головы. Когда после напряженного рабочего дня и вечернего дежурства Катя устало шла по мрамору пустого гулкого вестибюля, представляя себе метель на улице, две неудобные пересадки в метро, сумрак спугнул задорный окрик:

— Ничего больше не позабыли? — Тот самый, «утренний», охранник опять улыбался ей.

Катя смешалась.

— Вроде бы ничего, — осторожно ответила девушка и направилась к выходу. Ей не помнилось случая, чтобы охрана заговаривала с кем-то из сотрудников.

— А как вас зовут? — не унимался молодой человек.

— Катя.

— А меня — Андрей. Вы давно здесь работаете?

— Три года, — промолвила Катя и поинтересовалась: — А вы давно в охране работаете?

— Давно. Если учесть охрану наших рубежей на Кавказе.

Катя понимающе кивнула и взялась за ручку двери:

— Ну, я пошла?

— Подождите! — снова остановил ее возглас.

Девушка с недоумением оглянулась.

— Вы... В общем, можно вас завтра увидеть снова? Я освобожусь к семи.

Девушка пожала плечами и выскользнула за дверь. Почему-то ей захотелось, чтобы завтра наступило как можно скорее.

Ровно месяц прошел с тех пор, как Катя стала встречаться с Андреем. Камуфляжная форма больше не смущала ее. «Я — воин, моя судьба — драться и защищать», — неоднократно повторял ее друг. Действительно, он внушал удивительное чувство безопасности. Сильный, мужественный, справедливый, словно Робин Гуд. Кажется, позови его наяву, мысленно или во сне — и он обязательно придет на помощь и спасет. Впервые сильное чувство завладело ею, впервые нашелся человек, в котором она увидела опору. Смешно сказать, но с десятого класса школы за Катей ухаживали всего трое: безотказный Витя Женкин — хлипкий, высокий как жердь парнишка, три долгих года полыхавший к девушке платонической страстью; потом ею увлекся серьезный человек — сотрудник коммерческой фирмы, старше Кати на десять лет, он чем-то напоминал персонаж фильма «Девчата» — «мастерущего» Ксан Ксаныча. Он хорошо и умело ухаживал за ней, был заботлив и нежен, делал трогательные подарки, приглашал в театры. Однако «добрые души» вскоре доложили Кате, что ее «Ксан Ксаныч» женат и имеет двоих детей. Катя сразу прекратила все отношения. О следующем поклоннике и вспоминать не хочется. И вот, кажется, ей встретился мужчина, о котором она мечтала!

Катя быстро поняла, что в обычной, простой семье, в которой вырос Андрей, в первую очередь ценился физический труд, мускульный потенциал. Книжки и прочее оставляли на «после работы». Андрей не имел понятия о самых элементарных вещах, и Катя с увлечением занялась образованием Андрея. «Ученик», в свою очередь, взялся за просвещение своего «преподавателя» в области лучших голливудских боевиков. Теперь при встречах Катя передавала молодому человеку книжки — Бунина, Тэффи, Мандельштама — и получала коробки с кассетами «Дом у дороги», «Несколько хороших парней», «Топ ган»...

Вскоре «игра в школу» наскучила Андрею. Он быстро менял свои интересы, настроения и привязанности — то надолго пропадал в походах, то увлекался трудами тибетских лам и все время проводил в секции ушу, то просто тусовался по дворам. Катя приходила в отчаяние, а Андрей только добродушно посмеивался в ответ:

— Нет у меня силы воли на эти книжки, я бродяга — сегодня здесь, завтра там.

Она огорчалась — если бы было можно вставить ее знания в голову Андрея на манер

компьютерной дискеты...

Со временем обнаружилось, что Андрей невероятно тщеславен, он часами рассказывал о собственных воинских доблестях, изо всех сил нахваливая себя. Кроме того, молодой человек был до неприличия скуп и безмятежно предоставлял Кате право оплачивать все совместные развлечения, делая вид, что не имеет понятия, зачем дарятся женщинам цветы, и обижаясь, когда Катя подшучивала над его бережливостью. И девушка безропотно платила, придумывая для Андрея самые различные оправдания, только бы сохранить душевный покой и ясную уверенность в безусловных достоинствах своего друга.

В свободные от дежурства дни Андрей ждал Катю прямо у выхода из банка, так что их стремительно развивающийся роман стал предметом обсуждения на всех этажах банка. Все женщины отдела принимали живейшее участие в судьбе Кати. И только эффектная миниатюрная блондинка, секс-символ банка Лена, криволипно смешила губы:

— Ну что, Крупская, все еще караульных просвещаешь?

Весь прочий женский коллектив дружно бросался на защиту Кати, а Лена хохотала в ответ:

— Любовь?! Нет, девчонки, моя мечта — отхватить себе банкира, хоть какого-нибудь. Потому в банке и работаю.

Катя молчала в ответ, изо всех сил стараясь не слышать насмешек блондинки. А через месяц, к ее большому облегчению, Лена объявила о своем переходе в другой филиал. Традиция требовала устроить «отвальную»: для отдела — у себя дома, для прочих сотрудников — в банке. В воскресенье вечером нарядная Лена принимала своих коллег с мужьями, друзьями, подругами. Последними пришли Катя с Андреем.

— Очень приятно, — сощурила глаза Лена, протягивая ему руку, которую Андрей галантно поцеловал. Выпрямившись, он вызывающе глянул в глаза Лены, и окружающим стало ясно, что весь вечер будет разыгрываться дешевый, но опасный спектакль.

Лена полностью завладела вниманием Андрея. Он приглашал ее на танец, пил с ней из одного бокала на брудершафт, садился рядом. Здравый рассудок Кати подсказывал, что идет демонстрация силы, однако эмоции были сильнее — в глазах уже темнело от обиды. Тогда Лена встала и громко заявила:

— У меня тост — за просвещение и просветителей! — И первая рассмеялась своей шутке. Ее никто не поддержал, кругом неодобрительно зашушукались. Андрей как замороженный следил за каждым движением хозяйки дома и все чаще подливал себе водки. Не в силах больше ощущать на себе сочувствующие и любопытные взгляды, Катя тихо вышла в прихожую.

— Мне пора, — оповестила она Лену.

— Ну что же, — без сожаления откликнулась хозяйка дома, — иди, только Андрюшу я не отпускаю. Пусть Вадик тебя до метро проводит, да, Вадюша?

Вадик нехотя сполз с дивана и, накинув куртку, направился к двери. Отказавшись от полудобровольных услуг провожатого, Катя поспешно ушла. Она еще надеялась, что за спиной послышатся шаги и знакомый голос окликнет ее.

С утра она приказала себе забыть вчерашний вечер. Втайне Катя надеялась, что Андрей позвонит ей, объяснится, и недоумевала, почему он молчит... А вечером, когда на «отвальную» стали собираться коллеги из других отделов, запенилось шампанское в разнокалиберных бокалах, загудели разговоры, раздались тосты за успех на новом месте, Лена сама обратилась к Кате:

— Что же ты Андрюшу не пригласила? Ах да, он сегодня все время в карауле. Недаром фамилия у него подходящая — Караульный. Кстати, сообщаю — он ничего, я имею в виду, как мужчина, очень даже ничего. Жаль, что твоя просветительская миссия не позволяет оценить его прочие достоинства.

В комнате на мгновение повисла тишина. Горячая волна окатила Катю с ног до головы. Все заговорили разом — одни громче обычного обсуждали нейтральные темы, делая вид, что ничего не произошло, другие накинулись на Лену. Гордость не позволила Кате сразу покинуть поле боя, и она весь вечер простояла с бокалом у окна. Только когда вечеринка закончилась и народ стал расходиться, она в компании с другими девушками из отдела спустилась вниз. У выхода, как всегда, маячили два человека в камуфляже. Катя подошла ближе и закусилась до боли губу — в одном из охранников она узнала Андрея. Спокойно и решительно он отвел глаза от вопрошающих глаз Катерины. И девушка все поняла. Андрей не намерен ничего объяснять, просто он сделал свой выбор. Была Катя — он увлекся ею. А сейчас яркая, вызывающая Лена пленила его воображение.

Сам Андрей ничего предосудительного не видел в том, что за его внимание сражаются две женщины, — это так естественно! Еще в детстве его вечно не могли «поделить» две бабушки — Маня и Фрося. Они закармливали Андрюшу всякими лакомствами, берегли его здоровье — мальчик рос очень слабеньким. Каждая бабушка придумывала что-нибудь увлекательное для любимого внука. Андрюшенька рос в атмосфере поклонения и вечного женского внимания. После смерти бабушек между собой соперничали отец и мать, прилагая все усилия, чтобы показать, что каждый любит его больше.

— Доиграешься ты с девчонками, — журил его старший по смене, заметив перемену в отношениях Кати и Андрея. Но Караульный только отшучивался.

Спустя две недели Катя узнала, что Андрей уволился из банка. Начальник охраны раздраженно объяснил Кате, что он давно мечтал попасть в одну известную контору, где профессионально готовят охранников и телохранителей для высокопоставленных лиц; что он прошел отбор, принят и уже в банк не вернется. Катя старалась держаться бодро, однако у нее это плохо получалось. Обида разрывала сердце потому, что всегда она, Катерина, была инициатором разрыва отношений. До сих пор никто ее не бросал. И Катя никак не могла переварить это странное, жгущее, как изжога, чувство.

Спустя две недели после злополучной вечеринки ей приснился странный сон: как в голливудском фильме, стоит она под густыми деревьями Шервудского леса на ковре из оранжевой пожухлой листвы. Обернувшись, девушка замечает Робин Гуда — он уходит все дальше и дальше, высокие стрелы торчат из длинного кожаного колчана, рука крепко сжимает лук. Катя хочет остановить его, но крик и слезы комом застывают в горле. Неожиданно стрелок оборачивается. Но это не Робин Гуд. Это — Андрей.

— Я еще вернусь! — громко крикнул он и исчез в лесной влажной темноте.

Проснувшись, Катя поняла: неудобное чувство брошенности наконец проглочено и переварено. Ею овладело холодное, как скальпель, безразличие. Главное — вернуться к нормальной жизни, вести себя так, словно ничего не произошло. Теперь она старалась почаще задерживаться на работе, изучала параллельные операции, брала дополнительные дежурства, уставала до оупения. Это было единственным способом прийти в себя. Поздним февральским вечером, когда девушка уже заканчивала работу и убирала документы в специальный файл, на глаза попала скрепленная пачка документов. Катя автоматически

собралась переложить их в ящичек с надписью «Касса», но первые строчки документа насторожили ее — похоже, у одного из ее клиентов «Экстра-банка» могут возникнуть проблемы. Наутро, взяв папку, Катя обратилась к начальнице с просьбой разобраться. Вера Васильевна долго изучала данные. Краска медленно заливала ее шею, щеки. Она вскочила и, схватив Катю за руку, просипела:

— Побежали к управляющему!

— К кому?! — выдавила из себя Катя.

— Только он может решить этот вопрос быстро! — Начальница проворно втолкнула девушку в лифт.

Управляющий недолго изучал документ, а поняв, в чем дело, откинулся на спинку кресла и побледнел. Он молча махнул рукой, мол, уходите, сам разберусь!

— Что же теперь будет? — осведомилась Катя у Веры Васильевны, крупно вышагивающей рядом с ней.

— Посмотрим, — кратко ответила начальница. Она действительно не знала ответа.

— ...Где она? — громко спросил высокий мужчина.

Управляющий засеменил к столу Катерины и положил пухлую руку на ее плечо. Все сидящие в зале, с замершими над клавиатурой руками, жадно впитывали развернувшееся перед их глазами зрелище.

— Вот! — указал управляющий на Катю, и клиент широким твердым шагом направился прямо к ней.

— Катя? — властно спросил он. Девушка молча кивнула. Клиент впился глазами в ее лицо, его голос смягчился: — Я тот самый из «Экстра-банка», вы помните?

Катя наморщила лоб, а потом кивнула. Клиент продолжил мягким, бархатным баритоном:

— Документы, обнаруженные вами, были подделаны, сейчас я мог бы валяться в какой-нибудь канаве с простреленной головой, если бы не вы. Я не знаю, как вас можно отблагодарить. Может, вы примете мое приглашение поужинать сегодня вечером? Я заеду в шесть. Согласны?

Катя машинально кивнула опять. Резко развернувшись, мужчина из «Экстра-банка» направился к выходу, управляющий проворно покотился за ним. Дверь захлопнулась, в отделе поднялся необычайный шум. Но Катя сидела как глухая, старалась изо всех сил удержать пальцы на скользких клавишах клавиатуры, напряженно вглядываясь в экран. «Не думай об этом, не думай», — уговаривала она себя. А перед глазами все вставало и вставало суровое, словно высеченное из камня лицо с пронзительными голубыми глазами. Она даже не узнала имени этого из «Экстра-банка».

Чем ближе к шести двигались стрелки круглых часов, висящих на стене прямо напротив Кати, тем чаще возникало ощущение, будто мчится она на санках вниз по крутой горе. Без четверти шесть Катя отважно вошла в лифт, пытаясь справиться с волнением.

— Добрый вечер, — поприветствовал ее утренний посетитель, протягивая букет бордовых роз. Катя опустила лицо в их бархатистую душистую влажность. — Я ведь с утра так и не представился — Костровицкий Андрей Владиленович, — продолжил мужчина, — можно просто Андрей, мое отчество с непривычки трудно выговорить.

Он открыл перед Катей дверь, и они вышли в вечер. Ужинали они в дорогом клубе для самых избранных. Костровицкий оказался веселым, остроумным собеседником, они весело и

оживленно беседовали, смеялись. Катя быстро забыла свою скованность и застенчивость. Когда Андрей попросил рассказать о себе, девушка почувствовала, как напряжение вновь охватило ее.

— Мне нечего рассказывать о себе, — тихо, но твердо сказала она.

— Не может быть, чтобы молодая симпатичная девушка ничего не могла рассказать, — настаивал Андрей.

— Нет, давайте не будем об этом, — попросила Катя.

— Вы что, боитесь меня?

Катя отрицательно покачала головой.

— Не надо, Катя. Я же не серый волк!

Девушка молчала.

— О, чувствуется, что у вас есть история. Роман?

Она сердито взглянула на него.

— Что-то не верится, что представительный, красивый мужчина, вице-президент банка интересуется мелким, неизвестным банковским клерком, — язвительно пробурчала она.

Костровицкий усмехнулся:

— Вы мне интересны, Катя. Вы, а не банковский клерк.

Очарование вечера улетучилось. Катя резко вскинула голову:

— Вы что же, рассчитываете на продолжение вечера?

— Как это? — не понял мужчина.

— Маленькая серая мышка из операционного зала банка будет ослеплена богатством изысканного меню ужина, а потом легко согласится на чашечку кофе в апартаментах состоятельного банкира! — запальчиво крикнула Катя.

И тут же пожалела о сказанном — Андрей резко отпрянул от нее. Медленно свернув салфетку и положив ее на стол, он мягко сказал:

— А я вас, милая, в гости не приглашал.

Она почувствовала, что краснеет.

— Я не это имела в виду.

— Я знаю, что вы имели в виду. Запомните, я не принадлежу к тому типу людей, которые бросаются на первых понравившихся им женщин. Для этого есть профессионалки.

Костровицкий молча вышел из-за стола. Как провинившаяся школьница, Катя последовала за ним. Все так же молча он подал девушке руку, чтобы помочь сесть в машину, и открыл рот только для того, чтобы бросить водителю:

— В Крылатское!

— Это не мой адрес! — запротестовала Катя.

— Это *мой* адрес, — раздраженно ответил Костровицкий.

— Остановите, пожалуйста, я на метро поеду! — умоляюще попросила Катя.

— Не устраивайте здесь истерик, перед вами не сексуальный маньяк, — зашипел Андрей Владиленович, сжав ее локоть. — Обещаю, с вами ничего не случится.

Поняв бесполезность сопротивления, Катя откинулась на спинку сиденья. Вскоре машина остановилась у ничем не примечательной многоэтажки.

— Выходим, — буркнул Андрей и бесцеремонно потащил девушку за руку за собой.

Он вошел в подъезд, быстро набрал код домофона и уверенно поднялся по ступеням чистого холла к лифту. Когда лифт доставил их наверх, дверь квартиры напротив открылась. На пороге стояла пожилая, аккуратно одетая дама.

— Здравствуйте, Андрей Владиленович! — поздоровалась она.

Костровицкий улыбнулся:

— Добрый вечер! Ну как?

Не обращая внимания на Катю, Андрей и дама скрылись в глубине квартиры.

Катя, расстегнув пальто, присела на краешек стула, стоявшего в прихожей. Напряжение последней четверти часа отпустило, и сейчас девушка почувствовала себя выпотрошенной тряпичной куклой.

— Смотрите сюда! — повелительно зазвучал голос Андрея. Катя подняла глаза. Мужчина держал на руках маленькую девочку лет пяти, смотревшую на Катю серыми хитрыми глазами.

— Кто это? — изумилась Катя.

— Дочь. — Он осторожно опустил ее на пол. Девочка неуклюже заковыляла к Кате. — Врожденный вывих бедра, раньше ходить не могла. Теперь-то все в порядке, год лечили в Японии, — пояснил Костровицкий.

— А где ее мать? — спросила девушка, когда, попрощавшись с няней, они стояли в полутемном коридоре в ожидании лифта.

— Сбежала два года назад, не захотела жить в нищете, возиться с инвалидом. Она тогда не знала, что через год могла бы быть обладательницей кредиток «Америкэн экспресс» и «Виза» и иметь каждый месяц приличную сумму на свои расходы. Теперь локти кусает. Только не надо антимоний, у Аньки все есть — няня, гувернантка, медсестра, сколько угодно игрушек... Охота мне возиться с другими бабами, как вы думаете? — осведомился он язвительным тоном. — Если бы вы знали, сколько их было, финтифлюшек, распускавших нюни при виде Аньки, — продолжал Костровицкий свой рассказ, когда лифт плавно спускался вниз. — Только когда они думали, что их никто не видит, брезгливо отталкивали ее, с ужасом глядя на маленького инвалида.

Сквозь самоуверенный облик нового русского, преуспевающего крутого банкира неожиданно проглянул глубоко страдающий за своего ребенка отец. Почему именно она, Катя, была удостоена такой чести — заглянуть в самую глубину частной жизни Андрея Костровицкого? Уже зная ответ, подсказанный женским чутьем, Катя продолжала молчать. Выйдя из подъезда, коротко взглянув на окна дома, Костровицкий стремительно распахнул перед девушкой дверцу машины и резко спросил:

— Ваш адрес?

Переход от мечтательного тона к резко-требовательному произошел мгновенно. Катя назвала улицу и номер дома.

Долгое время они молчали.

— Какой длинный вечер, — удивилась Катя, взглянув на часы на приборной доске машины.

Бесконечно долгий вечер в обществе Андрея Костровицкого. Андрей... Это имя все еще заставляет сжиматься душу в комочек. Где он, ее Робин Гуд? Катя глубоко вздохнула, Андрей уловил этот вздох.

— Я чувствую что-то с нами происходит, вы не находите? — через пару минут задумчивым тоном произнес он.

Катя не отозвалась, и Андрей обиженно отвернулся к окну. И только когда машина подъехала к ее дому, он повернулся к ней, окончательно превратившись в вице-президента «Экстра-банка», и сухо попрощался.

Ночью она не могла заснуть. «Что-то с нами происходит», — снова и снова приходили ей на ум слова Андрея. Банкир, маленькая девочка-инвалид и ее седовласая няня, кассовые документы, бесконечные вечерние улицы города, искрящиеся хрустальные бокалы, наполненные красным вином, — все запуталось в черный клубок короткого предрассветного сна. А наутро вчерашний вечер показался ей придуманным, нереальным. Словно она посмотрела фильм, оставивший сильное эмоциональное впечатление. Только букет бордовых роз напоминал о том, что все происходило с ней не в кино, а наяву.

— Ну? Что? — обступили ее с утра девчонки в отделе. — Как ужин с миллионером?

Катя попыталась улыбнуться:

— Ничего особенного. Скупердядя попался. Ужинали чуть ли не в «Макдоналдсе». Все время за телефон хватался, звонил кому-то. В общем, лучше бы и не ходила!

Говорить было больше не о чем, инцидент с «Экстра-банком» был предан забвению. Жизнь снова вошла в накатанную колею.

Однажды дверь в отдел распахнулась и на пороге показалась улыбающаяся Лена... Необыкновенный серебристый мех струился вдоль ее тела почти до самого пола, холеные пальцы с модным французским маникюром сжимали крохотную кожаную сумочку, но главное было не это. Изменилась сама Лена. Вскоре все разъяснилось. Лена добилась своего, и теперь на ее аркане «болтался» заместитель управляющего банка, где она работала. Ему предстоял развод и масса других формальностей. Но ничто не могло смутить безмятежного покоя Лены, нашедшей наконец свой идеал и уверенной в том, что будущее сулит только блаженство.

— Да! — Лена повернулась к Кате. — Помнишь нашего Андрюшу, Караульного? Да не красней ты так! Так вот, через пару недель он переметнулся к моей подруге, с которой я его сама познакомила, а от нее к ее знакомой, потом еще к кому-то... — И она весело рассмеялась. — Не унывай, Катерина, за одного битого двух небитых дают.

Пришла весна. Андрей Владиленович больше не объявлялся. Катя так и не смогла определить своего отношения к этому человеку — уж в слишком разных ипостасях представился он ей: банкир, заботливый отец, замечательный и остроумный собеседник, резкий, волевой человек... Первого мая неожиданно раздался телефонный звонок.

— Алло, это вы, Катя?

У Кати пересохло в горле. Она узнала этот голос.

— Это Костровицкий. Андрей. С праздником!

— С праздником, — судорожно сглотнув, отозвалась Катя.

— Конечно, это глупо, так долго не звонить, но я не люблю и не буду объясняться. Короче, у вас сегодня есть время?

— Да, я свободна, — совсем растерялась Катя.

— Отлично, через час я заезжаю за вами, поедem на дачу. О'кей?

Этот день запомнился Кате на всю жизнь. Стоит ей закрыть глаза, как она вспоминает все до мельчайших деталей — теплое солнце, вкусно пахнущий ветер, беззаботный, похожий на проказливого мальчишку Андрей.

Маленькая Аня сразу полезла Кате на руки.

— Надо же, — удивился Андрей, — обычно она чужих долго дичится.

Кате тоже понравилась смышленная девчушка. Она водила ее за руку вокруг цветника, качалась с ней на качелях.

— Уронили мишку куда? — пыталась она прочитать с ней стихи Барто.

Но девочка непонимающе смотрела на нее.

— Она не знает, к сожалению, наших стихов, — объяснил Андрей, — у нас гувернантка — англичанка. Зато по-английски Аня понимает. — И, обратившись к девочке, спросил: — What is your name, dear?

— My name is Ann, — непринужденной скороговоркой ответила девочка и добавила еще что-то, от чего Андрей рассмеялся.

Катя непонимающе переводила взгляд с Ани на ее отца.

— Болтушка, — ласково сказал Андрей.

— Аня, давай лучше русский стишок выучим, — обидевшись, предложила Катя. — Повторяй за мной: «Уронили мишку на пол, оторвали мишке лапу».

Аня с удовольствием заучивала легкие четверостишия.

После этого выходного Катя часто стала бывать в доме Костровицкого. Девочка привязалась к ней, радовалась ее приходу, охотно слушалась. Изредка Катя ловила на себе задумчивый взгляд Андрея, пронизывавший, словно рентген.

Однажды вечером, когда Аню уложили спать и Катя собирала детские игрушки, Андрей задержал ее руку и заглянул в глаза:

— Вы только не удивляйтесь, Катя. Я прошу вас стать моей женой.

Катя выронила плюшевого зайца из рук.

— Вы молодая, интересная. Аня вас очень полюбила.

— А вы? — едва слышно спросила Катя.

— Я? — Андрей прищурил глаза. — Я к вам привязался. Вы мне подходите.

И, не давая возможности возразить, Костровицкий решительно подошел к девушке очень близко, дотронулся пальцами до ее висков, зарылся в пушистых кудрях.

— Катя, выходи за меня, не пожалеешь, — прошептал он.

Прошел год с тех пор, как Катя стала супругой вице-президента «Экстра-банка» и матерью его дочери. Семья Костровицких переехала в небольшой загородный особняк в охраняемом поселке, состоявшем из подобных восьми — двенадцати домов. Жизнь вошла в спокойное русло: Андрей уезжал на работу, когда Катя еще спала, она просыпалась поздно, каждый раз с удовольствием вспоминая, что больше не надо спешить в серые сумерки на работу в банк. Потом приезжал тренер по аэробике — в доме был специально оборудованный зал. Весь день был заполнен, вечерами Катя поздно возвращалась из театров или из гостей. Андрей никогда не спрашивал, где и с кем жена проводит время, Катя не интересовалась причинами его долгих отлучек и частых опозданий.

Однажды Андрей пришел домой встревоженный.

— Ты только не волнуйся, — начал он успокаивать жену, отчего Катя сразу затрепетала, — на некоторое время мы усилим охрану.

— Но ведь в поселке есть охрана! — нарочито спокойно попыталась разобраться она.

— Этого мало. Завтра ты улетаешь с Аней в Карловы Вары, недели на две.

— Что происходит, Андрей, я хочу знать! — потребовала Катя.

— Знаешь, на нас регулярно объявляют охоту, — криво усмехнулся Андрей. — Сейчас пошла очередная волна, только и всего. На мне ничего нет, но осторожность никогда не помешает.

На следующий день Катя и Аня стояли у стойки таможенного контроля. Андрей пытался шутить, расписывал красоты бабьего лета в Карловых Варах. Все две недели вынужденного отпуска тревога не отпускала Катю. В тихом уютном отеле она попросила настроить телеантенну на Российское телевидение и не пропускала ни Одной криминальной хроники ни в теленовостях, ни в газетах.

Сердце ухало куда-то вниз, и трудно становилось дышать: в разборках никого не щадили — ни детей, ни жен, ни друзей... Однако целебный воздух, необременительные водные процедуры, массаж и прогулки сделали свое дело. В Москву Катя вернулась посвежевшей и счастливой. Андрей встречал их в аэропорту с огромным букетом пестрых осенних астр. Всем в доме было запрещено рассказывать о неудавшемся покушении на жизнь Костровицкого, ночных телефонных звонках с угрозами. Элитарные охранники-профессионалы рассыпались невидимками по дому.

Кате сообщили только о том, что в доме поставлена охрана. Она старалась не замечать крепких и юрких, как ящерики, молодых людей, изредка попадавших в ее поле зрения. Но однажды за ее спиной раздался тихий возглас:

— Катя?

Сразу догадавшись, кому он принадлежит, Катя неторопливо обернулась. Это был Андрей. Робин Гуд вернулся, как обещал когда-то в далеком сне.

Андрей совсем не изменился. Камуфляжная форма обтягивала крепкие плечи, волосы все так же топорщились коротким ежиком.

— Так это ты здесь живешь? — изумился он.

— Да, — кивнула головой Катя, — это мой дом, а Андрей Костровицкий — мой муж.

Недоверие в глазах сменилось злой насмешкой.

— Молодец, ничего себе мужика оторвала. Пришлось потрудиться, а?

Катя, опершись плечом о стену, долго смотрела на него. Когда-то она мечтала об этом мужчине. Перед глазами вспыхнули кадрами из сериала их первая встреча, знакомство, банк, разговоры о литературе, его маленький, как у девочки, кошелек, куда он так не любил заглядывать; бесконечная тщеславная похвальба, боевики по виду; вечер у Лены. Как она могла так ошибаться? Не проронив больше ни слова, Катя спокойно обошла охранника и вышла на террасу.

Покой в доме и ее душе был нарушен. Появилась угроза. Она исходила не от безымянных недоброжелателей, а от человека, обязанного защитить этот дом. Охранник стал источником беспокойства. И от него надо было избавиться.

— Андрюша, — улучила однажды Катя минуту, когда супруг ее расслабленно отдыхал после ужина, — я хочу тебе что-то сказать.

Она поднялась с дивана и, закрыв дверь в гостиную, остановилась перед мужем.

— Вопрос очень деликатный. Я хочу поговорить об одном охраннике, Караульном Андрее...

На лице мужа возникло изумление.

— Что такое?

Катя, собравшись с силами, продолжила:

— Он ведет себя не совсем правильно по отношению ко мне.

— Это уже интересно! — Муж поудобнее устроился в кресле.

— Мне кажется, нет, это уже очевидно, что он как-то странно относится ко мне. Все время какие-то шуточки, когда я прохожу мимо, какие-то намеки. Спрашивал, хорошо ли ты спрятал свои деньги. Интересовался, кто на нас наезжает. — Катя перевела дух: — Короче, он мне очень неприятен.

Костровицкий, опустив глаза, размышлял.

— Где он? — И поднялся с места.

— Дежурит завтра, — поспешила сообщить Катя.

— Я с ним потолкую, Катюш, — пообещал муж и задумчиво добавил: — Я даже не могу поверить, ведь это — самые лучшие профессионалы, их так должны были натаскать... Я поговорю с ним, — уже решительно произнес хозяин дома.

— Да нет же!!! — неожиданно страстно выкрикнула Катя. — Я хочу, чтобы он совсем, понимаешь, совсем сюда не приходил. Я его ненавижу!

Андрей с изумлением посмотрел на жену.

— Катя... — Он помолчал. — Ну ладно. Я отошлю его. Но ты, надеюсь, понимаешь, что для него это означает смерть как профессионала, после ни одно агентство не возьмет его к себе. Самураи в таких случаях делают себе харакири. Ох, Катя, у меня нет оснований для такого шага.

— Так придумай их! — Катя уже не владела собой. — Если я тебе не совсем безразлична!

И, хлопнув дверью, выбежала из комнаты.

На следующий день Катя оставалась у себя в комнате дольше обычного. Она отменила занятия с тренером и очень нескоро осмелилась выйти в холл. У входной двери стояли две фигуры в камуфляже. Против своей воли Катя подошла ближе. Одна фигура медленно двинулась ей навстречу. Катя задохнулась. Это был Андрей Караульный.

— Я вас жду, — подчеркнуто вежливо объяснил он, — Вы не могли бы уделить мне несколько минут?

— Слушаю вас... — Катя приложила усилия, чтобы голос не дрожал.

— Если можно, не здесь, а на улике.

Катя обреченно опустила голову. Накинув легкий плащ, она вышла вслед за ним, пытаясь собраться с мыслями.

Катя и сопровождавший ее охранник медленно шли по поселку вдоль домов.

— Ты не могла бы мне объяснить, в чем дело? — угрожающим тоном начал Андрей.

— Нет. — Катя упрямо покачала головой.

— Я остался без работы, тебе это известно?

Она прижала руки к груди:

— Я возьму, выплачу столько, сколько попросишь.

— Плевал я на твои деньги, богатая женушка нового русского! Что я тебе сделал?

Катя молчала.

— Я стоял как пень, хотя никто не знает, чего мне стоило видеть тебя все время в этом доме рядом с твоим банкиром! — Он осекся. — Убил бы стерву! — И сжал тяжелые кулаки. — Ты хотя бы понимаешь, что поступила подло?

Катя не ответила.

— Ну, прощай! — с ненавистью выдохнул Андрей и, не оглядываясь, широко зашагал по ровной асфальтовой дорожке прочь.

Она осталась стоять под сенью деревьев, мягко осыпавших ее желтыми листьями, как золотым дождем. Сквозь их кроны сквозило яркое октябрьское солнце. Катя напряженно следила, как быстро удаляется от нее фигура в камуфляже.

По дорожке катились сухие покореженные листья, послушные каждому дуновению ветра; из ближайшего дома доносился чей-то беззаботный смех; едва заметный отважный самолетик чертил длинные, как человеческая жизнь, серебристые линии в небе. Андрей совсем скрылся из виду.

Катя вздохнула и медленно пошла назад. Свершилось! Но почему-то ей хотелось плакать горько-горько, как когда-то в детстве, когда она потеряла любимую куклу.

— Я же люблю его, Господи! — всхлипнула она. — Не отбирай его у меня!

ОСЕННИЙ ПОЦЕЛУЙ

Софья Родионова, кандидат медицинских наук, заведующая лабораторией практических исследований оргразвития и консультирования, только что отметившая сорокалетие, считалась в своем кругу преуспевающей, обаятельной и интеллектуальной женщиной, пережившей все невзгоды и преодолевшей все препятствия. Хотя сама она думала иначе... Лаборатория Софьи проводила психодиагностические исследования для крепких банков-гигантов и прочих мощных фирм, желающих набрать и оценить персонал по западному стандарту.

Февральским днем, когда Софья готовила к сдаче большой отчет о проведенной аттестации кадров для солидного заказчика, дверь ее кабинета распахнулась. Вошел худощавый высокий молодой человек с очень коротко подстриженными, по последней моде, волосами.

— Вот, — улыбнулся он, протягивая Софье небольшую стопку бумаг.

Она сухо поинтересовалась:

— Вас что, не учили стучаться в дверь?

— Я постучал. — Молодой человек продолжал улыбаться, но, как показалось Софье, уже несколько нагло. Она вспыхнула:

— И вообще, юноша! Прежде чем так вваливаться ко мне, неплохо было бы заранее договориться о встрече.

— Но ведь вам звонили! — Молодой нахал был настойчив. — Фролов моя фамилия.

— Министр какой, — ответила, остывая, Родионова.

Перед глазами всплыла картина: в тот день многое не удавалось, все валилось из рук. Раздался звонок из университета: «Вы давно хотели получить лаборанта, присылаем, записывайте — Фролов Андрей».

— Да-да, — расстроено ответила она, продолжая думать о своем. Соня вспомнила этот разговор, и ей стало неловко: — Садитесь. Извините, запамтовала.

— Я все понимаю! — с жаром отозвался Андрей, вновь приходя в хорошее расположение духа, и Соне стало неудобно от допущенной ошибки.

Чтобы загладить вину, она неожиданно предложила молодому сотруднику встретиться в воскресенье в лаборатории для того, чтобы спокойно, не поря горячки, все показать и рассказать.

Они встретились. Увлеченность нового лаборанта, его восторженное внимание так вдохновляли Соню, что она, забрасывая более важные дела, вникала во все, чем интересовался ее молодой помощник.

— Ты моя Вития! — восторженно называл ее Андрей — его ошеломляла щедрость, с которой Софья делилась своими знаниями.

Прошло несколько месяцев. Андрей быстро сдружился с коллективом, неплохо показал себя с профессиональной точки зрения. Он стал правой рукой завлаба, ее лучшим учеником, ее детищем. И Соня поняла это много раньше, чем успели заметить многие, — она влюбилась. В свои сорок лет она млела от томления и неясных мечтаний, розовой дымки иллюзий и голубого тумана самообмана. «Что бы он хотел еще?» — спрашивала себя Соня, выдумывая новые и новые интеллектуальные изыски, которыми надеялась привязать к себе юного помощника. Они стали неразлучны. Соня покупала билеты на премьеры, стала ходить

на презентации, хотя терпеть их не могла. Она была счастлива. Когда один из давних и крупных заказчиков заключил контракт на набор и оценку персонала для своего открывающегося филиала, Софья Родионова не колеблясь включила в список команды молодого сотрудника. Многие недоумевали. Поползли слухи: «Родионова с ума сошла. Гормоны в голову ударили». Но Соня и слышать ничего не желала. «Осенний поцелуй после жаркого лета...» — напевала она. Открытие, что она еще может полюбить, окрыляло ее, поднимало над каждодневной суетой.

В праздник, на Восьмое марта, она выбралась к друзьям, получившим наконец новую квартиру на окраине Москвы. Они давно перестали надеяться на чудо, считая, что впятером в однокомнатной квартире будут жить всю жизнь. Но чудо свершилось! Соня поздравила друзей с новосельем, полубовалась видом на лес из окна, вместе со всеми стала прикидывать, в каком году откроют ближайшую станцию метро и построят «Макдоналдс».

— Соня, что ты так сияешь, — спросила хозяйка дома, — что случилось, а?

Соня только рассмеялась своим низким грудным смехом.

Распрощавшись с друзьями, Соня отправилась на автобусную остановку. Было холодно, неприятно. Пассажиры сбились в кучу, стараясь защититься от мокрого снега. Автобус не показывался. Соня продрогла. К остановке подошла высокая, очень полная женщина в кашемировом пальто-трапеции. Свет от фонаря упал ей на лицо, и Соня узнала в женщине свою одноклассницу Кораблеву. Когда-то они были дружны. Кораблева давала ей списывать, объясняла уроки, когда Соня болела. Соня слышала, что Кораблева вышла замуж, развелась. И вот теперь она стояла на автобусной остановке, большая, как корабль, и держала за руку молодого человека. Он был потрясающе красив. Но не это было главное. Главное — как он смотрел на Кораблеву. В этом взгляде любой неискушенный человек мог прочесть такую любовь! Соня почувствовала, как у нее засосало под ложечкой. «Стыд-то какой, — осуждающе подумала она, — ей на пенсию пора, а она слюни пускает». Подошел автобус. Поток пассажиров внес Соню в теплое нутро автобуса, и она оказалась почти рядом со «сладкой парочкой». Кораблева и ее спутник сидели рядышком, держась за руки. Молодой человек что-то шептал ей на ухо, попутно целуя в шею, а Кораблева тихонько смеялась и кивала. Соня с досадой отвернулась: «Ну и нравы пошли!» Автобус мчался сквозь мокрый вечер. За окнами густела тьма — еще не город, но уже не деревня. «Скорее бы метро!» Соня с усилием попыталась разглядеть что-либо за окном. Вдруг яркая, как вспышка, мысль сверкнула у нее в мозгу: «Андрей!» Как выглядела она, Софья Родионова, в обществе этого юноши в лаборатории, у заказчиков, на улице, в театре! «Боже мой, — чуть не застонала Соня, — неужели и я так?» И теперь уже с жадным любопытством она следила за всеми жестами Кораблевой и ее спутника, старалась не упустить ни одного слова, ни одного взгляда и все оглядывалась вокруг — как реагируют люди? Но никому не было дела до воркующей пары на переднем сиденье. Синий свет падал на лица пассажиров, делая их неживыми, словно вылепленными из плохой, ноздреватой глины.

Дома Соня рухнула ничком на диван. «Неужели я похожа на Ольгу?» — спрашивала она себя, надеясь в глубине души, что у нее все иначе. Наутро она встала с головной болью и отеками под глазами. «Старуха!» — горько сказала она своему отражению в зеркале. Запершись в кабинете, приказав никого, абсолютно никого к ней не пропускать, Софья принялась анализировать последние месяцы: Андрей оказался неглупым, шустрым, исполнительным сотрудником, с удовольствием вникавшим во все тонкости своего дела. Он

неплохо проявил себя в реализации проекта и заслужил одобрение коллег по команде. Правда, такого режима благоприятствования не заслужил ни один из сотрудников. Андрей имел свободный доступ ко всем лицензированным материалам, к компьютерным файлам Софьи, знал пароли специальных программ. Кто станет выступать против фаворита завлаба? Соня глубоко вздохнула, сжав лицо ладонями. Все зашло слишком далеко, она уже не может отказаться от молодого друга. Однако некое сомнение стало заползать в ее душу. Превенная простота в их отношениях пропала. Теперь Софья следила острым взглядом за своим помощником, контролировала свой голос, жесты и все время прикидывала со стороны: «А как я выгляжу? Так же, как Кораблева?»

Лаборатория собиралась отметить пятилетие своего основания. Готовились доклады и статьи. Собирались статистические данные. Уже направлялись поздравительные адреса от заказчиков и конкурентов — консультационных центров и лабораторий, занимающихся сходными проблемами.

— Сонька, что там у тебя за каша заваривается? — прошамкал однажды в телефонную трубку ее учитель и наставник Бронштейн Яков Яковлевич. — Говорят, какой-то Фролов предлагает частные услуги консультанта оргразвития фирм и при этом заявляет о праве использования всех твоих лицензированных материалов! Разберись, голубушка! Что-то не припомню я у тебя такого сотрудника.

Соня медленно положила трубку на рычаг. Каков! Украсть ее материалы! Ее заказчиков! А она-то уши развесила!

— Женя, пригласите ко мне Фролова, — попросила она лаборантку.

Через пять минут в кабинет вошел Андрей.

— До меня дошли сведения о вашей частной практике, — грозно начала завлаб.

Ее помощник растерянно улыбнулся:

— О какой?

— Не делай из меня идиотку! — загремела Родионова на весь кабинет. — Как ты смел, мальчишка! Думаешь, околпачил старую дуру!

— Да объясни, в чем дело!

— Не прикидывайся невинной овечкой! «Организовать фирму»! «Обеспечить консалтинг»! Слов понабрался каких. Ты пулей вылетишь отсюда, пулей!

Тяжело дыша, Софья рухнула в кресло. Фролов больше для нее не существовал. Внутренний холод сковал все внутри, словно сильный мороз по льду на реке.

— Единственное, что я могу для тебя сделать, — не разглашать подробностей твоего увольнения и дать тебе уйти по собственному желанию. Все. Уходи.

Она отвернулась к окну. Андрей обошел стол, развернул кресло Софьи и, низко склонившись к ней, отчетливо сказал:

— Я ни в чем не виноват перед тобой. Это — чудовищная ошибка. Потом будешь жалеть, Соня.

— Не смей меня шантажировать! — взвизгнула Родионова.

Вся лаборатория гудела. «Профессиональная этика почитается даже среди жесточайших конкурентов», «Так обмишуриться с молодым сотрудником!», «Родионова переборщила со своей любовью», — порхал недоброжелательный шепоток. Скандаль набирал обороты. Молодой человек пытался оправдаться, он поджидал ее в коридорах и у кабинета — Соня проходила мимо него, как мимо шкафа. Фролов звонил ей домой — она бросала трубку. И юный, подающий надежды лаборант, осенняя любовь завлаба, с треском был выброшен из

лаборатории.

Круги на воде разошлись и исчезли. Появились новые заботы, новые проекты. Нет-нет да вспоминал кто-то в курилке: «А помните, когда еще здесь был Фролов...» И опасливо оглядывался — не слышал ли кто? После увольнения Фролова в лаборатории составили суровые приказы о повышении дисциплины труда, о внутреннем распорядке и тому подобное.

— Разгулялась мать-начальница. Обжегшись на молоке, дует на воду, — жаловались сотрудники.

Сама Софья изменилась. Она перестала посещать театры и концерты. Стала много курить. Мало улыбалась. Редко шутила.

— Меня интересуют только факты, — жестко повторяла она, закуривая очередную сигарету.

Задержавшись допоздна в лаборатории, перелистывая старые материалы, Софья наткнулась на листок из обычной школьной тетрадки, забытый кем-то в папке. Вчитавшись, Соня почувствовала, как кровь прилила к голове и маленькие молоточки застучали в висках. Это был план устранения Андрея Фролова из лаборатории, вернее, его краткий сценарий. Всплыли события недавнего прошлого — как она бушевала, как кричала, раздираемая обидой за обманутую любовь, как стоял он перед ней, пытаясь что-то возразить, как царственно указала она ему на дверь. «Кому же ты так помешал, Андрюша?» — с раскаянием спросила себя Соня. Она осторожно вынула листочек из папки, поднесла близко к глазам. Рука, державшая листок, задрожала. Завлаб горько покачала головой и с силой скомкала ненужную теперь улику.

Надвигалась холодная, беспощадная зима.

— Комплект? — спросил водитель автобуса, грузно плюхаясь на сиденье, и двадцать восемь глоток дружно рывкнули: «Complete, OK!»

— В гостиницу! — скомандовала Настя, устало откидываясь на спинку сиденья. По закону подлости именно ее сиденье не опускалось назад, заснуть не удавалось, и Настя внезапно обнаружила в себе умение наблюдать за жизнью города из окна автобуса. Она не просто пялилась по сторонам, а могла из мельчайшей детали придумать целую жизнь. Изможденные женщины с сумками в очереди, мужики с банками пива у ларьков, толпа у замусоренных павильонов автобусных остановок, даже бродячие собаки вызывали в Насте смутные ассоциации, из которых раскручивалась на удивление ясная и стройная система, именуемая «жизнью». Это было удивительно, тем более что писательскими талантами Настя никогда не блистала. Может, просто сказывался опыт многолетней работы с людьми. Профессия переводчика таит в себе всегда много неожиданного, предлагает такие ситуации, что даже самым искушенным умам не представить. Вот сейчас они опять опаздывают на ужин, опять усталые официантки будут швырять на стол тарелки с давно остывшим мясом с картошкой — дежурным блюдом ресторана «Русь» в самой шикарной гостинице в заштатном городишке. Это значит, что снова надо будет заискивающе, ласково улыбаться, чтобы обслужили поскорее, чтобы кофе подали всем, а не в зависимости от личных симпатий официанта тому или другому. Стыдно. Сколько лет прошло, индустрия сервиса в Москве расцвела пышным цветом, а здесь, в глухой провинции, обслуживание осталось на доперестроечном уровне. Шокированные иностранцы, видя расстроенное лицо Насти, в ответ сами начинали успокаивать ее и даже приводить отрадные факты из жизни гостиницы «Русь»: кому-то положили целый кусок мыла, кому-то дали большое банное полотенце, а кому-то улыбнулась горничная.

— Настя, о чем мечтаешь? О любимом? All right? — хлопнул Настю по плечу темнокожий Пол.

— All right, — ответила Настя, а про себя желчно повторила: «О любимом, как же. Где он, этот любимый? Ищи его свищи!»

И повеяло в светлый сентябрьский вечер холодной февральской стужей. Тогда Настя разошлась с Игорем. «Какие же мужики подлецы, Господи!» Не может Настя бросить свою работу, ну хоть режь ее: втянулась. Привычка, люди, встречи, проводы, соревнования, проблемы — все это составляло большую часть Настиной жизни, а теперь это — единственное, что у нее осталось. Сначала ей казалось, что Игорь шутит, а потом, когда разобралась, — страшно стало. Не забыть перекошенного лица и крика: «Кто знает, с кем ты там по гостиницам шляешься, что ты там у своих иностранцев нашла, раз уж так приклеилась к ним! Сидела бы в Москве, на фирме вкалывала! Нет, тебе обязательно надо мотаться по всей стране».

Вот так. А она-то, дура, верила в любовь — светлую и радостную, в верность супружескую. А Игорек ее, «пока она там по гостиницам», и Ленку, ее подругу, к себе водил, и с работы своей, и к соседке Верке прикалывался. Так и разошлись. Штамп в паспорте стоит, но на самом деле она не мужняя жена нынче, а просто одинокая баба Настя Волкова двадцати восьми лет от роду, переводчик протокольного отдела Спорткомитета.

Родной отдел, дом, где разбиваются сердца, сколько с тобой связано, плохого и

хорошего, веселого и грустного. Покалеченные судьбы, счастливые судьбы — всех объединил под своим крылом, утешил. Когда Настя разошлась с Игорем, только «протокол» помог ей встать на ноги. Методы здесь суровые, но эффективные. В сорокаградусный мороз в Абакан повезла она баскетболистов. И за хлопотами, билетами, гостиницами, переговорами забылось ее горе-тоска. Вернулась совсем другим человеком, в Шереметьеве плакали американцы, прощаясь с ней, надарили кучу подарков, в гости приглашали. До сих пор у нее духи «Шанель № 5» — шикарная женщина!

Время половина седьмого, а они все в пути. Сегодня ужина не жди, это точно. Придется отдариваться, умасливать мэтра, официантов. Почему у нас все так убого?

Резкий толчок, скрип тормозов вернули Настю из мира грез в мир реальности. За окном высилась уродливая махина гостиницы «Русь» с криво прибитым щитом над входом «Привет участникам соревнований по волейболу!».

— Get off, — по привычке скомандовала Настя и окунулась с головой в кучу проблем, сложностей и неурядиц. За ужином пришлось расстаться с фирменной зажигалкой, после ужина побегать в поисках средства от тараканов, одолевших группу, — нашелся только «Дихлофос». Она так устала, измоталась, хоть язык на плечо вешай. Настя долго ворочалась без сна на бугристом матрасе в своем номере.

На следующее утро Настя опоздала к завтраку. Вся группа толкалась в холле, беспомощно оглядываясь по сторонам. «Вот черт, не могут сами подняться на второй этаж да сесть за стол!» — выругалась про себя Настя. Когда запыхавшаяся переводчица поравнялась со своими подопечными, раздался шквал аплодисментов, и сияющий, благоухающий дорогими духами тренер команды вручил Насте огромный букет роз лимонного цвета.

«И где они только их достали?» — удивилась про себя переводчица.

— Мы тронуты, — начал говорить тренер, — вашим изумительным отношением к своим обязанностям. Кроме того, вы необыкновенный человек и очаровательная женщина. Золотая медаль нашей команды — это и ваша медаль. Мы жили здесь, в самом сердце России, а чувствовали себя как дома... Примите эти цветы в знак нашей вечной признательности.

И ошарашенную, раскрасневшуюся Настю бросились обнимать, тормошить, целовать. Она видела горящие глаза, слышала слова благодарности, впитывала в себя добрые ласковые улыбки. Ей казалось, что все проблемы улетели куда-то далеко-далеко, она чувствовала себя как человек, который хорошо потрудились, а теперь радуется, что работа удалась.

«Только ради этого и стоит жить, — повторяла про себя Настя, — ни за что не брошу эту работу. Иначе что мне останется?»

...А действительно, что?

ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

(Рассказ акселератки)

Мама без конца твердит, что до выпускных экзаменов осталось два месяца, что надо думать об учебе, об университете, куда я собираюсь поступать... Но я думаю только о нем, о Михаиле Николаевиче, самом замечательном мужчине на свете.

Еще, кажется, Руссо писал о том, что нет лучше ситуации для возникновения «нежных чувств», чем те, где есть учитель и ученица; пациент и врач. Я убедилась в правильности слов забытого французского классика. Слава Богу, я ничем не больна, поэтому врачей в моем ближайшем окружении нет. Но я влюбилась в своего репетитора по математике. С кем мне поделиться этим чувством? Подруги не поймут, буду хихикать или без конца острить. Родители просто прекратят занятия или наймут мне другого учителя. А это будет равнозначно катастрофе! Однажды я услышала, как мама в телефонном разговоре со своей подругой назвала его неудачником.

— Кандидат физтехнаук, завлаб какого-то НИИ, так он и остался не у дел. Ходит по урокам, пишет дипломные работы, скатывается все ниже и ниже. Одним словом — неудачник!

Надо заметить, что для моей мамы нет хуже человеческого порока, чем отсутствие удачи.

Ему тридцать пять лет, он женат, у него двое маленьких детей. Ну и что? Я же не собираюсь отнимать его у семьи. Ведь он даже не догадывается о том, что я в него влюблена. Моя любовь тихо омывает его, как бескрайнее море пустынный остров, не принося ни бурь, ни разрушений. Кстати, чтобы заслужить его лишнее слово похвалы или улыбку, я стала очень прилежно заниматься, сидеть над проклятыми задачами до полуночи. Мой учитель улыбается редко. Зато когда улыбка появляется у него на губах, в глазах орехового цвета сверкают искорки. Как у тигра. Сам он небольшого роста, но все в нем так пропорционально, что он мне напоминает японскую статуэтку нэцкэ. Как видите, моя влюбленность очень похожа на тихое помешательство — и со стороны не заметно, и самой себе не страшно.

Сегодня у нас очередной урок. Михаил Николаевич долго разоблачается в прихожей, снимая и встряхивая свою выдавшую виды куртку-«пилот» и шарф, шаркает коричневыми разношенными ботинками по коврику. (Почему-то он носит эти коричневые ботинки под серый костюм.) Потом учитель берет свой «дипломат» и направляется в мою комнату. В дверях стою я, с нетерпением ожидая того момента, когда он мне скажет: «Здравствуйте, Тамара» — и улыбнется. Тогда я затаиваю дыхание и гляжу, как искры сверкают в его тигриных глазах. Конечно, я как-то отвечаю на его приветствие — ведь я девушка воспитанная, и мы садимся заниматься. Михаил Николаевич выуживает из своего огромного «дипломата» учебник по тригонометрии и маленький блокнот. Больше в «дипломате» ничего нет. Разве что иногда газета «Из рук в руки». Мне очень важно и интересно все, что касается моего учителя. Мы начинаем урок, я решаю задачи, слушаю объяснения, а какая-то маленькая часть моего мозга изучает руки учителя — небольшие, немного вялые, с обручальным кольцом на пальце. Блеск кольца отвлекает мое внимание, потому что я начинаю представлять себе жену Михаила Николаевича, его детей. Мне чудится, что я

превращаюсь в невидимку, прокрадываюсь к нему в квартиру и вижу его в окружении семьи, слышу счастливый смех детей, радостное щебетание жены. Иногда я представляю себе, что у меня есть маленький «жучок» — микрофон, который я втыкаю в лацкан его пиджака, и тогда я слышу, как Михаил Николаевич проводит свой день... Фантазируя, я становлюсь невнимательной, и недоуменно сведенные угольные брови на переносице учителя приводят меня в чувство. Я возвращаюсь к принципам сечения и охотно рассекаю различные фигуры в пространстве. Время бежит быстро. Маленький будильник у меня на столе равнодушно отрезает время, отведенное для урока. Ровно через полтора часа Михаил Николаевич поднимается со стула, прячет учебник и блокнот в свой полупустой «дипломат» и прощается со мной. Это — первое прощание. Я провожаю его до прихожей, где мама вручает ему деньги. Он коротко кивает и небрежно засовывает их в карман своего «пилота». Я все еще в прихожей, жду, когда он скажет лично мне «До свидания, Тамара» и тигриные искорки снова вспыхнут в его глазах.

Так уже повелось, что День Российской Армии — праздник для наших мальчишек — будущих воинов. Я абсолютно не вижу смысла в этом, поскольку точно знаю, что из нашего класса лишь одна треть пополнит ряды доблестных Вооруженных Сил. А если так, то зачем вообще отмечать этот день, выдумывать какие-то подарки, устраивать дискотеки? Но когда я высказала свою точку зрения, на меня набросились все — и ребята, и девчонки. Ребята — за то, что я проявляю «жлобство в отношении подарков», а девчонки — за то, что нарушаю традиции. По традиции в Женский день мальчики нашего класса дарят нам идиотские игрушки и по одному рахитичному тюльпану. Я всегда скептически относилась к этим праздникам, но в этом году приближение двадцать третьего февраля отозвалось во мне легким мандражем. У меня в жизни появился настоящий мужчина, который был достоин подарка в этот день (я не говорю об отце, который до сих пор вспоминает службу в армии как самое счастливое время). Я имею в виду Михаила Николаевича. Голова моя шла кругом — что можно подарить этому замечательному человеку? Я мобилизовала все свои денежные ресурсы, каждый день прохаживалась по различным магазинам, выискивая ему подарок, а также слова, с которыми я вручу его любимому человеку. Я уже заранее представляла себе, какой это будет счастливый миг в моей жизни, как он улыбнется, а может, обнимет меня и поцелует... На этом месте мои фантазии обрывались. Конечно, у меня в жизни уже было много разных романов — оконченных и неоконченных. Я никогда не считала себя дурнушкой или глупой, пожаловаться на недостаток внимания к своей особе со стороны ребят, в основном старшеклассников, я не могла. Но Михаил Николаевич совсем другое дело! В который раз я горевала о том, что не могу заглянуть в его жизнь хотя бы одним глазком, чтобы узнать, что он любит, что ему нравится больше всего. В магазинах я стала прислушиваться к разговорам женщин, озадаченных аналогичной проблемой. Они выбирали своим мужьям галстуки, булавки, рубашки и прочие вещи. Это абсолютно не подходило для меня. И однажды меня осенило: я как раз проходила мимо витрины очередного супермаркета. В ней красовалась огромная бутылка коньяка «Наполеон». Мне понравились и идея, и название. Я немедленно вошла в магазин. Цена бутылки, выставленной в витрине, сбила меня с ног, словно штормовая волна. Но я устояла на ногах и нашла достойный выход из положения.

Разумеется, все мои приготовления держались в тайне от родителей. Двадцать третьего

февраля, с нетерпением дождавшись конца уроков, пережив в школе несколько неприятных минут, когда наши ребята с визгом разворачивали довольно безвкусные подарки, я с трепетом ожидала окончания уроков и прихода репетитора по математике. Он появился, как всегда, вовремя. Традиционный ритуал освобождения от верхней одежды, улыбка при входе в комнату... Я встревожилась. Сегодня мой обожаемый учитель выглядел немного необычно. Может, виновата улыбка, которая получилась слегка недоделанной, словно он поленился улыбнуться как следует. А может, грустное и немного озабоченное выражение глаз. Не знаю. Но я чувствовала — с ним что-то не так. Кое-как урок дотащился к концу. Наступал самый напряженный момент. Я вскочила и подошла к стеллажу, где был запрятан мой подарок. Михаил Николаевич не спешил подниматься со стула, и это было кстати. Он устало прикрыл маленькой ладонью глаза и несколько раз с усилием потер веки. Потом он тряхнул головой, как щенок, искупавшийся в реке, и наконец поднялся со стула. Репетитор сделал несколько шагов по направлению к двери, но я встала на его пути. Только сейчас Михаил Николаевич заметил меня. Клянусь вам — в его глазах промелькнуло узнавание, а не удивление. Казалось, что до сего момента он спал, а сейчас проснулся и увидел меня — Тамару Лесникову с бутылкой «Наполеона» в руке. Торжественный момент распался на глазах. Я несмело улыбнулась.

— Что это, Тамара? — Брови моего учителя сошлись на переносице.

— Подарок. К двадцать третьему февраля. Я вас поздравляю, — скороговоркой выпалила я, вручая ему злосчастную бутылку коньяка. Но он не спешил брать ее у меня. «Наполеон» беспомощно завис в воздухе между нами.

И тут он засмеялся. Сначала губы его раздвинулись в улыбке, потом плечи мелко затряслись. Он пытался сдержаться, закусил губу, но смех прорвался, и Михаил Николаевич расхохотался во весь голос. Я чувствовала, что краснею до корней волос. Теперь я не знаю, смеялся ли он надо мной или его позабавила комичность ситуации... Мне хотелось провалиться сквозь землю вместе с дурацкой бутылкой. Я смотрела на хохочущего учителя. На моих глазах рушился самый чудесный замок под названием «Любовь». Никакие нашествия в виде временной влюбленности в Витьку Смирнова из параллельного класса или короткого замыкания страсти на Саше Синицыне из соседнего подъезда не могли разрушить моей любви. Все это время я холила и лелеяла свое чувство к учителю. Я часто повторяла: «Мой дорогой, мой любимый Миша», и от того, как музыкально звучало его имя, моя любовь распускала самые пышные цветы. А теперь она была смята, повержена в прах, уничтожена. Я все-таки всунула бутылку учителю куда-то под мышку и вышла из комнаты. Я не видела процесса прощания с мамой, потому что в этот момент я ревела в ванной под аккомпанемент душа, включенного на полную мощность.

После этого я не могла больше видеть его. Даже имя вызывало во мне странную реакцию — что-то вроде крапивницы. Я упростила маму найти мне другого репетитора, плетя одну небылицу за другой. Как ни странно, мама не стала задавать лишних вопросов. Она подыскала мне другого преподавателя — вполне симпатичную тетеньку, с которой мы быстро нашли общий язык. Как было отказано Михаилу Николаевичу, я не знаю. Мне было неприятно спрашивать об этом. Однако в душе поселилась какая-то маета, непонятное чувство непоправимости. Мне было смешно и горько вспоминать свою погибшую «великую» любовь.

Седьмого марта с утра мальчишки заперлись в кабинете физики. Мы долго стояли под

дверью, ожидая, когда нам позволят войти и восхититься плодом коллективных умственных усилий мужской части нашего класса. Наконец нас впустили. На столах стояли гипсовые статуэтки Афродиты или какой-то другой греческой богини, обнаженной, с прекрасными стандартами 90—60—90. Даже самые восторженные из нас не смогли издать ни звука. Мы таращились на гипсовые произведения искусства и молчали. Дурашливо-радостное выражение лиц мужской части нашего класса постепенно стало сползать. Очевидно, до них что-то стало доходить. К приходу учителя статуэтки были надежно спрятаны в наших сумках. На столах остались только анемичные тюльпаны, которые в изнеможении посылали последние сигналы SOS.

По случаю праздника нас отпустили с предпоследнего урока. Я не пошла вместе со всеми в гости к Паше Слобожанину, который обещал «замутить нечто чумовое». Я отправилась домой. У помойки я остановилась, открыла сумку и отправила классические стандарты Афродиты в мусорный бак. Дома было пусто и прохладно. Мой бледный тюльпан с явным облегчением воспринял стакан холодной воды и тотчас же пустил пузырьки воздуха в воду. Резкий звонок в дверь заставил меня вздрогнуть. «Это Пашка прислал за мной гонцов», — пронеслось у меня в голове, пока я отпирала входную дверь. Но на пороге стоял совсем другой человек. Он сделал шаг вперед и оказался в прихожей. Это был Михаил Николаевич. Сегодня он выглядел отлично — лицо помолодело, глаза смотрели весело, плечи расправились. Одет он был очень даже ничего — во всяком случае, серое кашемировое пальто с поясом и ботинки были «нулевые». Видно было, что стрелка шкалы удачи явно двинулась в сторону плюса. В руках он держал не привычный «дипломат», а пакет. Из него он выудил плюшевого мишку, обнимающего огромный букет желто-золотистых крепеньких тюльпанов.

— С праздником весны, Тамара! — произнес он, вручая мне медведя. Я сначала решила обидеться за игрушку — неужели он меня считает до сих пор ребенком? Но потом я взгляделась в его симпатичную плюшевую мордашку и не стала обижаться.

В глазах Михаила Николаевича плясали знакомые золотистые огоньки. А потом произошло то, о чем я мечтала так давно, что даже забыла. Он наклонился ко мне и поцеловал.

— Будь всегда такой же искренней и солнечной, как эта весна, — услышала я его голос совсем рядом, тигриные искры в его глазах вспыхнули и погасли. Михаил Николаевич развернулся и вышел за порог. «Я его больше никогда не увижу», — подумала я, глядя ему в спину. Но грусти не было. Я прижимала к груди мохнатую игрушку, и на душе было спокойно и безмятежно, словно кто-то разгладил ее смятые и скомканные складки, выпрямил и укрепил ослабевший стержень. И теперь она была сильной и бодрой, как бледный тюльпан в стакане, подставляющий свои лепестки солнцу.

— ...Туз выиграл, — сказал Германн и открыл свою карту.
— Дама ваша убита, — сказал ласково Чекалинский.

А.С. Пушкин. «Пиковая дама»

Светлана повертела в руках глянцевый квадратик приглашения. «Открытие нового ночного клуба «Эркюль Пуаро». Действительно на два лица» — стояло на нем.

Когда утром шеф протянул ей приглашение, она обрадовалась. А теперь призадумалась — в наличии было только одно лицо. Сказать, что секретарь-референт управляющего филиалом крупного московского банка одинока, было бы неправдой. Она замужем, растет сын Витька. Однако отношения с мужем по прошествии пятнадцати лет совместной жизни уже не приносили ни радости, ни счастья. Они были настолько ровными и стабильными, что их вполне можно было бы назвать окаменевшими, так застывает кипящая лава после извержения вулкана. Ее Миша спокойный, чуткий. Света привыкла к его своеобразной монотонности, которую другие называли занудливостью. Он никогда не начинал скандала первым и всегда безропотно переносил эмоциональные вспышки жены. Света вздохнула — с мужем идти на открытие ночного клуба бессмысленно. Пока не поздно, надо вернуть приглашение шефу, пусть сходят молодые девочки-операционистки.

— Света, — позвал ее шеф, — будьте на месте в четыре часа. Я жду одного клиента. — И, подмигнув ей, добавил: — Козырный туз!

Это означало, что Света должна быть наготове — у шефа встреча с чрезвычайно важным крутым заказчиком. Хлопоты, беготня с кофейными чашками и деловыми бумагами отвлекли Светлану от грустных утренних раздумий, а когда «туз» отбыл вместе с шефом на ужин в ресторан, она спохватилась — приглашение так и осталось у нее! Огромное, похожее на аквариум здание банка уже опустело, завтра выходные, а открытие клуба вечером в воскресенье. Жаль, что приглашение пропадет.

Выйдя из здания банка, Светлана направилась напрямик к метро. Она шла по бульвару, и навстречу двигался поток нарядно одетых людей. У них были ожидающе-радостные лица — люди спешили в театры, спектакли должны вот-вот начаться. Свете стало грустно — она не могла припомнить, когда последний раз была в театре. «Вот мой итог, — не давала ей покоя мысль, — в тридцать пять лет превратилась в клушу, никуда не хожу, никого не вижу. С подругами созваниваюсь только в праздники, гостей не приглашаю годами». Света ощутила, как внутри у нее закипает злость. Она стала свирепо пробиваться локтями сквозь людскую толпу у станции метро.

— Купите билет! — вдруг обратилась к ней блондинка лет сорока в лаковом белом плаще.

Света хотела, как обычно, покачать головой на это предложение, но что-то заставило ее остановиться.

— А вы почему не идете? — с подозрением уточнила она.

Женщина грустно улыбнулась:

— Настроение такое, все одна хожу по театрам да одна. А сегодня решила — хватит. Возьмите билет, третий ряд партера, постановка, говорят, очень удачная.

Не осознавая до конца, что она делает, Светлана вытащила кошелек и отдала

сторублевую купюру. «Зачем я это сделала?» — спрашивала она себя, а ноги уже несли ее к театру. Звонить домой она даже не собиралась — Миша привык к поздним возвращениям жены с работы. Как всегда, перед самым началом спектакля в гардеробе была торопливая неразбериха, билетерши обступили опоздавших, предлагая им программки. Спектакль уже начался, и Света, пригибаясь, прошмыгнула в третий ряд и села на свое законное двадцать второе место. Действие увлекло ее, актерский ансамбль был чудесный, не зря теперь практикуется контрактная система. Лучшие актрисы и актеры московских театров были собраны в одной постановке. Светлана расслабилась и отвлеклась от своих горестных размышлений о смысле жизни. В антракте она вышла в фойе, с наслаждением наблюдая за прогуливающейся толпой зрителей. Их преимущественно составляли женщины, и лишь кое-где мелькали черные пиджаки мужчин. Когда она вновь заняла свое место, то с удивлением обнаружила, что пустовавшее во время первого действия место справа теперь было занято. Свет погас, началось второе действие.

— Позвольте программку, — попросили рядом.

Светлана скосила глаза — голос принадлежал седому мужчине.

— Благодарю, — через некоторое время прошелестел голос, и программка легла ей на колени.

В течение второго действия сосед еще несколько раз обращал на себя внимание Светланы. Он искренне смеялся и сопереживал, а в некоторые моменты что-то сердито бормотал и чертыхался. Когда спектакль закончился и публика, не щадя ладоней, продолжала вызывать артистов на сцену снова и снова, седой сосед вновь обратился к Светлане:

— Вам понравилось?

— Очень! — возбужденно ответила она.

— Да, ничего, ничего, — согласился сосед, сопровождая ее к гардеробу, — но на роль Ани все-таки надо было пригласить Мирошниченко.

Света с любопытством оглянулась на странного спутника.

— Мне кажется, что и эта актриса очень хорошо сыграла, — возразила она.

Они заняли очередь в гардероб, и теперь Света могла хорошенько разглядеть своего неожиданного собеседника. Ему можно было дать и пятьдесят, и шестьдесят лет — высокий, моложавый, с седой гривой, он чем-то отдаленно напоминал Эйнштейна, портрет которого висел у Светы над письменным столом во времена юности.

— Я давно слежу за успехами этого режиссера, — продолжал «Эйнштейн». — Однако позвольте представиться: Герман Кириллович.

Светлана назвала свое имя, Герман Кириллович галантно подал даме пальто и предупредительно распахнул дверь на улицу. Они вышли в расцветенный фонарями и огнями рекламы вечер.

— Разрешите вас проводить, — попросил Герман Кириллович.

— Давайте немного пройдемся. — Света плотнее запахнула пальто.

Они двинулись медленным шагом по аллее бульвара.

— Светлана, а вы видели... — И Герман Кириллович назвал нашумевшую по всей Москве премьеру.

— Нет, — Света грустно покачала головой, — я живу, как говорится, в «культурном вакууме».

— Маленькие дети?

Света опять мотнула головой.

— Ревнивый муж?

— Нет.

— Работа?

— Да нет же! — чуть ли не со слезами в голосе вскрикнула Светлана.

— Простите великодушно, если я чем-то оскорбил вас, — всполошился Герман Кириллович, — я и не думал...

— Ничего, — она быстро справилась с собой и вздохнула, — мне просто не с кем пойти.

— Это очень, очень печально, когда молодая женщина говорит такие слова, — сочувственно произнес ее спутник.

— А что делать? — вслух рассуждала Светлана. — Муж не любит ни театров, ни гостей, ни праздников, ему скучно, он тяготится всем этим и спешит скорее домой.

Радужное настроение, овладевшее ею после театра, стало потихоньку рассеиваться. Почувствовав ее состояние, примолк и Герман Кириллович.

— Светлана! — вдруг воодушевился он. — Вы не будете возражать, если завтра мы пойдем на очень интересную премьеру в Ленком? У меня приглашение на два лица.

— На самую настоящую премьеру? — поразила Света.

— Да, — серьезно ответил ее собеседник, — я буду вас ждать в шесть у входа в театр, договорились?

Света кивнула.

— Считайте, что я беру над вами шефство, — шутливо предупредил ее собеседник. — Вы будете моей дамой.

— Только не Пиковой, пожалуйста! — попросила Светлана.

— Как же Герман без Пиковой дамы? — подхватил Герман Кириллович, и они весело рассмеялись.

Подойдя к освещенному зеву подземного перехода, она повернулась к своему спутнику:

— Мне в метро, а вам?

— Я здесь недалеко живу, пойду пешком. — Мужчина махнул рукой куда-то сторону и, низко наклонившись, поцеловал ее руку. — До встречи завтра!

Всю дорогу домой Светлана чертыхалась и обзывала себя последними ругательствами, какие только имелись в ее лексиконе. «Дура, надо же так! Как затмение какое нашло. Не поеду я на эту премьеру ни за что!»

Вид мирно сидящих у телевизора мужа и сына вызвал у Светланы угрызения совести. «Сидят бедные мои, пока мать мотается черт знает где», — распалила свое чувство вины Света. Ни один, ни другой не обратили на нее никакого внимания — по НТВ показывали боевик. Переодевшись в спортивный костюм, она пошла на кухню, где привычный вид сваленной в раковину посуды и неубранные остатки обеда вызвали у нее неожиданный приступ нежности и ощущение причастности к этому дому и семье. «Какая премьерка? — спрашивала она себя, перемывая тарелки. — Какой Герман Кириллович? Какой Эйнштейн? Что со мной было?»

Покончив с посудой, она вытерла руки полотенцем и стала пристально изучать содержимое холодильника. В кухню, тяжело топоча, ввалились мужчины, они заполнили собой все пространство — грохнули чайник на плиту, крупно нарезали хлеб и колбасу,

отгеснив хрупкую хозяйку в самый угол кухни.

— Ща вторая серия будет, — проинформировал с набитым ртом сын. — Па, а как ты думаешь, этот фэбээровец выкрутится или нет?

Миша, как всегда, неторопливо покрутил головой и пустился в детальные объяснения, почему агенту ФБР уйти не удастся. Бросив на столе остатки хлеба и колбасы, все еще дискутируя, отец и сын удалились в гостиную, откуда уже доносились звуки пальбы и вопли. Свету почему-то затошнило, она еле добрела до спальни, рухнула на кровать, натянула подушку на голову и крепко зажмурилась. Перед глазами мелькали сцены из спектакля, фрагменты ночного города, приятный голос Германа Кирилловича, а потом объедки колбасы на столе...

«И это моя жизнь! — простонала она в подушку. — Я же еще не столетняя бабка, а как живу? Что имею? Мужа-зануду, чья зарплата в два раза меньше моей, сына-балбеса, работу на износ!» Ей не хватало воздуха, рыдания спазмами сжимали горло. «Пойду, назло всему пойду. Пойду завтра в театр». Успокоенная принятым решением, Светлана незаметно заснула.

Утром она вскочила необычайно рано, мысли о предстоящей премьере будоражили. Она просыпала сахар, роняла ложки и никак не могла сварить себе кофе. «Успокойся, это всего лишь театр, — уговаривала она себя. — Ты же не к любовнику едешь». Но что-то трепетало внутри, не давало возможности сосредоточиться на привычных домашних вещах. Света безбожно пересолила борщ, надавала подзатыльников сыну, вернувшемуся с улицы в грязных кроссовках, и никак не могла сообразить, какой список продуктов написать мужу. «Скорее!» — нетерпеливо подгоняла она часы, но стрелки двигались, как назло, едва-едва. Наконец, вымотанная ожиданием, в пять вечера она поцеловала холодными губами мужа в щеку:

— Я на деловые переговоры, вернусь поздно.

Миша невозмутимо кивнул, не отрываясь от программы новостей. Увидев долговязую фигуру у здания Ленкома, Светлана замедлила свой стремительный шаг и глубоко вздохнула. «Как в омут головой», — не к месту вспомнилась фраза. Герман Кириллович радостно улыбался, заметив приближающуюся к нему Светлану. Сегодня он был еще более похож на Эйнштейна, ветер трепал пушистую седую шевелюру.

— Я очень рад вас видеть, — сказал он, целуя ее ледяные руки, и открыл тяжелую дверь театра.

Невероятно интересный сюжет, талантливые артисты, московский бомонд в зале, корзины цветов, шампанское в антракте, изумительные туалеты дам — не от Ле Монти, как у Светы, а от Версаче и Юдашкина, ужин с артистами после спектакля — все это стремительной каруселью, набирающей скорость, завертелось перед ней. Удивительнее всего было уважение окружающих к Герману Кирилловичу — ему улыбались, почтительно кланялись, часть этого почтения распространялось и на Светлану.

— Кто это такая? — шелестело в толпе.

Выходя из дамской комнаты, она неожиданно налетела на своего шефа.

— Света, как вы сюда попали? — Его удивление было неподдельным.

— Меня пригласил Герман Кириллович, — по привычке отчиталась Света.

— Кто это? — недоумевал шеф.

Света кивнула в сторону зала и постаралась быстрее исчезнуть.

В половине второго ночи, когда она призналась, что устала, Герман Кириллович

настоял на том, чтобы проводить ее до дома. Они вышли из театра, тут же невдалеке заурчала машина и, ослепляя ярким светом фар, подъехала к ним.

— Спасибо вам огромное, у меня давно не было такого праздника, — сказала Светлана. — Такое чувство было только однажды, когда мама мне достала билет на елку в Кремль, там было так хорошо!

Тронутый ее признанием, Герман Кириллович только крепко сжал ее пальцы.

— Знаете, — оживилась вдруг Светлана, — у меня есть чем ответить! Я приглашаю вас завтра на открытие ночного клуба!

— «Эркюль Пуаро»? — И Герман Кириллович заскрипел глянцевой карточкой приглашения.

Она сникла.

— Вы придете? — поинтересовался ее спутник.

Машина затормозила у подъезда.

— Не знаю... — Она была действительно в смятении.

— Я буду очень ждать, — низким, вибрирующим голосом произнес мужчина, помогая ей выйти из машины.

— Наконец-то! — встретил ее у порога муж.

Светлана застыла в ужасе: «Он все знает!»

Негнушмиися пальцами она стала расстегивать плащ:

— В чем дело?

— Витька заболел! Температура — тридцать девять, я ему дал ампиокс и димедрол. Сейчас спит, наверное, заразился от кого-нибудь в школе.

Не дослушав, Света прошла в комнату к сыну, там было тихо, горел ночник, тикали часы. Присев на кровать спящего сына, она глубоко и с облегчением вздохнула. Хорошо, что теперь не надо мучиться, разрываться, решать, идти или не идти на открытие клуба. Все встало на свои места, как примерная мать, она останется дома рядом с заболевшим сыном. Приглашение пропадет, но ничего не поделаешь, зато душа на месте. Света поправила одеяло на разметавшемся во сне Витьке и пошла на кухню.

— Ты чего так долго? — поинтересовался муж, откусывая от огромного бутерброда с ветчиной. — Работа?

— Ага, — устало выдохнула жена, — пойду спать. — И, еле волоча ноги, направилась в ванную.

Стоя под душем, она ощутила бездонную пустоту, все затихло, заглохло внутри, словно кто-то вынул из нее внутренности, оставив только оболочку. Когда взгляд упал на радужно сияющую под светом лампы струю воды, она вспомнила все — освещенная ярким светом сцена, переливчатые грани хрустальных бокалов, вспышки фотоаппаратов, бриллиантовый блеск украшений дам. Света сидела на краю ванны, раскачиваясь из стороны в сторону словно заведенная. «Все прошло, ничего уже не будет», — сказал ей со стороны чей-то голос. «Не дождется Герман свою Пиковую даму», — билась в раскалывающемся от боли виске злая мысль. Выйдя из ванной, Света взяла свою сумочку и выудила квадратик приглашения. «Действительно на два лица», — напоследок прочитала она и с остервенением разодрала приглашение на кусочки. Чтобы забыться скорее, она проглотила таблетку снотворного и провалилась в сон.

Все воскресенье Света жила по инерции, машинально делала домашние дела, ставила сыну горчичники, говорила по телефону с матерью и, отрешенная, чужая ко всему, ждала

понедельника, чтобы выйти на работу, словно там можно было найти облегчение мучившей ее боли.

Действительно, привычный круг обязанностей, капризы компьютера, перепалка операционисток и, наконец, шумный приезд на работу шефа помогли ей взбодриться, отогнать от себя муторную тоску.

— Ну, Светлана, ну даешь, — сказал шеф, когда она внесла в его кабинет поднос с кофейником, — тихоня-тихоней, а с такими крутыми по тусовкам гуляешь! Я поражен.

— С какими крутыми? — недоуменно спросила Светлана.

— Ты что, прикидываешься или у тебя таких много? — Шеф рассмеялся своей шутке. — С депутатом Госдумы Шавриным Германом Кирилловичем кто в Ленкоме был, я, что ли? Это же такой «козырный туз»! Предупреждаю, Светлана, он женат. Да ладно, не смотри так на меня. Чего же ты вчера не пришла на открытие клуба? Он все время оглядывался, не тебя ли искал?

Светлана с силой захлопнула за собой обитую кожей дверь кабинета шефа и уселась за компьютер.

«Присвойте имя файлу», — светилось окошечко на экране.

«Туз», — простучала Света по клавишам и рассмеялась.

СОЛЬНАЯ ВАРИАЦИЯ

Не находя себе места, она кружила по комнате, натываясь на мебель, бессмысленно вертела в руках пульт дистанционного управления телевизором, брала в руки нитку с иглой и откладывала их после первых стежков.

Аня ждала. Сыр и ветчина, веером разложенные на тарелочке, уже засохли, мясо в духовке покрылось неаппетитной коркой и выглядело как подошва ботинка в слякотную погоду. «Подожду!» Еще не верилось, что он не придет. Шампанское в морозилке стало похожим на маленький айсберг в бутылке. Ожидание было невыносимой пыткой. «Еще час, полчаса, еще пятнадцать минут...» — уговаривала она себя. Когда все пределы приличия и запасы терпения истощились, Аня свернула скатерть на манер самобранки и, выйдя на балкон, перебросила ее за перила. Скинув нарядный свитер и пестрые леггинсы прямо на пол в ванной, она шагнула под горячий душ, смывая с лица краску ожидания, а с тела — напряжение надежды.

Аня не слышала трезвонившего в три часа ночи телефона. Утреннее пробуждение было горьким — вчерашнее разочарование разлилось по лицу, как разливается желчь у больного тяжелой формой гепатита. «Надо начинать жить», — сказала себе Аня и сварила обжигающий горький кофе. Вчера она решила, что не поедет на класс, но вчера — это уже отрезок старой жизни. Сегодня она начнет все сначала. Для того чтобы выкинуть дурацкие мысли из головы, она соберется и покатит по холодной, морозной погоде на утреннюю субботнюю репетицию. Собрав сумку, натянув теплый пушистый свитер, Аня вышла из дома. Еще только брезжил рассвет, воздух был сух и морозен, Аня вдохнула его с наслаждением. Ей почудилось, что она вырвалась из темницы, в которой была узницей долгие пять лет, а сейчас дышалось легко и свободно. Ее квартира теперь казалась старой, отработавшей свое декорацией, на фоне которой разыгрывались разные сюжеты из ее жизни. Но постановка устарела. «Ремонт, что ли, сделать?» В Ане закипела жажда деятельности.

Конференц-зал одного бывшего Всесоюзного научно-исследовательского института сдавался в аренду. Из него были вынесены все стулья, у стен поставлены импровизированные станки. Бдительный вахтер у входа в НИИ пропускал артистов небольшой труппы классического танца строго по списку. Он явно не одобрял решения дирекции сдать зал такой несолидной организации.

— Шум, гам, топот, девицы полуголые — противно смотреть! — ворчал недовольный сторож.

Поэтому каждый раз, сердито сопя, вахтер медленно сверял фамилию, стоящую на предьявляемом документе, с фамилией из списка. Аня всегда бурно реагировала на вредного старика, но сегодня он показался ей вдруг чудаковатым и милым. В тесной раздевалке, как и следовало ожидать, вяло копались около десятка человек. Травили анекдоты, плели небылицы, красили глаза, на скорую руку подштопывали туфли. Суббота — смерть как не хочется ехать на утренний класс. Дома ждут мужа, свободные от школы дети, стирка, уборки, невыясненные отношения и прочие домашние хлопоты.

— Встали, встали, где вы там, честной народ! — закричал Гера, репетитор.

Это вошло в привычку — ко всем он обращался «честной народ», к женщинам — «мать», а к мужчинам — «отец родной». Гера был незлобив, всегда в хорошем расположении духа и вечном состоянии должника — в труппе не было человека, у которого

Гера не стрельнул хотя бы раз в жизни десятку. Со стоном небольшая горстка пришедших на класс энтузиастов выстроилась у станка. Сегодня Ане виделось все совсем иначе — как будто ее глазами за происходящим следил чужой человек. Она оглядела ребят — недаром вахтер не верит, что это артисты. Смех! Один в спортивных штанах и ветхой футболке — сувенир, привезенный с гастролей сто лет назад. Гера ходит в шароварах шестидесятого года выпуска с дырой на колене. Девчонки — кто во что горазд: леггинсы, шерстянки, у кого-то поясица замотана шарфом, на ком-то свитера и трико. И у всех, абсолютно у всех, грязно-черные, затертые до дыр туфли. Сразу и не объяснишь, что так удобнее заниматься, что свитера и рейтузы отлетят в сторону сразу после первых упражнений, как только разогреются мышцы, и что старенькие, штопаные туфли — самые любимые и удобные для ежедневных занятий. Аня машинально повторяла заученные комбинации экзерсиса, приседала, поднималась, наклонялась. Мысли текли сами по себе, отгонять их не хотелось.

— Ракитина! — закричал Гера. — Ты что, озверела?

Аня очнулась.

Гера смотрел на нее с выражением бесконечного ужаса.

— А что? — рискнула спросить она.

— Мы давно здесь уже жете делаем, а ты спишь! Проснись и пой!

Тандю, жете, релеве лянт, фраппе, сутеню — эти нерусские слова вросли в ее мозг, как ноготь врастает в палец. Иногда Ане кажется, что это — единственное, что она знает, чему ее однажды научили в жизни. Исчезни они — исчезнет Аня, все эти люди, стоящие у палки, и целая армия балетных, мелькнувших однажды на миг и канувших в Лету.

Аня Ракитина всю жизнь считалась способной. Когда маленькую, тоненькую как былиночка Нюту привели на экзамен в балетное училище, она втайне надеялась, что ее не примут. Потому что Аня мечтала стать летчицей. Но родители, истерично помешанные на балете, готовили дочь в балерины — они таскали ее на все балетные спектакли, отыскивали древних старух — преподавателей классики и мечтали о Нюте, одетой в белую пачку Одетты. Родительская мечта сбылась — Ане приходилось танцевать отдельные вариации из «Лебединого». В клубах, Домах культуры, на шефских концертах, до тошноты, до ненависти к непревзойденному шедевру классики. Озлобленную на весь мир, затурканную, как котенка, на одном из таких мероприятий ее обнаружил Кирилл и взял к себе в труппу. Выпущенный из училища на четыре года раньше ее, Кирилл имел достаточный опыт работы на сцене, закончил ГИТИС, создал свою труппу, ставил танцевальные композиции для самодеятельных коллективов и балеты для городских Домов культуры. Он был уверен в себе, красив настоящей, мужественной красотой. Чувство благодарности сменилось в Ане обожанием к покровителю, а потом, неожиданно, любовью. Конечно, Кирилл замечал это — и в старании Анны как можно чаще попадаться ему на глаза, и в ее прилежании на занятиях, и в постоянных намеках, взглядах и жестах. Но самое главное, об этом кричали на весь мир ее глаза — большие, широко открытые, опущенные длинными ресницами. Все в труппе догадывались о происходящем. Поэтому на Ракитину Аню постоянно были направлены десятки глаз, десятки ушей прислушивались к обрывкам фраз и недомолвкам. А уж десятки языков без усталости распространяли разные версии. Аня не особенно тяготилась своим положением — она привыкла к такой обстановке еще в школе. Больше беспокоило ее то, что Кирилл не спешил замечать ее. Ни как балерину, ни как женщину.

— Ракитина, мать моя, приди в себя! Бедро подтяни! Локти висят, соберись. Это тебе

фуэте, а не детский сад с барабаном! — Голос Геры беспощадно разорвал пелену воспоминаний.

— Еще раз, и делает одна Ракитина. — Гера всерьез обеспокоился Аниным состоянием. — Плохо, Аня, очень плохо. Ты вчера алкоголь употребляла?

— Нет, — пожала плечами Аня, растирая ноющее правое колено.

— Ну так работай нормально. Еще раз! Пошла, закрепи ногу на пируэте, не бери такой сильный форс! Стоп! Ладно, отдохни!

Аня села на пол в угол. Голова раскалывалась. К двенадцати стали подтягиваться другие члены труппы. Причины опозданий никто не называл — и так понятно, суббота. Пока объявили перерыв и народ готовился к репетиции, Аня вышла в коридор покурить. Как только она осталась одна, память услужливо возвращала ей вчерашний вечер, боль ожидания и надежду.

Аня привыкла к внезапности и непредсказуемости Кирилла. Он мог сорваться с места куда угодно и во сколько угодно. Он мог не ночевать дома сутками. Пока Аня сходила с ума и обзванивала все морги, Кирилл спокойно развлекался у приятелей. Он безрассудно тратил свои гонорары, не оставляя Ане «на хозяйство» практически ничего. Когда возникли «МММ», «Чара» и прочие, Кирилл стал вкладывать деньги в акции. «За что я его любила? — отчужденно подумала Аня, следя за струйкой дыма, тающей на фоне оконного стекла. — Любила ли?»

Да, все-таки любила. Пять лет она терпеливо ожидала ответного чувства, но Кирилл лишь снисходил до нее. Он был беспощаден в оценках, когда речь шла об Аниных способностях, она редко получала большие роли — Кирилл заботился о репутации непогрешимого и бесстрастного мастера. «Да, она способная», — обычно говорил он, когда речь заходила об Анне. Он даже не всегда брал ее на гастроли — вывозились спектакли, требующие малого количества артистов, — так было экономнее. Однажды, когда труппа гастролеровала в Австрии, к Кириллу обратился импресарио, представлявший интересы одного небольшого испанского театра. Балетная труппа театра хотела бы попрактиковаться в классике. Работа репетитора совсем не удовлетворяла амбициям Кирилла, но трехлетний контракт, хорошее жалованье говорили сами за себя.

— Не беспокойся, малыш! — сказал Кирилл ей на прощание, когда суматоха по поводу его ухода из труппы улеглась и страсти, вызванные назначением нового балетмейстера, утихли. — Я тебя вызову к себе, вот увидишь. Я уже даже говорил с директором театра.

Каждую пятницу они созванивались, и каждый раз Кирилл заверял ее, что вот-вот, скоро он вызовет Аню к себе. В чемоданном настроении пролетели лето, осень, потянулась зима. Неделю назад он позвонил ей, радостный, возбужденный.

— Малыш, на следующей неделе увидимся! — радостно закричал Кирилл в трубку. — Я договорился с дирекцией, еду в Москву подобрать кого-нибудь для женской партии. Разучиваем «Дон Кихота» изо всех сил. Увидимся! Буду у тебя двадцатого вечером, в семь. Жди меня!

Свершилось! Ане виделись маленькие крутые улочки испанского городка, поездки в Мадрид, Барселону, знаменитую Гернику. В труппе она пока никому ничего не говорила — чтобы не сплести. По вечерам Анна спешила домой, плюхалась в его любимое кресло и мечтала до головокружения. Сегодня двадцать первое. Кирилл не приехал и даже не позвонил.

— Ань, тебя к телефону, — потрясла ее за плечо грациозная, как газель, но ядовитая, как гюрза, Леночка, недавно пришедшая в труппу из училища. Лена проследила внимательно за Аней, спускавшейся к будке вахтера, где разрешалось пользоваться телефоном, и, сощуриив глаза, прошла в зал — она предвкушала удовольствие от реакции, которую вызовет свежая новость. Аня легко сбежала со ступеней. Вахтер неодобрительно покосился на ее растрепанный вид и уткнулся в газету.

— Алло, — с замиранием сердца сказала Аня.

— Анька, ты куда провалилась? — послышался в трубке голос ее бывшей подруги Лилианы. — Я тебе вчера полночи названивала, а тебя нет! Кирка в Москве, ты в курсе?

— Да, — неуверенно ответила Аня, предчувствуя где-то в области желудка недоброе.

— Так вот, знаешь, где он сейчас?

— Где? — спросила Аня против своей воли.

— Он договорился в труппе Ильина, что с ним в Испанию едет Алчевская, ну, такая рыженькая, помнишь?

Аня напрягла память, но известие, как растворитель, смыло все мысли в голове. «Алчевская», — пыталась вспомнить Аня. «Какой подлец!..» — отвечал ей мозг.

— Эй, ты там жива? — раздался жизнерадостный голос Лилианы. Она, очевидно, испытывала наслаждение от произведенного эффекта. — Мы с тобой ее видели в ноябре, когда она работала в «России». Ну ладно, не унывай, за двух битых одного небитого дают. Мне пора бежать, целую!

И в ухо Ане затрещали короткие гудки отбоя. Она прижала тукающую трубку к виску, вахтер посмотрел на нее поверх очков.

— Закончили?

— Да, закончила, — безжизненным голосом ответила Аня и тяжело, ступенька за ступенькой, стала подниматься по лестнице. Утреннее приподнятое состояние духа пропало. Она вновь увидела грязные, обшарпанные стены, дешевые пальто и куртки, сброшенные впопыхах, ощутила спертый, тяжелый запах раздевалки.

— Ракитина, где тебя черти носят, у тебя же главная партия! — набросился на нее нынешний балетмейстер Рудик. — Все в сборе, а тебе что, особое приглашение? Быстро на место, спектакль на носу!

Провожаемая любопытными взглядами, в которых отчетливо читался жгучий интерес, Аня прошла к своему месту.

— Анька, ну что? — прошептала с сочувствием стоящая рядом Лиза.

— Прекратить разговоры наконец, дайте тишину! — загрохотал на весь зал Рудик. — Итак, первое движение должно быть самым ярким. Будем работать отдельно, по линиям. Ракитина, что за ноги!

Аня с ненавистью посмотрела на Рудика — боль в груди, невыносимая, жгучая, разливалась по всему телу, а ей надо двигаться, улыбаться, жить. Так хочется лечь на дощатый влажный пол, прижаться к нему и замереть, ничего не видя и не слыша.

— Стоп, вы ничего не понимаете! — продолжал нервничать Рудик. — Ну нельзя же быть такими дураками, можно танцевать вполноги, но не вполголовы же!

Мокрые ключицы, мокрая спина, шея, пот заливает лицо. Успеть бы отдышаться, пока сбрызнут водой пол. Аня обмякла, повисла на станке. Загнать хочет сегодня, не иначе. Вот когда они разучивали па-де-де из «Дон Кихота», было... Аня глубоко вздохнула — рыженькая Алчевская будет разучивать Китри в далеком испанском городишке вместе с

Кириллом.

Рудик хлопнул в ладоши:

— Давайте вставайте. Михайлов, ты что делаешь, родной? Сделай мне хороший револьват! Ничего... Вот ты ее посадил... Пошли кабриоли... Она упала... Не так... Обводка... Опять не так! — Рудик был резок, непрерывно ходил перед зеркалом вперед-назад. — Ладно, перерыв, а то все уродливее и уродливее получается.

Аня, вытираясь полотенцем, подошла к разгоряченному Рудику:

— Рудольф Александрович, отпустите меня сегодня, мне очень надо.

— Рыбонька моя, ты что, с катушек сорвалась? — Рудик с ненавистью уперся взглядом Ане в глаза. — Спектакль сорвать хочешь? Может, тебе вообще работать надоело, а?

Аня сжала до боли губы:

— Мне очень надо!

Рудик побледнел.

— Ах надо? — закричал он неожиданным фальцетом. — Всем надо! Не хочешь — до свидания. Завтра можешь на работу не выходить.

Его лицо заходило ходуном, он махнул рукой и отошел в сторону.

— Ну что ты к нему пристала? — Лиза тронула Аню за руку. — Не видишь, что ли, он сам не свой сегодня. Опять ходил пробивал нам статус, да не получилось. Дотяни уж как можешь, ты же столько ждала эту роль!

Аня простонала, крепко обняв себя за плечи:

— Не могу, Лизок, не могу... Все как деревянное — ноги, руки. На пальцах стою — как на третьем этаже, упасть боюсь. А после перерыва, наверное, совсем расклеюсь.

Лиза участливо кивнула:

— Плюнь, все забудется, Анька. Не на мужиках же свет клином сошелся. Ну? После репетиции поехали ко мне?

— Спасибо, не могу. — Аня высвободила свою руку.

Рудик встал на табуретку лицом к залу и снова хлопнул в ладоши.

— Начинает вторая группа, потом одна Ракитина, — провещал он, стараясь не смотреть в сторону Ани. Аня тоже старалась не встречаться с ним глазами.

Со скрипом закончив свою вариацию, она, не оглядываясь, пошла в раздевалку.

Пронизывающий ветер на улице моментально впился в тело под расклешенной меховой курткой, шершавил лицо. Добравшись до дома, Аня столкнулась у лифта с соседкой Барсуковой, работавшей маляром-штукатуром в частных бригадах по ремонту квартир. В благодарность заказчики выставляли бутылку, и Барсукова каждый вечер была слегка под хмельком. Она снисходительно относилась к Ане, ее умиляла Анина хрупкость и внешняя незащитность.

— Привет, Плисецкая! — Так обычно Барсукова здоровалась с Аней. — Как дела, не выгнали? А то пойдем к нам, поработаешь. — И рассмеялась своей дежурной шутке.

Аня устало привалилась плечом к исписанному пластику лифта и внимательно посмотрела в веселое круглое лицо Барсуковой.

— Шур, сделай мне ремонт, а? — несмело попросила она.

Шура открыла рот:

— Чё случилось?

Аня протяжно вздохнула.

— Не кисни, Анька, — попыталась утешить соседку Барсукова. — Пошли лучше ко мне,

чаю попьем.

Аня не возражала, она представила, что ей сейчас придется возвращаться в свою квартиру, которая еще живет вчерашней надеждой и воспоминаниями, и ей стало тошно. Шура проворно открыла свою дверь и метнулась на кухню, пока Аня возилась в прихожей с сапогами и носками. Правое колено болело сильнее, чем обычно. На кухне, чисто выбеленной и оклеенной свежими остатками обоев, которые достались Шуре от клиентов, было тепло. Аня с удовольствием вытянула ноги на низенькой софе. Шура по-военному быстро расставила на столе хлеб, масло, варенье и полбутылки водки.

— Вышей, Плисецкая, — уговаривала она Аню, — полегчает вмиг.

Аня мотнула головой, вытаскивая сигарету из пачки. Она слушала пустую болтовню Шуры, глубоко затягиваясь дымом, отпивала маленькими глоточками горячий чай, ощущая, что напряжение, сводившее весь день, потихоньку уходит и что ее легкое тело растворяется в многоцветном тепле Шуриной кухни. Природная деликатность хмельной Шуры благотворно действовала на полузажившие душевные раны. В половине десятого Аня с сожалением поднялась. Широкое лицо Барсуковой выражало бабье сочувствие и солидарность.

— Слушай, Анька, давай пойдём к тебе, снимем мерку с квартиры — сколько обоев, краски.

Аня благодарно кивнула. Пустая квартира, в которую никогда не вернется Кирилл, а в этом Аня была уверена, встретила соседок настроенной тишиной.

— Так, — по-хозяйски прошлась Барсукова по осиротевшему жилищу, цепко выхватывая необычные детали обстановки — зеркало во всю стену, балетный станок, разбросанные в беспорядке балетные туфли, увешанную театральными фотографиями стену.

До поздней ночи женщины закрывали газетами мебель, скатывали ковры, паковали безделушки в коробки, сдвигали мебель. Шура добродушно оттирала Аню в сторону, когда надо было двинуть тяжелый диван или сервант:

— Переломишься, Плисецкая.

Физическая усталость подействовала как хорошее снотворное, и Аня спала в эту ночь крепко и без сновидений. Воскресенье прошло тихо и незаметно, Аня что-то делала по дому, пришивала тесемки к балетным туфлям, разбирала шкафы. Все тревоги в душе успокоились, улеглись, словно волны после шторма.

В двенадцать часов следующего дня Аня лежала посередине зала, стараясь не дышать. Боль в ноге была адская — после прыжковых комбинаций она неловко приземлилась, и колено непостижимым образом вывернулось назад, как у кузнечика. Вся труппа с ужасом смотрела на безжизненную фигурку на влажном полу. Рудик успел сделать блокаду, воткнув одноразовый шприц прямо сквозь трико. Ждали «скорую».

— Рудик, я попытаюсь успеть к премьере, — пообещала Аня, цепляясь за руку балетмейстера.

— Все, теперь кранты! — послышался в дальнем углу зала чей-то голос.

Наступила весна. Аня молча смотрела в больничное окно, высматривая знакомую круглую фигуру в китайском пуховике. После того как ее унесли из зала санитары «скорой», в труппе о ней вспоминали все реже. Сначала навещали, ободряли, улыбались. Потом ручеек посетителей из балетных иссяк. Иногда доносились до нее вести, что Кирилл с треском провалил в Испании «Дон Кихота» и разорвал контракт, а Алчевская нашла там себе жениха, что Рудик вывез спектакль в Голландию и Швецию, где Аню заменила Лиза, что труппа

наконец-то получила статуе театра и что зарплата артистов стала больше. За месяц с небольшим было столько передумано, пережито, переплакано. Аня без устали тренировала травмированную ногу, раздражая соседок бесконечными упражнениями. Единственным постоянным посетителем оставалась круглолицая Барсукова, с материнской нежностью ухаживавшая за ней. Шура отремонтировала ее квартиру, покупала продукты и книги и через день приходила к Ане в больницу. Сегодня Аню выписывали. Вещи были собраны, с соседками по палате она распрощалась, говорить было больше не о чем. Наступил момент, когда она мысленно уже отделилась от больничных будней. Дверь палаты распахнулась.

— Ань, смотри, какого кавалера я тебе привезла. — В дверях стояла Барсукова, а из-за ее спины несмело выглядывал Кирилл. Слова как примерзли на губах у Ани.

— Здравствуй, Нюточка, — хрипло поздоровался он с ней, — я за тобой. Завтра начнем работать, у меня контракт со Словенией. Будем ставить «Спящую», здорово, правда? Не сердись на меня, малыш, все в жизни бывает. Мир?

И на глазах у всей палаты Кирилл подхватил легкую как пушинка Аню и понес из больницы вон.

Она обнимала его за сильную шею, смотрела в знакомые глаза и не чувствовала ничего. У такси, ожидавшего их у больницы, Кирилл бережно опустил Аню на землю и сказал:

— Нюта, тебя Шурочка до дома проводит, а я смотаюсь за своими вещами и подъеду позже.

Не ответив, Аня юркнула в машину. Прижимаясь к теплему большому плечу Шуры в такси, она вздохнула: «“Спящая красавица”... Это я была спящей, а теперь проснулась. Как хорошо быть самой себе хозяйкой! Через неделю приезжает Рудик. Буду умолять ввести меня в спектакль поскорее. Я же способная».

БАЛЕТ ДЛЯ МАФИОЗИ

Я бродила по осеннему парку, собирая самые красивые листья, составляя букет. Однажды я обратила внимание, что кленовые листья напоминают человеческую ладонь — так и хочется пожать распластанную дружескую пятерню. Притихшая природа успокаивала мое смятение, отгоняла грустные, навязчивые мысли. В последнее время все в моей жизни запуталось в узел, и сейчас я пыталась найти решение. Итак, что я имею на сегодняшний день? Карьера балерины позади, с первым мужем давно разошлись, есть диплом балетмейстера и работа педагога-репетитора в театре классического и современного танца в Москве. Есть длящиеся пять лет отношения с директором театра Юрием Самойловым. На первый взгляд как будто неплохо. На самом деле — сплошная беда.

Мне очень хочется ставить самой в этом театре балеты. Но мне не дают. Первые годы работы в театре я еще сопротивлялась, настаивала, жаловалась директору. Юрий всегда меня внимательно выслушивал, обещал помочь, поддержать, но время шло, а в моей работе ничего не менялось. Изменения претерпели только мои отношения с директором — из служебных они превратились в личные, а потом в очень личные. В глубине души я надеялась, что хотя бы это поможет моему продвижению, но я ошибалась. После последнего разговора, когда в очередной раз мне было отказано, я пригрозила уходом из театра. Он усмехнулся. Я ушла, хлопнув дверью. Все выходные я провела на телефоне — созванивалась с одноклассниками и сокурсниками в поисках работы.

— Ох, Надюш, — вздыхали они, — знаешь, какое сейчас время. Самоокупаемость, сами едва держимся.

Открывая дверь квартиры, я услышала телефонный звонок. Бросив свой осенний букет на тумбочку в прихожей, я поспешила поднять трубку. Звонил мой одноклассник Митя Полетаев из заштатного городка Светлицка Новосибирской области. Он попал туда после бурных перемен в своей жизни и теперь тихо спивался, работая репетитором в местном театре музыкальной комедии, где дотягивал до уровня слабенькую балетную труппу. В театре освободилось место главного балетмейстера, и Митя сразу подумал обо мне. Дирекция одобрила мою кандидатуру. Постановку балета «Доктор Живаго» спонсирует Совет городских предпринимателей, и мой гонорар составит солидную сумму в долларовом выражении. Вылетать нужно как можно скорее.

— Митя, ты прелесть! — закричала я в трубку. — Я постараюсь взять билеты на вечер!

Радостное возбуждение охватило меня. Сама судьба преподнесла мне решение. Прощай, Самойлов!

Неказистый фасад, давно требующий ремонта, узкие пыльные коридоры, тесный репетиционный зал, крохотные грим-уборные и на удивление удобная сцена с хорошим наклоном — так выглядело пристанище муз в Светлицке.

Шла репетиция. Все как везде — палка, ряд артистов.

— Андрей, будем ноги поднимать или нет? — гремел голос репетитора. — Нелли, посмотри на свою ногу, что это за бедро!

На стук двери репетитор оглянулся — да ведь это Митя! Как он изменился! Мы расцеловались, по ровному ряду стоящих у станка прошел шелест, и двадцать пар глаз впилась в меня. Женщины, среди которых было очень мало молодых, поправляли прическу, макияж, те, кто делали класс вполноги, подтянулись. Каждый понимал важность момента.

— Мы с тобой поболтаем позже, — пообещал мне Митя, — а сейчас извини. Смотри, выбирай, хотя что там класс покажет. И приходи вечером, сегодня мы работаем наш последний премьерный спектакль. После спектакля — ужин со спонсорами и губернатором города. Ничего мужик, толковый. Честно скажу, повезло нам, что он такой меценат оказался. Иначе... — И он полоснул ребром ладони по горлу.

Митя хлопнул в ладоши, концертмейстер ударил по клавишам, репетиция продолжилась.

— Как ваше впечатление? — поинтересовался директор театра после спектакля за роскошным ужином — местный Совет предпринимателей явно не скупился на нужды культуры. — Сам знаю, что спектакль слабенький. Но где взять кадры? Зарплата нищенская, развлечений никаких, тоска. Вот и глушат все водку. Не каждый день наши «отцы города» оплачивают премьеры.

Последнюю фразу директора уловил Сибирцев, мой визави, тот самый городской меценат-губернатор. Он внимательно изучал меня своими цепкими глазами весь вечер и, казалось, был теперь рад предоставившейся возможности вступить в разговор. Губернатор весьма любопытно описал процесс принятия решения о постановке балета, а также пообещал, что теперь городские власти будут всегда держать во внимании нужды театра.

— Это ведь наш единственный, так сказать, очаг культуры.

Начались репетиции. Я все реже вспоминала Москву, Самойлова, театр, одновременно я жаждала реванша, мечтала о том, как вернусь с победой в Москву и как Юрий поймет наконец что он был не прав. Новые впечатления, новый город, а также повышенное внимание ко мне со стороны губернатора Сибирцева стирали мои московские грустные воспоминания. Чем ближе был день премьеры, тем ожесточеннее становились споры и схватки. То артисты отказываются надевать утвержденные сшитые костюмы, то травмы, то срочные вводы, то телефонные звонки и визиты с протекциями, интриги и истерики. Неоднородный состав труппы, разный уровень подготовки заставляли меня перекраивать уже почти готовую канву балета. Но несмотря ни на что, я работала с наслаждением. Наконец-то я могла утолить свою многолетнюю жажду творить. Пролетела генеральная. В день премьеры я получила от Сибирцева корзину роз, доставленных, как сплетничали, из лучших теплиц Новосибирска. Я с недоумением вглядывалась в афишу своего спектакля, на которой аршинными буквами значилось: «Балетмейстер — Надежда Снегирева». Неужели это я? Неужели свершилось?

Спектакль имел успех, ах, если бы мне удалось поставить его в Москве! Все превозносили мои таланты до небес, я же от чистого сердца поблагодарила артистов — они честно работали на пределе своих возможностей и показали лучшее, на что были способны. Все районные и областные газеты дали положительные рецензии, хороший отклик был и в Москве. Я расписалась в получении своего гонорара. Теперь я — богатая женщина. В предпоследний перед моим отъездом день меня вызвал к себе директор.

— Надежда Викторовна, — торжественно объявил он, — дирекция предлагает вам место главного балетмейстера театра. Мы будем платить вам оклад, также Совет городских предпринимателей обещал поддержку. Я знаю, что Светлицк — это непрестижно и, может быть, смешно. Вполне очевидно, что ваш успех здесь — своеобразный трамплин для, так

сказать, покорения новых высот там, в Москве. Но вы не отказывайтесь сразу. Подумайте, ладно? Только думайте скорее, через неделю вакансия должна быть закрыта. Мы вас ждем.

— Возвращайся, Снегирева, — шмыгал своим красным носом Митька Полетаев, — мы тут такое сочиним!

Попрощаться со мной пришел и губернатор:

— Я бы очень хотел, но не смею удерживать вас. Может быть, вы надумаете и вернетесь?

«Нет, не вернусь, вертелось в моей голове, — никогда не вернусь». Хотя почему-то мне было очень грустно.

В Домодедове ко мне неожиданно подошел Юрий с букетом роз.

— Здорово, лягушка-путешественница! — поцеловал он меня в щеку.

В теплой темноте черного «БМВ» по дороге домой Юрий долго распространялся о планах театра на будущее, о последних сплетнях и интригах.

— Ну почему ты не спросишь, как мои дела? — не выдержала я.

— Наслышан, наслышан, — насмешливо протянул он, — ну, потешила местных мафиози и ладно. Мы же здесь настоящее дело делаем, не какая-нибудь деревня.

Злые слезы жгли мне лицо:

— Значит, ты считаешь, что мне место только в деревне?

— Ну, не надо так критично, — засмеялся он, — просто сейчас не время, понимаешь?

«БМВ» затормозил у моего подъезда.

— Приглашаешь? — Юрий взялся за ручку двери.

— Нет, дорогой, — отрезала я, — хочу попрощаться с тобой, и, наверное, надолго.

— Подумать только, какая звезда! — Он с грохотом швырнул мой чемодан из багажника на асфальт. — Еще на пузе приползешь!

Когда я вошла в квартиру, на меня пахнуло нежилым, душным запахом. Было в этом нечто тревожащее, горьковатое, я оглянулась — на тумбочке, свернувшись в трубочку, лежали сухие кленовые листья — как привет старого друга из далекого сентября. Не снимая пальто, бросив чемодан, я решительно схватила телефонную трубку:

— Справочная? Когда ближайший рейс в Новосибирск?

Как-то раз Таню пригласила на день рождения подруга Вера. В основном вокруг были одни незнакомые люди, и Тане стало скучно. Разглядывая смеющихся, жующих и острящих гостей, Таня обратила внимание на молодого человека в черной водолазке и черных джинсах, молча сидевшего и рисовавшего черенком вилки по скатерти затейливые узоры... Конечно же, причиной были не худое бледное лицо, серые глаза и длинные волосы, стянутые в хвостик на затылке. Молодой человек тоже заметил Татьяну — несколько раз он бросал в ее сторону любопытные взгляды.

— Это Илья. Талант, большой художник, но высокомерен страшно! — прошептала на ухо Тане Вера, заметив ее заинтересованный взгляд.

Таня передернула плечами — богема. В системе ее понятий богемный народ ассоциировался с бесшабашностью, легкомыслием, взрывами эмоций и депрессиями, а также безмерным потреблением водки. «Все эти художники, циркачи и прочая богемная публика», — пренебрежительно отзывался о них Танин отец. Мгновенно оценив ситуацию, Таня отвернулась от переставшего ее интересовать субъекта и засобиралась домой.

— Ну как, родители вернулись из Флориды? — спросила подруга, пока Татьяна набрасывала на плечи шубу. Татьяна кивнула.

— Счастливо, — чмокнула она Веру в щеку.

— Привет Владу! — крикнула та на прощание.

— Подождите! — остановил ее голос, едва она сделала несколько шагов к машине.

Таня обернулась. Это был тот самый художник. Он стоял на морозе, не накинув на себя ничего из верхней одежды, и черный облик его резко контрастировал с окружающей белизной зимнего дня. Илья казался большой черной галкой на фоне белого ослепительного снега. Таня тихо ахнула и крикнула:

— Идите назад, вы простудитесь!

Но Илья, не вняв ее совету, быстро приближался к ней.

— Я вас знаю! — первое, что услышала от него Татьяна. — Я вас знаю целую вечность. Я вас рисую всю свою сознательную жизнь. Вы не верите? Я знал, что вы существуете, и был уверен, что мы встретимся.

Таня смотрела со смешанным чувством страха и удивления на его синие трясущиеся губы, переплетенные длинные пальцы и отчужденно думала о том, что, вероятно, ее родители были правы и у этих художников не все в порядке с головой.

— Возвращайтесь, вы простудитесь! — только и повторила она, с изумлением замечая, как в глазах его вспыхнули и потухли искры, как сторбились его плечи. Он медленно направился по пушистой снежной дорожке к подъезду, оставляя своими щегольскими черными «казаками» затейливые следы.

Чувство беспокойства не покидало Татьяну весь вечер. Она бесцельно бродила по квартире, не находя себе места. В ее жизни все было так просто, так понятно, и вот сегодня баланс нарушился. С детства в Таню вдалбливали нехитрые, но сильнодействующие истины — люди нашего круга должны быть образованны, интеллектуальны, воспитанны. Что творится за пределами престижного московского микрорайона, именуемого в народе «дворянским гнездом», — не должно интересовать. Пришла перестройка, круг избранных

поредел, но правила игры остались прежними. Время взросления прошло. Таня вышла в мир из теплых стен элитарного учебного заведения, прошла стажировку в Англии, устроилась не без помощи друзей родителей на хорошую работу. У нее был давний и уважаемый роман с другом детства Владиславом. Владик и Таня считались почти что с пеленок женихом и невестой. Главное, не выйти за рамки круга — таково было общее мнение. Теперь родители с некоторым беспокойством спрашивали себя, когда же окончится холостяцкая жизнь и дети наконец поженятся — ведь уже не маленькие, обоим скоро по тридцать! Владик и Таня, однако, были довольны сложившимся статус-кво и не спешили под венец. Все во Владике было прочно и устойчиво. Интеллектуальный, способный, успешный бизнесмен, Владик сохранил глубокое почтение к традициям круга. С ним было спокойно и, увы, предсказуемо.

Когда Татьяна почти позабыла свое мимолетное знакомство с Ильей, шеф попросил ее показать американским клиентам фирмы Москву. Прогуливаясь с ними по Арбату, она услышала знакомый голос:

— Портретик не желаете?

Это был Илья. В большом черном полушубке, валенках и мохнатой папахе, он производил настолько комическое впечатление, что Татьяна, а с ней и ее гости звонко расхохотались. Илья смутился, уронил папку с ватманскими листами, кто-то бросился их поднимать, а Татьяна с гостями пошла дальше. Не объяснять же, что она шапочно знакома с этим нелепым молодым человеком! Илья долго смотрел, как удаляется белая песцовая шубка, в которую куталась Татьяна.

— Спасибо, — пробормотал он молодому человеку, собравшему его рассыпанное хозяйство, с нежностью стряхнув с одного портрета налипший на него снег. Он осторожно поставил его на подрамник и несколько минут любовался тонким, выразительным женским лицом. Это было лицо Татьяны.

Илье было девять лет, когда вместе с классом он впервые попал в цирк. Клоуны, наездники, медведи и тигры не произвели на него никакого впечатления. Во втором отделении было объявлено выступление воздушных гимнастов. Под куполом цирка бесстрашные серебристые мальчишки крутили невероятные сальто, бросаясь в самые умопомрачительные комбинации. От увиденного у Ильи больно заколотилось сердце. Он будто бы уже не сидел в зале, а там в вышине протягивал руки своим партнерам, радостно смеясь, ощущая легкость и счастье полета. Вечером, придя домой, он закричал:

— Мама, когда я вырасту, я буду воздушным гимнастом!

— Хорошо, милый, — отозвалась мать, а про себя подумала: «Жаль, что мальчик растет без отца, он такой впечатлительный».

На ночь сыну пришлось дать валерьянки. Изнемогая от восторга, он рассказывал, какие смелые и ловкие люди эти циркачи, какие у них костюмы. «Обязательно стану циркачом», — твердил Илья, засыпая.

Утром в школе ему очень хотелось поделиться своей мечтой. Лучший друг Федя болел, а кому еще можно излить душу? Тогда, набравшись смелости, он подошел к девочке Оле, в которую были влюблены поголовно все мальчишки класса.

— Оля, — сказал Илья, твердо глядя ей в глаза. — Это тайна, но тебе я ее открою — когда я вырасту, я стану воздушным гимнастом в цирке.

И необыкновенная Оля зло и презрительно рассмеялась ему в лицо и пронзительно закричала:

— Ты? Циркачом? Да посмотри на себя, ты даже бегать нормально не умеешь!

Раздавленный обидой, Илья мужественно прожил этот день до конца. И только ночью он позволил пролиться слезам разочарования. Это были его последние слезы. Засыпая под утро, он увидел страшный сон, как будто он крутит сальто под самым куполом цирка, и весь зал, затаив дыхание, следит за ним, и вдруг руки партнера разжимаются и Илья летит, летит вниз. Вот уже ясно различимы опилки на манеже, удар — и маленькая скрюченная фигурка в серебристом костюме неподвижно лежит в самом центре арены.

Все дальше отдалялся Илья от друзей, уединяясь с альбомом в руках. Рисование стало его второй натурой, страстью, способом общения с окружающим миром. Он стал для них недостижим. У него не было близких друзей, он предпочитал ни с кем не откровенничать, ни к кому не привязывался и никого не любил.

«Какой вы угрюмый, — кокетливо замечали девушки. — Вы всегда такой?» «Какой вы самостоятельный. Что, ничего не боитесь?» — недовольно замечали высокие чиновники.

Но он продолжал стоять в стороне, не замечая восхищенных взглядов, не слушая комплиментов и поздравлений, даже если дело происходило на его персональных выставках. И когда наступили тяжелые времена, никто не предложил ему помощи, опасаясь получить холодный и высокомерный отказ. Так Илья лишился мастерской, стал перебиваться случайными заказами. Ему было все равно. Потом из чувства противоречия он вышел с откровенной халтурой на Арбат. Когда Илья встретил Татьяну, он был ошарашен — именно ее лицо выводила его рука в различных вариантах и ракурсах так давно, что он даже не мог вспомнить, когда и откуда впервые ему пришел в голову этот образ. Жаль, что Татьяна не оценила его порыва, когда он без пальто и шапки бросился вслед за ней прямо на улицу. Откуда ей было знать, что потом этому странному художнику ночью приснится старый кошмар — серебристая фигурка, безжизненно скрюченная на арене цирка под огромным холодным куполом...

«Как неловко получилось», — беспокойно вспоминала Татьяна эпизод с художником на Арбате. На следующий день она вновь была там, высматривая Илью. Он стоял на прежнем месте, укутанный в свою тяжелую доху, дуя на озябшие пальцы.

— Вы? — удивился художник, увидев Таню.

— Да, извините меня за вчерашнее. Как-то все по-дурацки вышло. Шеф заставил меня погулять с американцами по Москве, и вот... — говорила она, с удовольствием замечая, как искры вновь вспыхнули в его глазах.

Илья молчал. Таня, принимая это молчание за смущение и неловкость, принялась рассказывать что-то смешное, любуясь собой со стороны — какая она легкая, остроумная, коммуникабельная.

— Не надо, — вдруг произнес Илья, требовательно глядя ей в глаза. — Не надо так много говорить. — Он оторвал от листа ватмана кусок и размашисто написал на нем телефонный номер. — Звоните. Я буду ждать.

Таня независимо пожала плечами и отошла, кивнув художнику на прощание. «Тоже мне, непризнанный гений», — сварливо пробубнила она, ощущая непонятную тревогу и неуверенность. Словно она только что столкнулась с инопланетянами и безумно устала, усваивая их понятия и объясняя им свои...

Вечером ей позвонил расстроенный Владик. У него пытались угнать машину, он весь день провел в милиции и нуждался в женском утешении и ласке. Татьяна должна немедленно приехать! Слушая, как Владислав самодовольно рассказывает в который раз об успешно провернутой сделке, глядя на его гладкое, спокойное лицо, Таня внезапно ощутила глухое раздражение. Из головы не выходил ее странный знакомый, его аскетичное лицо, сухой блеск серых глаз. Принимая привычные поцелуи и ласки Владика, она мстительно приговаривала про себя: «Вот тебе, получай», представляя нарочно лицо Ильи, как если бы он увидел ее в этот момент. Ей хотелось унижить его, сделать ему больно, задеть его. «Что это?» — попыталась понять Таня спустя некоторое время, наливая себе на кухне чай, глядя в черноту за окном. Она огляделась вокруг, и недавнее раздражение вновь поднялось в ней.

— Как он мне надоел, — произнесла она вслух и испугалась своих слов.

Разыскав в сумке свернувшийся в трубочку кусочек ватмана, она набрала номер, не представляя себе, зачем она это делает и что скажет. Илья поднял трубку моментально.

— Вы не спите? — удивилась Таня.

— Нет, — усмехнулся он, — старые кошмары одолевают.

Таня вздохнула.

— Приезжайте, — сухо скомандовал Илья, и Таню обидел его тон.

— Вот возьму и не приеду, — капризно протянула она.

— Как хотите, — отозвалась трубка.

— Я еду, невозможный, диктуйте адрес!

Она катила по темным пустынным улицам, старательно останавливаясь на красный свет, даже если вокруг не было ни одной машины. В голове было пусто. «Неужели это я?» — приходила иногда в голову мысль и тут же исчезала. У кирпичной многоэтажки Таня припарковалась, когда на небе появилась серая полоска зимнего позднего рассвета. Илья открыл дверь, пропуская Татьяну в полутемную, пахнущую скипидаром и свежесваренным кофе квартиру.

— Ну? — спросил он ее, наливая кофе из медной джезвы.

— Что значит «ну»? — оскорбилась Татьяна. — Я просто так заехала.

Он кивнул, продолжая молчать.

— Расскажите что-нибудь, развлеките даму! — потребовала Таня, не выдерживая молчания.

Илья поднялся, взял ее за руку и повел в комнату. Татьяна ахнула. Везде — на стенах, на подрамниках, на подоконнике — были развешаны и расставлены портреты — в масле, карандаше, пастелью. Это были портреты Татьяны.

— Мне трудно говорить, — с усилием произнес Илья, прислонившись плечом к дверному косяку, скрестив руки на груди. — Да и бесполезно, наверное. Все равно все останется так, как есть. Я ведь навел справки. Вы — удачливая, преуспевающая, у вас родители. Знаете, о такой поет Макаревич: «Она идет по жизни смеясь». А я... Кто я? Никчемная богема!

Таня вздрогнула и повернулась к нему.

— Зачем вы так! Ведь вы — мастер. И большой мастер. Меня научили в этом разбираться.

Илья холодно усмехнулся:

— Благодарю. Но мне не нужны комплименты.

Они вернулись на кухню.

— Понимаете, я всю жизнь жил вполне, — продолжал Илья. — Я никогда не выкладывался, за исключением искусства. Я боялся полюбить, привязаться, опасаясь предательства, не веря в дружбу. Во всем полагался на себя, свои силы, зная, что это единственный способ ни в ком и ни в чем не разочароваться. Это стало моей второй натурой. И теперь я уже не способен на настоящий поступок. Я предпочитаю полутона, а не яркие цвета. Мне надо бы сказать, что я ждал вас всю жизнь, просить вас быть со мной. Но я не стану. И все останется так, как прежде. А ведь я знаю, что совершаю страшную ошибку. Я не прошу ее себе, и тем не менее все будет именно так. Я останусь для вас эпизодом, который, вероятно, вы очень скоро забудете.

Таня поигрывала ложечкой, слушая этот странный монолог. Возразить было нечего. Илья был прав. Сейчас она уедет. Вернется в свою жизнь. Владик уже, наверное, разыскивает ее по всей Москве. Илья останется здесь. Их дороги разойдутся. Пересечение невозможно. Таня поднялась из-за стола.

— Спасибо за все. Но... мне пора.

Илья кивнул, знакомые Тане искры в глазах вспыхнули и сразу погасли.

После того как Таня ушла, Илья долго сидел на кухне, сжав кулаки, рассматривая причудливые разводы кофейной гущи в чашке. «Так будет лучше», — решительно сказал он себе, вернулся в комнату, закрепил чистый лист и углубился в работу. Рука уверенно вывела широкий круг арены в обрамлении алого бархата. Полутемный зрительный зал. Освещены лишь первые ряды. Беспощадный белый свет в центре арены направлен на гимнаста в серебряном трико, распластанного на опилках. Лица зрителей охвачены ужасом и восторгом от произошедшей на их глазах трагедии. Сверху по канату спускается второй гимнаст. Он пытается разглядеть, что творится внизу, жив ли его партнер. На лице — отчаяние.

Илья не заметил, как наступил вечер. Сегодня он вызвал свой давний кошмар на бой. Выиграет ли он его?

Татьяна всеми силами старалась забыть утренний разговор. Жизнь показалась большим бухгалтерским grossбухом, где все события расписаны далеко вперед. Изменить что-либо не в ее силах. И зачем? Она выйдет замуж за Владика. Будет семья, дети. Потом они переедут жить куда-нибудь в Европу. Во Францию или Италию. И, прогуливаясь по узким улочкам Парижа или Флоренции, где смуглые улыбчивые художники будут наперебой предлагать свой товар, она обязательно вспомнит зимний день, Арбат, художника в неловком черном полушубке, и в ушах требовательно зазвонит вопрос:

— Портретик не желаете?

ДО ТОГО, КАК НАСТУПИЛ ФЕВРАЛЬ...

Время близилось к семи утра, и высокий тополь, посаженный матерью, когда мы только въехали в квартиру, еще едва угадывался в предутренней дымке. Николай щелчком выстрелил очередную сигарету из пачки, глубоко затянулся и снова уставился в окно. Ровно в семь он повернул колесико радиоприемника, и в кухню ворвалась мажорная музыка, разгоняя сонную скуку по углам.

— В эфире радиостанция «Полет», — бодро объявил бархатный голос. — С вами сегодня в студии ведущая Татьяна Ветрова. В нашей программе вы услышите...

Радио гремело вовсю. Я открыла глаза и потянулась. Пусто и одиноко было в моей квартире после развода с мужем. Чтобы развеять тоску, полгода назад я пригласила погостить двоюродного брата, по-современному — кузена, Николая — молодого начинающего бизнесмена из Перми. Он хотел купить машину в Москве, завязать новые деловые связи... Но встретила Коле ведущая радио «Полет» Татьяна Ветрова. «Просто маньяк обмороженный», — говорили о нем партнеры. Куда бы они ни ехали заключать сделки, «Полет» сопровождал их. Никто уже не возражал и не просил переключить «эту дребедень». Даже пронесся слух, что «Полет» приносит счастье. Однажды совсем незначительная размолвка между Татьяной и Николаем стала причиной разрыва. Теперь он сидит каждый день в ожидании, что раздастся телефонный звонок и низкий, бархатный голос попросит его к телефону. В моей квартире поселились две тоски-печали... Восемь утра. Пора собираться на работу. В кухне кричало настроенное на «Полет» радио, а Николай сидел в своей любимой позе у окна.

— Слушаешь?.. — не то констатировала, не то спросила я, заваривая кофе. Николай не ответил. Да я и не ожидала ответа... Прежние теплые отношения между нами перестали существовать. Я жила по-своему, Николай по-своему, словно квартирант. Он забыл, что он сильный, уверенный мужчина, что у него бизнес, двоюродная сестра, родители и другие, конечно же, важные вещи. Для него существовало только одно — голос Татьяны Ветровой.

На улице сеял морозящий серенький дождик. В автобусе от спрессованных влажных курток и пальто пахло мочалкой. Ехать надо было три остановки. Потом метро. Потом опять автобус. Издерганная, с оторванной пуговицей на пальто и истоптанными туфлями, я вошла в офис. Сегодня у компьютера уже высилась гора бумаг, которые нужно было перевести. Включив компьютер, я уставилась в экран. «Что же делать с Николаем?» Этот вопрос очень занимал меня. У нас всегда были доверительные отношения, и впервые их разрушила история с Татьяной. «Надо что-то делать!» Но в голову так ничего и не приходило. Начала работать. Продираясь сквозь нагромождение цифр и терминов, листая словари, я как-то отвлеклась от тяжелых раздумий. В дверь постучали.

— Войдите, — крикнула я, не отрываясь от компьютера — как раз мучилась над сложнейшим пассажем.

В дверь вошел, слегка смущаясь, Майкл Друри — сотрудник соседней фирмы. В руках у него был конверт, который он нетерпеливо вертел в руках.

— Лена, — попросил он, — не могли бы вы мне сделать перевод? Оплата, как обычно, десять долларов страница.

Я перевела взгляд на стопку бумаг, лежавших у компьютера. С одной стороны, шеф

будет недоволен, если его перевод не будет готов вовремя, а с другой стороны, долларов сто — сто пятьдесят нелишни.

Майкл понял, какую я переживаю внутреннюю борьбу, и попятился к двери.

— Ладно, давайте. Только не срочно.

Я прикинула, что если останусь на час-два в бюро, то успею и то и другое. Все равно некуда спешить. Дома — холодно и грустно, ехать к друзьям — засиживаться допоздна, а завтра опять рано вставать. Остается только работа. Я углубилась в дебри английского языка.

Уже горели фонари, и улицы были пустынные, когда я подошла к дому.

— Звонила Таня!!! — провозгласил Николай, едва я вошла в квартиру. Я кивнула и стала снимать сапоги. — Она хочет написать письмо в Америку, ей нужен человек, хорошо знающий язык.

Все ясно. Бедный Коля! Тане нужен переводчик, она вспоминает Николая и звонит ему как ни в чем не бывало, словно не прошли эти мучительные месяцы, разрушившие покой в доме.

— Пусть привозит письмо, переведу, — пожала я плечами как можно безразличнее.

— Да нет! — закричал от прорвавшихся наконец эмоций Николай. — Это *мы* должны поехать к ней!

— Ничего себе, сервис на дому. Я на работе так сегодня напахалась!

Николай поежился:

— Лена, ты же знаешь, что для меня означает этот звонок. Я не могу без нее, просто не могу.

Обитая золотистым дерматином стальная дверь скрывала за собой однокомнатную квартиру Татьяны Ветровой. Едва Николай прикоснулся к дверному звонку, дверь сразу же распахнулась. Я впервые увидела Татьяну — изящную невысокую блондинку с невыразительными чертами лица, но глубокими карими глазами и завораживающей походкой.

Татьяна пригласила нас в комнату. Стандартная мебель, разбросанные по полу и дивану подушечки, торшер. И — книги, стиснутые за стеклом стенки, книги и журналы на подоконнике, книги и гора бумаг на столе у включенного компьютера.

— Как хорошо, что вы пришли! — воскликнула Татьяна, когда мы расселись на диване, и от ее мягкого, вибрирующего тона у меня побежали мурашки по спине. — Я просто в отчаянии, — продолжила Ветрова. — Мне нужно написать письмо одному журналисту в Вашингтон, а я не знаю языка. Я с ним познакомилась на одной пресс-конференции. У него был переводчик, и мы славно пообщались. Теперь я хотела бы прокомментировать вопросы, которые мы с ним обсуждали. Спасибо, что согласились мне помочь.

Я искоса бросила взгляд на Николая. Он сидел на диване в напряженной позе, буквально пожирая глазами Татьяну. Но она, казалось, совсем не замечала этого.

— Я здесь набросала текст, — протянула Ветрова несколько листов бумаги, — когда я могу их получить обратно?

— Я сделаю это сейчас. — Я поднялась с дивана и подошла к компьютеру.

— Не будем мешать. — Татьяна потянула Николая за руку на кухню.

Через полчаса перевод умного, несколько ироничного письма Татьяны Ветровой Ричарду Майлзу был готов.

— Пойдем, Николаша. — Я зашла с листками перевода на кухню. — Мне завтра рано

вставить.

Обстановка на кухне была самая идиллическая, почти семейная — Николай и Татьяна пили чай, ласково поглядывая друг на друга. Николай нехотя поднялся с табуретки.

— Пока... — Он вложил в короткое слово прощания столько нежности, что даже во мне зародилось чувство собственности.

Всю дорогу назад мы провели в молчании. Салон машины привычно заполняли бормотание радиостанции «Полет» и запах сигарет «Мальборо», которые без конца курил Николай.

Полетели серые ноябрьские дни. Все оставалось по-прежнему. Николай, обретший вкус к жизни, вернулся к своему бизнесу. Каждый вечер он мчался к Татьяне, оставаясь иногда у нее до утра. Регулярно я посещала квартирку за золотистой дверью — переводила письма Ричарда Майлза и Татьяны Ветровой. Все было спокойно и гармонично. Но в душе я ощущала нарастающее напряжение — равновесие, установившееся в этом странном треугольнике, вот-вот должно было нарушиться. Зимой Ричард Майлз собрался наконец в далекую Москву. Татьяна летала по Москве, что-то устраивала, кого-то собирала. Вопрос о том, кто будет переводить, не поднимался. Разумеется, это будет Лена!

Наконец он приехал. В огромной меховой дохе, с кожаными чемоданами и белозубой улыбкой, американский гость выделялся своим высоченным ростом. Татьяна, встречавшая его с нами, должна была подняться на цыпочки, чтобы поцеловать Ричарда в розовую щеку. Американец шутил, смеялся своим шуткам и чувствовал себя воистину как дома. У меня на фирме были объявлены рождественские каникулы, и я проводила с Татьяной и Ричардом целые дни. Программа была действительно насыщенной и интересной. Когда мне удавалось не чувствовать неприязни к Ветровой, я искренне восхищалась ее эрудицией, умом, иронией. Еще я замечала, как с каждым днем взгляд Ричарда становился все влюбленно-красноречивее, а поведение все скованнее. Но чем все закончилось — я так и не узнала. Приехал шеф, я вышла на работу, а Николай пропадал целыми днями, счастливый, что выполнял функции шофера Татьяны.

Потом все замолкло. Николай надолго уехал по своим делам. Татьяна перестала звонить. Потекли обычные, рутинные дела: дом — работа — дом. Однажды, опаздывая на переговоры, я поймала частного водителя. Водитель запросил не много, и, путаясь в длинной шубе, я влезла в «жигуль». В машине всю гремела музыка.

— В эфире радиостанция «Полет», — зазвучал задорно-писклявый голос — и я вздрогнула. — У нас сегодня счастливый и грустный день, — продолжало звенеть в радиоприемнике. — Наша любимая Татьяна Ветрова, неизменная ведущая радиостанции «Полет», выходит замуж за известного американского журналиста Ричарда Майлза. Мы радуемся вместе с Танюшей и грустим, что нам придется расстаться с ней. А сейчас прозвучит ее любимая песня «Суженый мой» в исполнении Ирины Аллегровой.

Я уже не слышала хриплого голоса певицы.

* * *

— Надо пережить эту беду, собраться и пережить, — без конца повторяла я.

Николай закурил очередную сигарету.

— Пора мне домой. Загостился я тут.

И мы долго сидели за кухонным столом у окна, вглядываясь в посаженный матерью тополь, пока его не поглотила чернильная февральская ночь...

ЧЕМОДАН ФРАУ ШМИДТ

Стоял промозглый ноябрь, сетка дождя и тумана висела над городом, и Игорь чертыхался на каждом повороте, бросавшем в лобовое стекло тучи брызг из глубоких бурых луж. Мы страшно опаздывали. Самолет из Мюнхена приземлился, а мы все еще были на Ленинградке.

— А это все ты! — в который раз горестно причитал Игорь. — Если бы не твои переодевания, мы бы точно успели!

Я молчала. Мой основной аргумент, что жену президента компании, с которой мы хотим начать сотрудничество, неприлично встречать в джинсах и кроссовках, был решительно отмечен еще в начале пути.

Когда мы, запыхавшись, ворвались в здание аэропорта, оказалось, что никто из пассажиров мюнхенского рейса еще не выходил. Прошло пятнадцать минут, полчаса, час, и только тогда стали появляться измученные долгим ожиданием багажа пассажиры. Они бросались к не менее измученным встречающим и яростно делились пережитым в процессе получения своих чемоданов.

Но фрау Шмидт среди них не было. Розы, стиснутые Игорем в жаркой ладони, стали блекнуть. Мои ноги в туфлях на высоких каблуках затекли. Мы растерянно глядели друг на друга и спрашивали себя, что же случилось. То, что фрау Шмидт вылетела из Мюнхена, было известно, но почему она не выходит к нам?

Мы уже решили вернуться в офис и созвониться с Германией, когда на пороге матовой двери, разделяющей зал прилета и зал ожидания, появилась высокая блондинка в синем кашемировом пальто, с достоинством толкающая тележку с дорогими чемоданами, помеченными монограммой. Это была фрау Шмидт. Мы кинулись к ней, но злое выражение ее лица, колючий взгляд остановили наш порыв. Встреча супруги президента была скомкана.

У фрау Шмидт пропал один чемодан. Сотрудники Шереметьева под ее бурным натиском уже связались с «Люфтганзой» и аэропортом в Мюнхене и выяснили, что чемодан госпожи Шмидт улетел в Москву. Далее его следы затерялись. Негодование мадам было сильным, и это она незамедлительно подкрепляла потоком самых язвительных и почти что оскорбительных оценок работы «Люфтганзы», Аэрофлота и Шереметьева.

В чемодане супруги президента находились коллекционные вещи от лучших модельеров. Теперь их восстановить было невозможно, и мадам лишилась значимой и дорогой части своего гардероба. Я ей горячо сочувствовала. Игорь вел машину молча, слушая фрау Шмидт, мой перевод, и сердито сопел. Обстановка была напряженной, и я ощущала себя в машине как в трансформаторной будке. Но вдруг, не договорив очередной гневной тирады, надменная красивая женщина бальзаковского возраста расплакалась так горько, словно маленькая девочка. Игорь расстроился. Вся задуманная им кампания рассыпалась как плохо испеченное печенье. Он в отчаянии поглядывал в зеркало заднего обзора то на мадам, то на меня. От результатов поездки фрау Шмидт зависел успех фирмы Игоря и, как это ни странно, будущих наших отношений.

Фирма Игоря открывала сеть строительных магазинов, и в качестве инвестора и поставщика должна была выступить компания, возглавляемая господином Шмидтом. Протокол о намерениях был подписан два месяца назад, все юридические и фактические формальности были выполнены. Но господин Шмидт медлил с окончательным принятием

решения. Приезд фрау Шмидт должен был стать последним аргументом в пользу нашего дела или против него. И вот она сидела на заднем сиденье «девятки» и хлюпала носом. Правда, она быстро взяла себя в руки и мило улыбнулась. Однако она отказалась от приглашения на ужин в ее честь, сославшись на головную боль, и отправилась в номер оплакивать свои туалеты, а заодно пожаловаться по телефону своему мужу.

Домой мы ехали в подавленном состоянии. Я посмотрела на Игоря, на его потухшие глаза и вспомнила его таким, каким встретила впервые в НИИСтроймаше переводчицей отдела информации, попавшей туда сразу после окончания института. Игорь в первый же раз поразил мое воображение. Подвижный, энергичный, он шел по жизни легко, не обращая внимания на проблемы и интриги. Он быстро продвигался по служебной лестнице, у него было много недоброжелателей, но все же большая часть института ему симпатизировала. Меня он заметил примерно через полгода после того, как я начала работать. Это произошло на международной выставке. Он сопровождал делегацию из ГДР, а я ему переводила. Практически целую неделю мы провели вместе, расставаясь только на ночь.

Прошел год, и все шло к тому, чтобы Игорь сделал мне предложение, но когда в стране начались стремительные перемены, в институте закрыли часть тематики, распустили отделы, и Игорь так и остался начальником лаборатории, без надежд на карьеру. Единственным источником выживания были совместные проекты с зарубежными партнерами, поэтому мне приходилось крутиться подобно белке в колесе, пропадая в дальних командировках. Иногда, просыпаясь в гостинице, я не могла вспомнить, в каком городе я нахожусь. А Игорь сдался, оказавшись вне игры. Он опустил плечи, исчезла его подтянутость и деловитость, на жизнь он смотрел с позиции неистребимого скептика, не ожидавшего впереди ничего хорошего. Кроме того, появились необоснованные вспышки ревности, злости. Мне было безумно его жаль, и когда группа фирмачей во главе с Францем Шмидтом приехала к нам, чтобы найти выгодный для себя проект, мне потребовалось немало усилий, чтобы заставить Игоря поверить в себя и взяться за дело. К нему вернулись уверенность и энергия, он посвящал новому занятию всего себя, без остатка. Вопрос о браке уже не поднимался. Когда он стал директором фирмы, он взял меня к себе переводчиком-секретарем. Какую ошибку я совершила! В качестве начальника он был невыносим. Его фамильярность, заносчивость распространялись на всех сотрудников, но в большей степени на меня. Он мог приказать мне сделать любую работу, ловко манипулируя нашими отношениями. Многие «доброжелательные» коллеги называли меня за глаза рабыней. Пусть. Но я видела то, что было недоступно им. Вечерами он был полумертвым от усталости и напряжения. Он плакал во сне, его мучили кошмары, он каялся, что не может вырваться к матери в родной город навестить. И еще он клялся, что без меня и моей помощи он бы сломался, и я это знала. Я любила его и понимала при этом, что наши чувства неравноценны. И все же у нас бывали незабываемые моменты, когда мы ощущали невероятную целостность и взаимопонимание, создать которые могла только любовь.

И теперь, глядя на него, бледного, разочарованного неудачной встречей фрау Шмидт, я сказала себе, что я сделаю все, чтобы Игорь получил этот контракт.

* * *

На следующий день у нас была запланирована экскурсия в Кремль. Фрау Шмидт была

спокойна, элегантна. Ничто не напоминало о вчерашнем инциденте. На экскурсии по Кремлю дама проявила столько же эмоций, сколько эскимос при виде снега. Я была окончательно сбита с толку. Неужели она не может простить нам этот дурацкий чемодан? Вечером мы отвезли ее в немецкое посольство, куда она была приглашена на ужин к послу.

— Ты что с ней сделала? — накинулся на меня Игорь, как только мы вошли в квартиру. — Она как замороженная. Опять проявляешь свою инициативу! Зачем я взял тебя к себе в фирму, сидела бы и заколачивала свою тысячу в этом НИИ!

И он демонстративно прибавил громкость телевизора, когда я попыталась возразить.

На следующее утро Игорь сам вызвался свозить нас в Новодевичий монастырь и Коломенское. Фрау Шмидт казалась немного оттаявшей и с явным удовольствием наслаждалась солнечной морозной погодой. Игорь действительно интересно рассказывал об истории монастыря, не обращая, однако, внимания на то, что я не успеваю переводить за ним, и игнорируя мои просьбы повторить. Со вчерашнего вечера он все еще злился, и никакое солнечное утро не могло стереть с его лица выражение недовольства и раздражения мной. Мадам несколько раз с любопытством смотрела на игру его мимики, особенно когда он обращался ко мне. Мы повернули назад, к стоянке машин.

Некоторое время ехали молча. Неожиданно для нас фрау Шмидт принялась рассказывать об истории Мюнхена, о его окрестностях и о том местечке, где стоит их дом, о привычках соседей и о характере своей собаки. Она давала четкие, исчерпывающие характеристики. Это было артистично и неподражаемо.

В Коломенском Игорь оставил нас вдвоем, обещав вернуться через час. Вид у него был чрезвычайно самодовольный — неожиданный приступ разговорчивости мадам он отнес на счет собственного обаяния.

Мы медленно бродили, расшвыривая ногами сухие листья. Вокруг царили тишина и спокойствие, чего нельзя было сказать о моей душе. Впервые мне пришло в голову, что я зря обманываю себя и что у нас с Игорем все кончено.

— Увы, мужчины любят первым делом карьеру, а женщины всегда терпеливо ждут своей очереди, — словно прочитав мои мысли, вдруг произнесла фрау Шмидт. — Не расстраивайтесь. Я вижу, что вы любите друг друга, просто переживаете кризис.

Я потеряла дар речи, а неприступная ранее фрау Шмидт продолжала:

— У нас были похожие проблемы с Францем: Я поддерживала его стремление сделать карьеру в ущерб своим собственным чувствам и мыслям. Но однажды я поняла, что я должна что-то сделать для себя, чтобы сохранить наше чувство. Я всю жизнь мечтала о настоящей любви. Мой отец погиб в России, и мать больше не вышла замуж. Она любила его всю жизнь. Его я не помню, но столько о нем слышала, что могу детально описать его характер, привычки, речь. Долго, очень долго я не решалась приехать в Россию, и вдруг решила. Мне было очень тяжело смотреть на могилу Неизвестного солдата. Надеюсь, вы понимаете меня. Я от души желаю вам найти счастье, бороться за него и выиграть в этой борьбе.

Слова фрау Шмидт весь вечер не выходили у меня из головы. Пока Игорь и мадам наслаждались оперой в Большом, я обдумывала наше будущее.

От мучительных размышлений меня оторвал телефонный звонок. Звонил сотрудник аэропорта Шереметьево с радостной вестью — чемодан фрау Шмидт был найден. И этот звонок вдруг заставил меня действовать. Я быстро набросала от руки заявление об уходе с работы и оставила его на кухонном столе, на видном месте. Затем я собрала свои вещи и с

грудой чемоданов спустилась вниз. Через час в своей маленькой запущенной квартирке я открывала бутылку шампанского, чтобы отпраздновать начало новой жизни. Я знала, что мне придется нелегко. Я была готова к этому и верила, что если Игорь любит меня, ему придется многое понять и переоценить.

Через три месяца мы поженились. На свадьбу пригласили только самых близких людей — среди них были супруги Шмидт.

— Я верила в вас, — сказала мне фрау Шмидт, вручая огромный букет. — Ведь если не женщины будут сражаться за любовь, то кто?

Она имела, казалось бы, все, о чем только можно мечтать: интересную работу и блестящую карьеру, успех и независимость, — все, кроме обычного женского счастья.

У нее не было, казалось бы, вообще никаких проблем... кроме одиночества. Одиночества такого мучительного, что она порой наблюдала за жизнью обитателей квартиры в доме напротив.

И однажды, когда одиночество стало невыносимым, она позвонила в дверь ТОЙ САМОЙ квартиры в доме напротив. Позвонила, еще не зная, что именно там ее ожидает долгожданное счастье. Счастье, которое способна принести женщине только любовь...

ПОСЛУШАЙ

РАДИО TAGO 104,2 FM

The advertisement features a central image of a man in a blue denim jacket using a stethoscope on a woman in a light green blouse. The background is a vibrant pink and orange pattern of overlapping circles. The word 'ПОСЛУШАЙ' is written in large white letters at the top. At the bottom, the word 'РАДИО' is on the left, the stylized 'TAGO' logo is in the center, and '104,2 FM' is on the right.

Она имела, казалось бы, все, о чем только можно мечтать: интересную работу и блестящую карьеру, успех и независимость, — все, кроме обычного женского счастья.

У нее не было, казалось бы, вообще никаких проблем... кроме одиночества. Одиночества такого мучительного, что она порой наблюдала за жизнью обитателей

квартиры в доме напротив.

И однажды, когда одиночество стаю невыносимым, она позвонила в дверь ТОЙ САМОЙ квартиры в доме напротив. Позвонила, еще не зная, что именно там ее ожидает долгожданное счастье. Счастье, которое способна принести женщине только любовь...

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.